
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00269907 2

БЕСѢДЫ
О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРѢ.

И. П. Хрущова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 14.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Апрѣля 1900 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга — не учебникъ. Бесѣды эти были вызваны желаніемъ небольшаго кружка образованныхъ лицъ ознакомиться съ исторіей отечественной литературы. Онѣ были изданы *) и распространены въ оттискахъ. Не смотря на ссылки на нихъ въ ученыхъ статьяхъ и на благосклонные отзывы, я первое время не рѣшался переиздавать ихъ. Тогда придавалъ я бо́льшее значеніе курсу, къ работѣ надъ которымъ приступалъ, занимая университетскую каѳедру. Въ 1897 году, покойный академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, съ которымъ я тогда имѣлъ сношенія, по поводу изданія мною сочиненій кн. Щербатова, напомнилъ мнѣ о «Бесѣдахъ», хорошо ему извѣстныхъ, и убѣждалъ издать мой залежавшійся трудъ. Подъ вліяніемъ этого дружескаго совѣта, я тогда же задумалъ вновь пересмотрѣть «Бесѣды» и, если бы оказалось нужнымъ, переработать ихъ. Но приняться за это дѣло я не могъ, пока не получилъ въ удѣлъ свободнаго отъ служебныхъ трудовъ вре-

*) Въ приложеніи къ журналу «Семейные Вечера, старшій возрастъ. Изд. С. С. Кашпиревою. 1872 г.

мени. Выпуская нынѣ въ свѣтъ «Бесѣды», я долженъ заявить, что онѣ переработаны и дополнены, но самый планъ и большею частію содержаніе остались неприкосновенными.

Книга раздѣляется на четыре части.—Въ первой читатель найдетъ довольно полный обзоръ памятниковъ до-монгольскаго періода. Передъ нимъ раскроются основные источники древнаго русскаго просвѣщенія въ ихъ значеніи, а частію и въ красотѣ ихъ художественной формы. Къ этой, полнѣе другихъ изложенной части присоединенъ списокъ того, что сохранилось въ подлинныхъ памятникахъ письменности и дошло до насъ. Прилагать подобные списки къ другимъ частямъ было бы лишнимъ бременемъ для цѣли книги. Совсѣмъ иное дѣло—не великое по числу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоцѣнное наслѣдіе поры завѣтной, основной для дальнѣйшихъ вѣковъ—живое свидѣтельство еще не потрясенной нашествіемъ монголовъ нашей созидавшейся цивилизаціи. Полагаю, что эти скрижали русскаго просвѣщенія должны быть достояніемъ не однихъ спеціалистовъ науки.

Вторая часть обнимаетъ среднее время—вѣка литературнаго застоя и начала и роста великаго государства. Здѣсь вмѣстѣ съ характеристикой литературныхъ явленій приводятся выдержки изъ памятниковъ, не вошедшихъ въ обычныя программы, и тѣмъ не менѣе изъ памятниковъ первой важности, какъ напр. «Повѣсть о взятіи Царяграда». Между прочимъ читатель встрѣчается здѣсь съ такими подвижниками просвѣщенія, какъ нашъ первопечатникъ, обыкновенно пропускаемый въ учебникахъ.

Третья часть посвящена устной народной словесности. Этотъ отдѣлъ обыкновенно помѣщается въ учебныхъ книгахъ то въ концѣ, то въ началѣ обзора письменной словесности, какъ особое дополненіе. Здѣсь же народная устная словесность входитъ органически въ содержаніе книги. Уже въ первыхъ главахъ съ нею не разъ встрѣчается читатель; систематическое же изложеніе ея явленій, начинаясь съ простаго несложнаго изреченія—«пословицы», постепенно доходитъ до наиболѣе совершеннаго произведенія народнаго эпоса—«былины». Послѣдняя связывается съ «побывальщиною», болѣе зрѣлою по мысли и менѣе поэтичною по существу. Побывальщина прямо вводитъ читателя въ міросозерцаніе XVII-го вѣка.

Предметъ послѣдней, четвертой части (Отъ стараго къ новому) — XVII-й вѣкъ. Этотъ «канунъ реформы» съ литературной стороны, благодаря многосложности различныхъ теченій, всегда труденъ для учащихся. Для уразумѣнія его необходимо прежде всего образная живая характеристика, доступный, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не подробный и не угнетающій грузомъ фактовъ, обзоръ. Этого я и старался достичь. Новая редакція упорядочила строй такого обзора и прибавила нѣкоторые небольшіе эпизоды.

Спеціалисты усмотрятъ, что передъ авторомъ «Бесѣдъ» былъ раскрытъ матеріалъ ученыхъ изданій источниковъ, и наиболѣе замѣтныхъ трудовъ изслѣдователей по наукѣ нашей.—Я долженъ упомянуть, что болѣе всего я почерпнулъ изъ Очерковъ Ѳ. И. Буслаева и Исторіи древней литературы А. Н. Пыпина. Въ послѣдней части книги читатель найдетъ довольно обшир-

ныя позаимствованія и выдержки изъ Исторіи Россіи С. М. Соловьева, въ особенности изъ XIII-го ея тома. Эти по истинѣ художественныя мѣста служатъ иллюстраціей къ историко-литературному очерку.

Хотя я и дѣлаю, гдѣ это необходимо, ссылки на источники моихъ заимствованій, но все же эти ссылки не обильны. Я между прочимъ пропускаю и ссылки на мои собственныя изслѣдованія и статьи. Большое число ссылокъ въ популярной книгѣ мнѣ представляется не цѣлесообразнымъ. Читателю, желающему подробнѣе вникнуть въ предметъ, можно посовѣтывать взять въ руки Исторію древней русской литературы Пыпина: тамъ онъ найдетъ полную, обстоятельную библіографію источниковъ и изслѣдованій по данному предмету.

Предназначенная для чтенія, книга моя послужитъ облегченіемъ и при обязательныхъ занятіяхъ учащихся старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній. Не смотря на то, что книга выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ программъ, въ ней, дерзаю думать, найдется въ должной ясности и на твердомъ основаніи самая *догма* выдающихся литературныхъ явленій.

Лицамъ, не имѣющихъ возможности пользоваться многими дорогими книгами, «Бесѣды», быть можетъ, помогутъ ознакомиться съ первоклассными изслѣдователями по выдержкамъ изъ нихъ, гдѣ сказался основной выводъ и научное опредѣленіе въ формѣ часто художественной.

Иванъ Хрущовъ.

1900 г. Марта 30-го.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. До-монгольская пора.

II. Обзоръ литературы средняго періода.

СТРАН.

IV. Отъ стараго къ новому.

I.

ДО-МОНГОЛЬСКАЯ ПОРА.

Вступленіе къ очеркамъ Русской литературы. — Славянскіе просвѣтители. — Начало книжности на Руси. — Кіевская лѣтопись: изображенные ею князья язычники, христіанка Ольга; Владиміръ — язычникъ и христіанинъ.

Мы начнемъ наши очерки съ древнѣйшей эпохи. Отъ народа, въ первые вѣка его историческаго сознанія, нельзя требовать многаго подобно тому, какъ отъ ребенка нельзя требовать ума и системы понятій, какъ отъ взрослаго. Мы интересуемся древнею порою жизни славнаго народа точно также, какъ интересуемся дѣтствомъ и отрочествомъ славнаго историческаго лица; но народъ, а особенно тотъ, къ которому принадлежимъ мы сами, имѣетъ для насъ тѣмъ большій интересъ. Намъ дороги свѣдѣнія о младенческой эпохѣ своего народа, какъ дороги преданія о нашемъ собственномъ младенчествѣ и воспоминанія о минувшемъ дѣтствѣ. Мы изучаемъ жизнь нашего народа, потому что любимъ его, какъ свою плоть и кровь — и вотъ причина, почему намъ всѣмъ дорога и интересна его исторія.

Но исторіи его мы бы не знали, если бы не уцѣлѣла литература. Въ литературѣ главный источникъ исторіи, и сверхъ того въ ней отпечатлѣвается вся внутренняя жизнь народа, которую исторія передаетъ только при случаѣ. Все духовное, сознательное, что исторія передаетъ только слегка, стороною, находитъ себѣ выраженіе въ литературѣ.

Но съ другой стороны самая духовная жизнь народа не можетъ интересовать поодаль отъ исторіи. Поэтому-то мы имѣемъ намѣреніе предложить читателю очеркъ нашей древней литературы, не обходя и историческихъ явленій. Напоминая о нихъ, мы станемъ на твердую почву.

Трудно обозрѣть вкратцѣ всѣ замѣчательныя явленія нашей древней литературы. Это было бы слишкомъ сжато, бѣгло, слѣдовательно и не интересно. Не имѣя въ виду полнаго обзора нашей литературы, мы постараемся представить ея историческій очеркъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остановимся на разборѣ только нѣкоторыхъ древнихъ литературныхъ произведеній.

Перенесемся мыслью въ эпоху, которую любятъ называть темною ночью среднихъ вѣковъ — въ IX вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ. Только что успокоилось вслѣдствіе побѣдъ и политики Карла Великаго многовѣковое броженіе Германцевъ; не прошло еще ста лѣтъ, какъ послѣдніе изъ нихъ, Саксы, приняли

христіанство. Англо-саксы боролись съ Кельтійскими племенами, и въ Италіи возвышалось значеніе папы, старѣйшаго епископа той церкви, которую Гизо справедливо называетъ ковчегомъ новымъ, спасшимъ цивилизацію отъ варварскаго потопа.

Но былъ и другой ковчегъ, который любятъ обходить западные писатели; это была церковь новаго Рима—Византіи. Церковь Римская распространяла вѣру Христову и христіанское просвѣщеніе во всей Западной Европѣ. Церковь Византійская—распространяла христіанство по берегамъ Чернаго моря съ одной стороны, а съ другой стороны по Дунаю и въ своихъ собственныхъ провинціяхъ. Пользуясь языками варваровъ только для первоначальной проповѣди, Римская церковь преподавала всѣмъ племенамъ священное писаніе и богослужебныя книги на языкѣ латинскомъ. Народы, находившіеся въ сношеніяхъ съ Византіею, разумѣли слово истины на языкахъ отечественныхъ.

Въ IX вѣкѣ по всей Византійской имперіи было разселено племя Славянское. Двигавшееся въ VI вѣкѣ на западъ до самой Швейцаріи и оттертое оттуда Германцами, племя это частію жило по Дунаю и на югѣ, въ Македоніи и Иллиріи. Въ VIII вѣкѣ оно распространилось и по всему Пелопонесу. Писатели греческіе жалуются, что вся

страна ихъ ославянилась. Въ IX вѣкѣ на престолъ греческій восходитъ славянинъ — Василій Македонянинъ. При такомъ сближеніи съ Византіею славянскимъ народамъ, уже принявшимъ христіанство, предстояло воспользоваться христіанскимъ просвѣщеніемъ Византіи.

Въ Ѳессалоникахъ или Солуни, полуславянскомъ городѣ жилъ тогда (въ первой половинѣ IX столѣтія) человѣкъ знатнаго происхожденія, по имени Левъ. Младшій изъ многихъ сыновей его, Константинъ, рано полюбилъ ученье. Въ его жизнеописаніи есть преданія о знаменіяхъ, которыя ему, еще отроку, указывали путь къ спасенію и изученію премудрости Божіей. Первое образованіе Константинъ получилъ дома, потомъ его отправили въ Царьградъ, гдѣ у него былъ покровитель: логоѳетъ, вельможа царскій, сдѣлавшій его соученикомъ юнаго царя Михаила. Блескъ и пышность «царя царей» (какъ называли тогда греческаго императора) не плѣнили юношу. Онъ отклонилъ бракъ съ дочерью логоѳета и занялъ мѣсто библіотекаря при патріаршемъ храмѣ св. Софіи. За свои познанія по грамматикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи, діалектикѣ, философіи Аристотеля и по твореніямъ св. отцевъ, Константинъ получилъ званіе философа.

Вскорѣ началась просвѣтительная дѣятельность

Константина-Философа. Сперва онъ препирается о вѣрѣ съ иконоборцами, потомъ проповѣдуетъ Евангеліе по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. По возвращеніи въ Царьградъ, Константинъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ обратилъ все вниманіе на славянскіе народы, жившіе по всей Греціи, и къ сѣверу отъ ея предѣловъ — по Дунаю, и въ нынѣшней Венгріи, и управлявшіеся своими князьями, независимыми послѣ разрушенія Карломъ Великимъ царства Аварскаго. Моравы и Чехи уже приняли христіанство отъ Рима, но не имѣли книгъ на родномъ языкѣ; Болгары пребывали въ язычествѣ. Между тѣмъ другіе не славянскіе народы около Византіи и далѣе: Армяне, Иверійцы, Сиріяне совершали богослуженіе на своихъ языкахъ. Составивъ азбуку изъ 36 буквъ, соотвѣтствовавшихъ всѣмъ звукамъ славянскаго языка, и взявъ начертаніе изъ греческой азбуки, частію-же изъ письменъ восточныхъ (*ж*, *ч*, *ш*), братья принялись за переводъ богослужебныхъ книгъ. Труды славянскихъ просвѣтителей сначала достались Славянамъ, жившимъ въ предѣлахъ греческихъ, потомъ Меѳодій перенесъ ихъ въ Болгарію, гдѣ въ 858 году царь Борисъ принялъ св. крещеніе.

Послѣ того братья, по призыву принявшихъ отъ Рима вѣру Моравовъ и князя ихъ Ростислава,

прибыли въ Велеградъ Моравскій и стали вводить славянское богослуженіе во всей землѣ этой.

Папа Николай, услыхавъ о дѣятельности Константина и Меѳодія въ области, управлявшейся въ дѣлахъ вѣры латинскими священниками, вызвалъ братьевъ въ Римъ, куда они и отправились съ богослужебными книгами и съ мощами св. Климента, папы Римскаго, погибшаго мученическою смертью въ Херсонесѣ Таврическомъ, откуда они и вывезли эту святыню. Въ Венеціи Константинъ выдержалъ споръ съ латинскимъ духовенствомъ, допускавшимъ славить Бога только на трехъ языкахъ — еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. «Какъ не стыдитесь вы, говорилъ имъ философъ, принимать только три языка, а прочимъ племенамъ велите быть глухими и слѣпыми... Мы же знаемъ многіе народы воздающіе хвалу Богу на своемъ языкѣ. Давидъ вопіетъ, глаголя: пойте Господеви вся земля!

Когда братья прибыли въ Римъ, новый папа Адріанъ (Николай только что умеръ) вышелъ на встрѣчу къ св. мощамъ, и принявъ братьевъ съ должнымъ уваженіемъ, одобрилъ труды ихъ. Меѳодій совершалъ литургію въ Римѣ на славянскомъ языкѣ. Папа взялъ сторону братьевъ въ преніи о трехъ языкахъ и проклялъ ученіе ихъ противниковъ.

Константинъ заболѣлъ въ Римѣ и въ болѣзни

постригся въ иноки, подъ именемъ Кирилла. Вскорѣ послѣ того онъ скончался *).

По смерти Кирилла дѣятелемъ остался Меѳодій, снова вызванный изъ Рима князьями Моравскими. Мы не можемъ останавливаться на подробностяхъ его пребыванія у Славянъ; скажемъ только, что онъ имѣлъ новыя, непріятныя столкновенія съ нѣмецкими епископами, былъ взятъ въ плѣнъ Карломайомъ, въ продолженіе котораго находился въ Швабіи, и послѣ новыхъ просвѣтительныхъ подвиговъ, скончался въ Моравскомъ Велеградѣ.

При царѣ Симеонѣ Болгарскомъ, сынѣ Бориса—Михаила, крещеннаго святыми братьями, ученики и сподвижники ихъ продолжаютъ переводить Отцевъ Церкви съ греческаго языка на болгарскій. Языкъ этотъ, понятный всѣмъ Славянамъ, получаетъ свое литературное развитіе черезъ труды многочисленныхъ переводчиковъ.

---

*) Въ Римѣ и понынѣ существуетъ небольшая древняя церковь св. Климента. Подъ постройкою XII-го вѣка—гдѣ мощи св. Климента—найдена была не очень давно подземная болѣе древняя церковь, гдѣ погребенъ св. Кириллъ. Тамъ видѣли мы древнюю стѣнопись (фрески), гдѣ изображенъ св. Кириллъ предъ императоромъ Михаиломъ, и братъ его св. Меѳодій, совершающій крещеніе надъ молодымъ человѣкомъ и наконецъ они оба — колѣнопреклоненные передъ византійскимъ изображеніемъ Іисуса Христа съ двумя архангелами.

Оставивъ въ сторонѣ Славянъ на югѣ, перенесемся мыслью на сѣверъ. Тамъ жили поклонники бога брани. У нихъ была богатая миѳологія и чудныя народныя пѣсни. Они не полюбили еще гражданства и находились въ броженіи, высылая то и дѣло воинственныя дружины во всѣ стороны. Они не тяжело двигались подобно прежнимъ Лонгобардамъ или Бургундамъ: ихъ путь была вода, и смѣлость направляла ихъ набѣги всюду, куда могла проникнуть легкая ладья. Ихъ боялся Римъ и недалеко было завоеваніе ими сѣверной Франціи. Но привлекательнѣе Рима и Франціи была для нихъ блестящая, пышная Византія.

Предпріимчивость небольшихъ Норманскихъ дружинъ нашла себѣ путь къ ней отъ устья Невы, по рѣкамъ и озерамъ, съ небольшими сухопутными промежутками—до самаго Чернаго моря. Путь этотъ большею частію находился въ рукахъ, правда, многочисленныхъ, но разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, Славянскихъ народцевъ. Своимъ движеніемъ на югъ Норманы пробудили эти племена къ исторической жизни. Первые, вступившіе съ въ борьбу, а потомъ и въ союзъ, были—Славяне, жившіе на сѣверѣ, при озерахъ, въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ Чуди, Веси и Мери. Когда этимъ Славянамъ самимъ понадобилась вооруженная сила для

защиты ихъ гражданскаго порядка (у нихъ были города и они вели торговлю) отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, они призвали князей изъ за моря. Обозначились пункты исторической Руси: Рюрикъ сѣлъ въ сердцѣ «великаго пути въ Греки», на Ильменѣ — будущая славная земля Великаго Новгорода; Синеусъ — въ странѣ Веси на Бѣлѣозерѣ; Труворъ близь озера Пейпуса, въ странѣ Чуди, гдѣ послѣ возникнетъ Псковъ. Мужа одного посадилъ Рюрикъ на сѣверо-востокѣ, близь озера Нера, гдѣ городокъ Ростовъ — будущее великое княженье, или земля Ростовско-Суздальская. Другого мужа Рюрикъ посадилъ княжить въ землѣ Кривичей, на Западной Двинѣ — будущее Полоцкое княженіе. Другіе два храбреца, Аскольдъ и Диръ съ дружиною, поплыли изъ Ильменя на югъ, вверхъ по Ловати, обычнымъ варяжскимъ путемъ «въ Греки». И вотъ приплыли они къ высокому берегу Днѣпра, гдѣ стоялъ городокъ — центръ небольшаго славянскаго племени. Тутъ не однѣ болота и не только сосна да береза, какъ на сѣверѣ; тутъ холмы, плодородная почва, богатыя пастбища и иная разнообразная растительность. Жители — не завоеватели окружныхъ племенъ, какъ Новогородцы, а сами платятъ дань Хозарскимъ ордамъ, кочующимъ на югѣ Россіи. Хозары, сосѣди Полянъ, не похожи на финскія племена, окружа-

ющія Новгородцевъ: у нихъ узорныя ткани, сладкое вино, рабы и золото. Поляне въ сношеніи и съ Греками и съ Болгарами.

Отняли у Хозаръ Аскольдъ и Диръ права надъ Кіевомъ и засѣли въ немъ, но не на долго...

Въ привлекательный Кіевъ двинулся преемникъ Рюрика съ своею уже полуславянскою дружиною. Оживился край, закипѣла жизнь, и Олегу покоряются другіе сосѣдніе славянскіе народцы. Двигается Олегъ съ ополченіемъ на Византію; заключаются письменные договоры съ греками; Греческіе купцы торгуютъ въ Кіевѣ; свѣтъ христіанскаго ученія проникаетъ въ будущую Матерь Русскихъ городовъ. Христіане молятся тамъ въ церкви пророка Иліи. Мать четвертаго отъ Рюрика князя принимаетъ христіанство; сынъ ея Святославъ носитъ уже славянское имя, внукъ завоевываетъ многія земли, строитъ города и наконецъ принимаетъ съ дружиною вѣру Христову. Въ Кіевѣ всенародное крещеніе, а затѣмъ движеніе христіанства подъ знаменемъ Владиміра въ Новгородъ и другіе города Руси. Въ Кіевѣ—византійское зодчество, иконопись и стройное церковное пѣніе,—и наконецъ книги, писанныя на вразумительномъ, для Кіевлянъ языкѣ—труды Болгарскихъ просвѣтителей.

Но здѣсь остановимся.

Откуда мы знаемъ все это? О началѣ исторической жизни въ Галліи даетъ свѣдѣнія Цесарь, о древнихъ Германцахъ писалъ Тацитъ, оба — писатели золотаго вѣка Римлянъ, учители человѣчества. Въ эпоху паденія Западной Римской Имперіи насъ вводятъ Сидоній Аполинарій, Тертуліанъ, Григорій Турскій. Съ событіями отъ паденія Западной Римской Имперіи до Карла Великаго знакомятъ тотъ же Григорій Турскій, Павелъ діаконъ и другіе. Всѣ эти лѣтописцы, воспитанные на классической почвѣ, писали по латыни, и до XIII вѣка въ Западной Европѣ нѣтъ національной письменности*). О началѣ Руси и первыхъ временахъ ея есть только отрывочныя, скудныя свѣдѣнія у Греческихъ писателей. Откуда же мы имѣемъ свѣдѣнія о Руси IX и X вѣковъ? Мы этимъ обязаны исключительно отечественной литературѣ.

При внукахъ св. Владиміра пришелъ въ Кіевъ мужъ изъ земли Черниговской. Онъ пришелъ не для того, чтобы вступить въ дружину княжескую, не для пировъ въ теремахъ златоверхихъ и не съ

---

*) Вильардуинъ, первый французскій лѣтописецъ, умеръ въ 1213 г. Въ Италіи первымъ хроникеръ, писавшій на народномъ языкѣ, былъ Маттео Спинелло (около половины XIII-го столѣтія). Образованіе исторической прозы у Нѣмцевъ относится къ XIV в. (Гессенская хроника Ридезеля).

караваномъ гостей торговыхъ. Онъ пришелъ одинъ, поселился на крутомъ берегу, откуда взоръ обнимаетъ обширное пространство луговой стороны Днѣпра. Долго не понимали его цѣли Кіевляне и дивились его смиренію и убожеству. Но вотъ собрались къ нему одинъ по одному и другіе люди въ странной, худой одеждѣ чернаго цвѣта, въ шапкахъ горы Аѳонской. Прокопали люди эти пещеры и по возможности таились отъ полуязыческаго міра. Прошло нѣсколько лѣтъ. Молва о нихъ пронеслась по Русской землѣ и дошла наконецъ до Курска, небольшаго городка въ землѣ Вятичей. Тамъ жилъ юноша, сынъ богатой вдовы. Среда, въ которой онъ жилъ, по духу была языческая и ничто кругомъ его не соотвѣтствовало тѣмъ словамъ Писанія, которыя онъ прочувствовалъ, часто посѣщая церковь. Онъ еще дома обрекалъ себя на подвигъ: подъ свѣтлой одеждой вельможнаго отрока мать увидала желѣзныя вереги и запекшуюся кровь. Перенесъ онъ сильныя гоненія матери, понуждавшей его къ пирамъ, забавамъ и мірскимъ выгодамъ. Потомъ рѣшился на побѣгъ и тайно ушелъ въ Кіевъ съ странствующими богомольцами, которыхъ у насъ тогда называли паломниками. Приходитъ онъ къ Антонію, падаетъ къ ногамъ его и, не смотря на увѣщанія старца, представляющаго ему всю

трудность подвижнической жизни, онъ облекается въ черныя ризы и получаетъ имя Θеодосія. Дѣятельность была его призваніемъ. Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ созерцательнымъ подвигамъ онъ одаренъ энергіей. При немъ устроиваются келіи, монастырь обносится стѣною и полагается основаніе «чудному» храму Богородицы.

Граждане Кіево-Печерской обители стояли на столько выше своихъ сосѣдей гражданъ Кіевскихъ и Вышегородскихъ, что намъ теперь довольно трудно оцѣнить ихъ значеніе. Тамъ—шумное, иногда кровавое вѣче, неистовые пиры дружины; здѣсь молитва, тишина келіи, врачеваніе недуговъ, пріютъ страннику, трапеза голодному: рабу и боярину одинаковый христіанскій пріемъ! Тамъ—князь выкалываетъ глаза родственнику, дружинникъ убиваетъ товарища на кулачномъ бою, купецъ пропивши имущество, ждетъ на торгу самому себѣ покупщика; здѣсь—привратникъ не пускаетъ въ монастырь князя, пришедшаго, не въ обычный по уставу часъ, нарушать покой вечерней молитвы; игуменъ отказывается идти на пиръ князей, беззаконно лишившихъ престола старшаго брата, и отвѣчаетъ ихъ посланному, что онъ не пойдетъ на трапезу Іезавелінну и не вкуситъ брашна, исполненнаго крови и убійства. Здѣсь—приведенные въ оковахъ въ монастырь.

разбойники получаютъ свободу и приносятъ раскаяніе; здѣсь пишется поученіе противъ чрезмѣрнаго употребленія вина, и строгое воздержаніе введено въ обычай; здѣсь игуменъ день заботится о братіи и ночь стоитъ на молитвѣ; съ молитвой и псалмопѣніемъ готовится брашно, въ угожденіе Богу переписываются священныя книги, и съ душевнымъ умиленіемъ лѣтописецъ составляетъ свою повѣсть. Но лишь ударило било и всѣ идутъ въ храмъ, гдѣ раздается стройное, величавое пѣніе.

Вотъ гдѣ колыбель нашей грамотности, литературы, науки. Отсюда снабдились первыя русскія церкви книгами, здѣсь подготовились просвѣтители береговъ Оки и Волги, здѣсь воспитались первые русскіе іерархи, лѣтописцы, составители житій святыхъ и проповѣдники. Здѣсь составилась первая русская лѣтопись Несторова: такъ называютъ обыкновенно цѣлую книгу, цѣлый сводъ свѣдѣній и повѣстей о началѣ Руси и первыхъ вѣкахъ ея исторіи. Заглянемъ въ эту книгу безъ страха, который внушаетъ кажущееся сухимъ—названіе «лѣтопись»—«Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію. По

потопѣ первіе сынове Ноеви раздѣлиша. землю: Симъ, Хамъ, Афетъ»...

Руководимый потребностью дать мѣсто Руси и всему славянскому племени среди историческихъ народовъ, лѣтописецъ исчисляетъ всѣ извѣстныя ему племена, распредѣляя ихъ по происхожденію на потомковъ трехъ сыновей Ноя.

Племена, населявшія издревле югъ Азіи, равно какъ и всѣ Европейцы: Греки, и Римляне. и Готы, и Агняне (Англы), и Свеи, и другіе, наравнѣ со Славянами принадлежатъ, по его мнѣнію, къ потомкамъ Іафета. Останавливаясь съ подробностью на Славянахъ и ихъ разселеніи, лѣтописецъ, хотя туманно, но вѣрно, очерчиваетъ географическое положеніе своей Русской земли и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ легкое очертаніе Европы, связывая Варяжское море, куда впадаетъ Нева, морскимъ путемъ съ Римомъ, а Римъ съ Царемъ-градомъ. «Тѣмъ же и изъ Руси», заключаетъ лѣтописецъ, «можно дойти на востокъ въ жребій Симовъ *); а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова» (Африка).

«А Днѣпръ течетъ въ Понтійское море,

*) Арабскія и монгольскія племена одинаково причислялись къ потомству Измаила, сына Агари, происходившаго отъ Сима.

ежe море слыветъ Русское, по нему-же святый училъ Оньдрей братъ Петровъ». За тѣмъ слѣдуетъ христіанское преданіе о пребываніи Андрея въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, и непосредственно за нимъ другое, народное, о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ.

Вотъ передъ нами время языческое на Руси, Лѣтописецъ повѣствуетъ объ обычаяхъ Древлянъ и Полянъ. Древляне—враги и сосѣди Кіевскихъ Полянъ. «убиваху другъ друга и ядяху все нечисто... и аще кто умре у нихъ и творяхуть тризну надъ нимъ и по семъ творяху кладу (костеръ) велику и возложатъ на кладу мертвеца и сожгутъ и собравше кости въ сосудину малу и поставляху на путехъ». Вотъ—вѣщій Олегъ и разсказы о взятіи имъ Кіева у Аскольда и Дира, о смерти его любимаго коня. На основаніи Несторова сказанія Пушкинъ создалъ свою балладу, которую мы всѣ знаемъ наизусть. За корыстнымъ Игоремъ, повадившимся на Древлянъ, какъ волкъ на овцы, является у лѣтописца образъ Святослава: «храбръ и легокъ» какъ звѣрь лѣсной, на походѣ воза при себѣ не возилъ. «ни котла ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину на углехъ испекъ, ядяше». Святославъ на походѣ не имѣлъ ни палатки.

ни постели, «но подъкладъ постилаше и сѣдло въ головахъ».

Вотъ бьется онъ съ дикими ордами: Ясами, Косогами, Печенѣгами, даетъ отпоръ Византіи. Рѣчь его къ воинамъ и отвѣтъ ихъ производятъ на насъ и теперь сильное впечатлѣніе: «Уже намъ некуда дѣться, волей и неволей станемъ противу (враговъ), да не посрамимъ земли Русской, но ляжемъ костьми, мертвыи срама не имамъ, аще ли побѣжемъ, срамъ имамъ... но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И сказали воины: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». Святославъ бѣжитъ гражданскаго начала, не любитъ Кіева, и въ послѣдствіи, какъ истый варваръ, увлекается на югѣ восточной нѣгою, золотомъ, красивыми тканями, сладкими винами изъ Греціи и всякаго рода брашнами.

Образъ его матери, языческой княгини, жены Игоря, является въ лѣтописяхъ съ любимымъ народомъ качествомъ «хитрости-мудрости». Хитро выходитъ она замужъ, хитро мститъ Древлянамъ за смерть мужа. Кому не извѣстны разсказы о ея мести, увлекательно переданные Карамзинымъ со словъ лѣтописи? Хитрый характеръ остается за ней и по принятію ею христіанства. «Переклюкала

мя еси Ольга», говоритъ обманутый ею Императоръ Константинъ Багрянородный. — Съ Ольгою повѣсть Нестора переноситъ насъ въ Царьградъ; мы присутствуемъ при обрядахъ, при дворѣ, узнаемъ какіе дары получила новокрещенная княгиня, слушаемъ поученіе ей патріарха.

Но тонъ лѣтописца измѣняется: живой, но спокойный, разсказъ его согрѣвается сочувствіемъ къ княгинѣ, принявшей христіанство. Какія теплыя слова влагаетъ онъ ей въ уста, когда она убѣждаетъ сына принять вѣру Христову! Онъ съ воодушевленіемъ восхваляетъ ее, какъ зарю передъ свѣтомъ, какъ луну въ нощи, и потомъ обращается къ ней же съ молитвою: «Радуйся, Ольго, Русское познаніе къ Богу».

Сжато, не многословно и безъ примѣси собственныхъ разсужденій передаетъ лѣтописецъ то, что дошло до него по слуху. Преданіе народное заносилось имъ въ лѣтопись безъ измѣненія: таковы преданія о великихъ Обрахъ, о смерти Олега, о построеніи Переяславля и другія.

Чтобы ближе ознакомиться съ авторскими пріемами составителя «повѣсти временныхъ лѣтъ», прочтемъ разсказъ объ убійствѣ Свѣнельдова сына Люта вторымъ сыномъ Святослава, Олегомъ.

«Свѣнельдичь по имени Лютъ охотился. Вышедъ

изъ Кіева, онъ гнался за звѣрьми по лѣсу. И увидалъ его Олегъ и сказалъ: кто это? И сказали ему: сынъ Свѣнельда (Свѣнельдичь); и настигнувъ, убилъ его: ибо Олегъ тоже охотился. И по этому стала ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ. И говорилъ всегда Ярополку Свѣнельдъ: иди на брата твоего и возьми волость (владѣнье) его». По лѣтописцу, въ этомъ вліяніи Свѣнельда на Ярополка и заключалась причина войны между князьями-братьями, и онъ непосредственно за приведеннымъ нами разсказомъ начинаетъ повѣствовать о войнѣ между Ярополкомъ и Олегомъ и о битвѣ Овручской. Лѣтописецъ не забываетъ, съ чего онъ началъ свою повѣсть объ убіеніи Олега, и оканчиваетъ ее такимъ образомъ: «Отъ утра и до полудни таскали изо рва трупье (тѣла убитыхъ, спихнутыхъ съ моста въ ровъ) и вынули Олега изъ подъ тѣлъ, и внесли его, и положили на коврѣ. И пришелъ Ярополкъ, надъ нимъ плакалъ и сказалъ Свѣнельду: посмотри на то, чего ты хотѣлъ. И погребли Олега на мѣстѣ, у города Вручего (Овруча), и есть могила его и до сегодне у Вручего. И пріялъ власть его Ярополкъ». Эта повѣсть округлена и закончена. Она дышетъ народною поэзіею и вѣроятно есть пересказъ пѣсни или по крайней мѣрѣ народнаго устнаго преданія объ убіеніи Олега Святославича.

Подобныхъ округленныхъ и законченныхъ разсказовъ въ лѣтописи не мало. Иногда въ подобный разсказъ лѣтописецъ вставляетъ свое поучительное разсужденіе, что однако не нарушаетъ эпическаго склада самаго разсказа. Такъ въ разсказѣ о войнѣ между Ярополкомъ и Владиміромъ, гдѣ говорится о тайныхъ переговорахъ этого послѣдняго съ воеводою Ярополковымъ Блудомъ, лѣтописецъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить читателя, что Блудъ обольщалъ Владиміра и его обѣщанія были ничто иное какъ лесть и лукавство. «О злая лесть человѣческа», восклицаетъ онъ и тутъ-же приводитъ нѣсколько текстовъ изъ псалмовъ Давида. Тексты проливаютъ свѣтъ на отношенія Владиміра къ Блуду: изъ нихъ видно, что Блудъ былъ обязанъ Владиміру, хотя и былъ воеводою Ярополка (ядый хлѣбъ мой возвеличилъ на мя лесть)...

Составителю «Повѣсти временныхъ лѣтъ» мы обязаны тѣмъ величавымъ образомъ просвѣтителя Руси, которымъ украшается наша древняя исторія.

«Слышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, убоялся Владиміръ и бѣжалъ за море.» Вотъ первое о немъ слово и вступленіе въ его исторію. Ранѣе того, въ исторіи Святослава лѣтописецъ разсказывалъ, какъ Новогородцы пришли просить себѣ князя у Святослава и какъ Добрыня научилъ ихъ просить

себѣ въ князья Владиміра. Добрыня былъ ему дядя—поясняетъ лѣтописецъ—братъ его матери, Ольгиной ключницы Малуши, а отецъ ихъ (ея и Добрыни) былъ Малкъ изъ Любеча.

Владиміръ обязанъ заступничеству дяди своимъ княжескимъ достоинствомъ. Онъ младшій изъ сыновей Святослава и, по незнатности рода матери, малоправный. Онъ бѣжитъ за море изъ страха и безъ борьбы отдаетъ свой Новгородскій столъ посадникамъ Ярополка. Окрѣпшимъ и сильнымъ возвращается Владиміръ изъ-за-моря и съ тѣхъ поръ является побѣдителемъ своихъ и чужихъ народовъ. Характеръ неодолимаго врагами остается за нимъ до самой смерти.

Просто, какъ бы безъ затрудненія, свергаетъ онъ посадниковъ въ Новгородѣ и велитъ имъ ѣхать въ Кіевъ и сказать Ярополку, чтобы тотъ готовился на битву съ нимъ. Это одно приказанье есть истинно рыцарская черта и показываетъ сознательную увѣренность въ побѣдѣ, которою отличаются богатыри. Первая побѣда Владиміра—взятіе Кіева описана лѣтописцемъ-кіевляниномъ съ подробностями. Владиміръ не высказываетъ сожалѣнія о лютой смерти Ярополка, поднятаго на двухъ мечахъ, и не плачетъ надъ тѣломъ брата, какъ Ярополкъ при Овручѣ. Хитростью отдѣлывается Владиміръ отъ помогавшихъ ему, при взятіи

Кіева, варяговъ и тѣмъ напоминаетъ бабку свою. Совершенно въ характерѣ того Владиміра, какимъ видимъ его до сихъ поръ, завоевать вѣру у Грековъ, а не смиренно просить крещенія. Онъ осаждаетъ Корсунь и послѣ побѣды требуетъ у царей-братьевъ сестру ихъ къ себѣ въ жены. Повѣствуя о язычникѣ-князѣ, лѣтописецъ смягчаетъ виновность Владиміра передъ Богомъ, указывая на будущій его подвигъ и тѣмъ заранѣе подготовляетъ читателя къ своему, проникнутому одушевленіемъ, разсказу о крещеніи Руси. Говоря, что у Владиміра было большое число женъ, лѣтописецъ сравниваетъ его съ Соломономъ, но отдаетъ предпочтеніе Владиміру: «тотъ мудръ былъ и погибъ, этотъ невѣжественъ—и спасся».

При разсказѣ о убіеніи двухъ варяговъ-христіанъ, изъ которыхъ одинъ (сынъ) былъ предназначенъ въ жертву богамъ, лѣтописецъ говоритъ, что діаволъ радовался погибели христіанъ, не вѣдая, что его погибель была близка и что онъ самъ скоро будетъ прогнанъ честнымъ крестомъ. «Діаволъ думалъ: здѣсь мнѣ жилище, здѣсь апостолы не учили и пророки не прорекали, но онъ не зналъ пророка, у котораго сказано: И нареку не моихъ людей моими; и объ апостолахъ у пророка же: Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ».

Въ разсказѣ о принятіи вѣры Владиміромъ мы

встрѣчаемъ у нашего лѣтописца разговорную форму. Излагается бесѣда князя съ магометанами, евреями хозарскими, нѣмцами, наконецъ—съ боярами, послами, видѣвшими богослуженія различныхъ исповѣданій на самыхъ мѣстахъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что лѣтописецъ угадывалъ, какимъ образомъ проповѣдники вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ и какимъ образомъ подѣйствовалъ на него греческій, не извѣстный по имени, философъ. Прежде всего проповѣдникъ представилъ дурныя стороны не-христіанскихъ вѣроученій. Потомъ, объясняя разницу въ ученіи нѣмцевъ и грековъ, онъ возбудилъ любопытство Владиміра, предложившаго вопросы о томъ, чьего тѣла и чьей крови причащаются и тѣ, и другіе.

Свое долгое повѣствованіе о сотвореніи міра и о главныхъ событіяхъ ветхаго и новаго завѣта философъ оканчиваетъ страшнымъ судомъ, при чемъ показываетъ Владиміру изображеніе этого будущаго всемірнаго событія и картиною будущей жизни окончательно трогаетъ сердце язычника. Володимеръ же, вздохнувъ, рече: «добро симъ одесную, горе же симъ ошую».

Поученье философа есть замѣчательный по полнотѣ и вмѣстѣ сжатости очеркъ священной исторіи. Очевидно, что лѣтописецъ самъ отъ себя излагаетъ

то, что долженъ былъ говорить философъ. Этотъ очеркъ, или повѣствовательный катихизисъ, прерывается два раза вопросами Владиміра, которые, однако нисколько не нарушая послѣдовательности, служатъ связью между отдѣльными частями повѣствованія.

Эту священную исторію лѣтописецъ дополняетъ изложеніемъ догматовъ церкви, что-бы Владиміръ избѣгалъ ересей.

Рисуя съ христіанскимъ воодушевленіемъ картину крещенія кіевскаго народа, лѣтописецъ опять выводитъ на сцену діавола и заставляетъ его стонать и говорить такія рѣчи: «Увы мнѣ, меня отсюда прогоняютъ. Здѣсь думалъ я имѣть жилище, ибо здѣсь не было апостольскаго ученья и никто не вѣдалъ Бога и т. д.».

Характеръ Владиміра по принятіи имъ христіанства измѣняется. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста новокрещенному князю прекрасныя молитвы за народъ свой. Владиміръ продолжаетъ ходить на враговъ войною и въ благодарность за побѣду созидаетъ храмы. При освященіи храма Богородицы онъ восклицаетъ всенародно: «Даю всесвятѣй Богородицѣ отъ имѣнія моего и отъ градовъ моихъ десятую часть».

Лѣтописецъ не забываетъ упомянуть о знаменитыхъ пирахъ Владиміра, произведшихъ впечатлѣніе

на народъ, который такимъ образомъ запѣваетъ былину о любомъ изъ богатырей Владиміровыхъ:

Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Было пированье, почетной пиръ,
Было столованье, почетной столъ
На князей, на бояръ, на русскихъ богатырей
И на всю поленицу удалую.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались...

Черты гостепріимства, хлѣбосольства и роскошной щедрости лѣтописецъ относитъ къ Владиміру-христіанину. Помня слова Писанія о милостынѣ, Владиміръ повелѣлъ нищему и убогому приходить на княжь дворъ и брать себѣ всякую потребу, питіе и яденіе. Но немощные и больные не могутъ дойти до двора моего», сказалъ онъ «и повелѣ устроити кола (тачки на колесахъ) и вкладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бочкахъ, а въ другихъ квасъ, повелѣ по граду возити...»

Милостивый къ бѣднымъ, Владиміръ представляется другомъ своихъ бояръ. Каждый недѣльный

день (воскресенье) сходятся бояре, гриди, сотскіе десятскіе и нарочитые мужи пировать въ его гридницѣ. И вотъ однажды, подпивши, стали они роптать на князя за то, что ѣдятъ у него деревянными, а не серебряными ложками. Владиміръ повелѣлъ наковать имъ серебряныхъ ложекъ и сказалъ: «серебромъ и златомъ не пріобрѣту дружины, а дружиною пріобрѣту серебро и злато...»

Вслѣдъ за этимъ анекдотомъ лѣтописецъ прибавляетъ: что Владиміръ любилъ дружину и думалъ съ нею объ устроеніи земскомъ, о войнѣ и объ уставѣ земскомъ. «И жилъ Владиміръ въ мірѣ и любви съ окольными князьями». Свою повѣсть о миролюбивомъ, милосердномъ и хлѣбосольномъ Владимірѣ-христіанинѣ лѣтописецъ оканчиваетъ разсказомъ о томъ, какъ, изъ боязни грѣха, Владиміръ пересталъ казнить разбойниковъ, отчего они и размножились, и какъ епископы научили князя быть правосуднымъ и какъ онъ въ точности послушался ихъ совѣта.

Таковъ образъ Владиміра-христіанина въ нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Лѣтопись о кончинѣ Владиміра. Борисъ и Святополкъ.— Убіеніе Бориса, по Іакову монаху и убіеніе Глѣба. Несторъ о Борисѣ и Глѣбѣ, народный стихъ о нихъ.—Ярославъ просвѣтитель.—Митрополитъ Иларіонъ. Мономахъ его завѣщаніе и письмо къ Олегу. Проповѣдникъ Кириллъ Туровскій.

О событіяхъ послѣдняго десятилѣтія Владимірова княженія лѣтописецъ ничего не знаетъ. Онъ только переписываетъ съ имѣвшейся у него въ рукахъ записи имена умершихъ въ это время князей и княгинь. Наконецъ онъ повѣствуетъ о томъ, какъ Новгородъ пересталъ платить урочную дань Кіеву, и княжившій тамъ Ярославъ отказалъ отцу въ требованіи двухъ тысячъ гривенъ злата, и какъ Владиміръ сталъ готовиться къ походу на сына. Ярославъ съ своей стороны послалъ за море, къ варягамъ, чтобы при помощи ихъ отразить отца, но Богъ—прибавляетъ лѣтописецъ—не далъ діаволу радости: Владиміръ заболѣлъ. Нашли на Русь печенѣги, больной Владиміръ послалъ противъ нихъ всегда находившагося при немъ сына Бориса. Въ отсутствіи Бо-

риса Владиміръ умеръ, въ своемъ селѣ Берестовѣ, близь Кіева. Приближенные его, желая дать время Борису возвратиться и страшась Святополка, который находился тогда въ Кіевѣ, скрыли кончину великаго князя.

Ночью, проломивъ помостъ, соединявшій двѣ высокія клѣти, они спустили на веревкахъ обернутое въ коверъ тѣло, положили его на сани и отнесли потихоньку въ Десятинный храмъ Богородицы. Но тайна не удалась: поутру народъ узналъ о кончинѣ, и безчисленное множество людей пришло въ церковь. Плакали по Владимірѣ бояре (дружина и торговые люди, собственники), какъ о заступникѣ земли своей, плакали убогіе, какъ о заступникѣ и кормителѣ. Послѣ восхваленія Владиміра и разсужденія о великости его апостольскаго подвига и объ уготованной ему небесной наградѣ, лѣтописецъ переходитъ прямо къ Святополку и убіенію Бориса.

Выше мы отмѣтили, что причину борьбы между сыновьями Святослава лѣтописецъ объяснялъ дошедшимъ до него народнымъ преданіемъ объ убійствѣ Олегомъ Свѣнельдова сына, Люта. Холодно говоритъ онъ тамъ о гибелѣ юноши, нечаянно встрѣтившагося на охотѣ съ княземъ, и словами Ярополка слагаетъ всю вину междоусобной войны на мстительнаго Свѣнельда. На новое междоусобіе князей-

братьевъ лѣтописецъ смотритъ съ совершенно иной точки зрѣнія: онъ не ищетъ человѣческихъ, естественныхъ причинъ для объясненія чернаго, неслыханнаго поступка Святополка Окаяннаго. Убиты исподтишка, обманомъ юные князья, младшіе сыновья равно-апостольнаго Владиміра, дѣти христіанки матери, христіане съ колыбели!

Старшій изъ нихъ Борисъ велъ благочестивую жизнь, съ молоду прилежно читалъ святыя книги, упражнялся въ молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, былъ послушливъ къ отцу, отличался смиреніемъ и разумомъ въ совѣтѣ княжескомъ и въ добавокъ былъ нѣжно любимъ отцемъ и любимъ Кіевлянами. Его наружность соотвѣтствовала его качествамъ: онъ былъ прекрасенъ, высокъ ростомъ, плечи имѣлъ большія; былъ тонокъ въ поясѣ, глаза имѣлъ добрые; всегда былъ веселъ лицомъ и имѣлъ «царственную» осанку. Таковы были преданія о Борисѣ и такимъ представлялся онъ повѣствователю.

О братоубійцѣ Святополкѣ сохранилось преданіе, что онъ любилъ только пиры да вино съ гуслями. Онъ былъ не любимъ Кіевлянами, не любимъ и отцемъ своимъ. Самое рожденіе его напоминало о дурномъ поступкѣ Владиміра—язычника, такъ какъ мать Святополка была прежде женою брата Владимірова, Ярополка. Старшій изъ сыновей великаго князя, онъ

былъ воспитанъ въ язычествѣ. Такимъ образомъ Борисъ былъ представителемъ новой вѣры, новыхъ свѣтлыхъ началъ, Святополкъ представителемъ мрачнаго язычества. Лѣтописецъ видитъ въ первомъ святаго мученика, а во второмъ орудіе того духа злобы, которому передъ тѣмъ не удалось устроить кровопролитіе между Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ.

Событіе убіенія праведныхъ братьевъ произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Преданія о мученической кончинѣ Бориса и Глѣба свято хранились полтора вѣка членами юной русской церкви — и въ XI-мъ столѣтіи онѣ занесены наконецъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Ранѣе того появились у насъ два жизнеописанія святыхъ братьевъ — съ разсказами о чудесахъ, совершившихся при гробѣ ихъ. Изъ этихъ двухъ житій одно принадлежитъ Нестору лѣтописцу, авторомъ другаго считаютъ Іакова, тоже кіевопечерскаго монаха.

Мы познакомимся съ сочиненіемъ Іакова монаха, какъ съ однимъ изъ лучшихъ произведеній древнерусскаго творчества. Памятникъ отличается не только простотою, но и глубокою художественностью, доходящею до драматизма.

«Борисъ, не найдя печенѣгъ, уже возвращался въ

Кіевъ, какъ на пути его встрѣтила вѣсть, что отецъ умеръ. Борисъ горько заплакалъ, ибо былъ любимъ отцемъ своимъ паче всѣхъ.»

«Святополкъ исполни вся беззаконія, Каиновъ смыслъ пріимъ. посылаетъ сказать Борису, что хочетъ съ нимъ имѣть любовь и прибавить достояніе къ данному отцемъ удѣлу *). Святополкъ приходитъ тайно ночью, въ Вышьгородъ (близь Кіева) и сзываетъ тамошнихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоитъ нѣкто Путша. Имѣете-ли вы ко мнѣ пріязнь?—спрашиваетъ онъ ихъ—на что Путша ему отвѣчаетъ: всѣ мы головы за тебя можемъ положити».

— Не повѣдая никому, найдите брата моего Бориса и убейте его. Они обѣщаютъ исполнить волю его и немедленно отправляются на встрѣчу Борису.

Борисъ стоитъ станомъ на рѣкѣ Альтѣ. Воины убѣждаютъ его идти на Святополка и сѣсть на столѣ Кіевскомъ: «мы всѣ, воины подъ твоею рукою». Борисъ даетъ имъ такой отвѣтъ: «не подыму я руки на брата старѣйшаго, онъ мнѣ вмѣсто отца». Воины (сочли это за малодушіе, говоритъ Карамзинъ) ушли отъ него, и онъ остался съ малымъ числомъ слугъ.

Былъ день субботній. Борисъ, отслушавъ вечерню, приноситъ Богу горячую молитву наединѣ, въ своей палаткѣ; онъ плачетъ горькими слезами, взды

хаетъ и стонетъ, потомъ ложится спать. Но сонъ его не спокоенъ: сердцемъ онъ чувствуетъ опасность и помышляетъ о томъ, какъ бы ему вѣру соблюсти и принять вѣнецъ отъ руки Вседержителя. Проснувшись рано и увидавъ, что пора пѣть заутреню, онъ будитъ своего пресвитера: «встань, начни заутреню». Самъ-же, обувъ нозѣ и умывъ лице, начатъ молитися Господу Богу.

Посланные отъ Святополка приблизились къ шатру еще ночью и слышали голосъ Бориса, поющаго заутреню. Среди шестопсалмія ему говорятъ, что кто-то бродитъ около шатровъ, а онъ себѣ продолжаетъ пѣть: Господи, что ся умножиша стужающіи ми, мнози возстаютъ намя и продолжаетъ пѣть псалмы и канонъ—и послѣ заутрени вновь молится передъ иконою, проситъ Іисуса Христа сподобить его принять страсть.

И послышался топотъ золъ около шатра, и затрепеталъ Борисъ, и лилъ слезы, и опять молился. Священникъ и отрокъ, увидавъ его смущеніе, подняли плачь и говорили: «милый нашъ господинъ, дорогой! ты не хотѣлъ противиться брату любви ради Христовой»... Наконецъ увидали они идущихъ къ шатру: блистало оружіе, гремѣли мечи. И безъ милости прободено бысть честное тѣло святаго блаженнаго страстотерпца Хри-

стова Бориса. Путша, Талецъ и ляхъ Еловичь пронзили его копьями. Отрокъ Борисовъ бросился на тѣло его и вопіялъ: «Я не отстану отъ тебя, господине, дорогой мой»... Онъ былъ родомъ угринъ, именемъ Георгій. Борисъ возложилъ на него золотую гривну; онъ былъ любимецъ князя. Его также пронзили. Раненый Борисъ выскочилъ изъ шатра. И стали говорить убійцы: «что стоимъ да смотримъ? окончимъ повелѣнное намъ». Услыхавъ это, блаженный молилъ ихъ дать ему малое время еще помолиться Богу.

Тутъ авторъ излагаетъ горячую молитву Бориса, его исповѣдь въ невинности своей передъ братомъ, по окончаніи которой онъ сказалъ: Братія, скончайте службу вашу и буди миръ брату моему и вамъ, братія...

До Глѣба доходитъ другаго рода вѣсть: отецъ твой очень боленъ—посылаетъ сказать ему Святополкъ—и зоветъ тебя къ себѣ. Глѣбъ спѣшитъ изъ Мурома въ Кіевъ. Конь его сломалъ ногу дорогой; онъ съ трудомъ достигъ Смоленска и тамъ сѣлъ въ лодку и уже рѣчнымъ путемъ сталъ подвигаться къ Кіеву. Тогда его настигла вѣсть отъ Ярослава: «Не иди въ Кіевъ; отецъ умеръ, а братъ Борисъ убитъ отъ Святополка». Глѣбъ сталъ плакать объ отцѣ и любимомъ братѣ.

Плачь этотъ, искусственно составленный авторомъ житія, принадлежитъ къ тѣмъ лирическимъ мѣстамъ, которыми украшались и позднѣе житія нашихъ святыхъ, съ цѣлью подѣйствовать на чувство читателей. На этихъ мѣстахъ воспиталась поэзія нашихъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ и по сю пору слѣпыми и не слѣпыми нищими на ярмаркахъ и во время сельскихъ и монастырскихъ церковныхъ праздниковъ.

Мы видѣли, что Борисъ чуялъ опасность и, томясь этимъ предчувствіемъ, готовился къ смерти и подвигу. Глѣбъ изображенъ въ житіи безпечнымъ довѣрчивымъ ребенкомъ. «Когда его лодка повстрѣчалась съ лодкою Горясѣра съ дружиною, онъ обрадовался и сталъ грести на встрѣчу убійцамъ. Они, увидавъ его, сдѣлались сумрачными, а онъ ждалъ отъ нихъ «цѣлованія». И плыли они рядомъ. И злодѣи стали перескакивать въ его лодку и обнажили мечи, которые блестѣли, какъ вода. У гребцовъ весла выпали изъ рукъ, и всѣ отъ страха помертвѣли».

Борисъ послалъ миръ и прощеніе брату и молился за убійцъ—какъ мужъ, обдумавшій свой подвигъ, какъ христіанинъ, не хотѣвшій поднять руки на брата старѣйшаго; Глѣбъ, увидавъ, что хотятъ убить его, посмотрѣлъ на враговъ своихъ умиленными очами—весь слезами разливаяся, жалобно вопіялъ: «Не губите меня, братія милые и

дорогіе, не губите меня. Чѣмъ обидѣлъ я брата моего и васъ господъ моихъ? Если я сдѣлалъ дурное, ведите меня къ вашему князю, а къ моему брату и господину. Помилуйте юность мою, помилуйте и будьте моими господами, а я стану вашимъ рабомъ. Не пожинайте колоса, незрѣлаго, не порѣжьте лозы, еще не выросшей. Это не убійство, а бойня. Я не жалуюсь; если хотите крови моей—я въ рукахъ вашихъ». Они схватили его, а онъ взывалъ къ отцу, къ матери, къ брятьямъ—Ярославу и Борису, къ дружинѣ, потомъ опять къ отцу и наконецъ сталъ молиться. Тогда окаянный Горясѣръ повелѣлъ его зарѣзать, и поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, взялъ ножъ и закололъ блаженнаго. И пренесеся Господеви жертва чиста, свята и благовонна, и взыде въ небесныя обители къ Богу.

Послѣ этого высоко художественнаго заключенія Іаковъ монахъ переходитъ къ событіямъ борьбы Ярослава и Святополка. Судьба «новаго Каина», послѣ побѣды надъ нимъ Ярослава, обрисована тою же мастерскою кистью.

Побѣжденный, онъ обращается въ бѣгство и тутъ поражаетъ его ужасная болѣзнь. Погоня прекратилась, а ему все кажется, что его гонятъ, и лежа на постелѣ онъ твердитъ: «побѣжимъ, насъ гонятъ. Охъ мнѣ!» Онъ не можетъ остановиться въ

своемъ бѣгствѣ и погибаетъ въ какой-то пустынѣ между Ляшской и Чешской землею. Могила его въ противоположность благоуханной могилѣ мучениковъ представляется испускающею смрадъ золъ. Народное преданіе утверждаетъ, что братоубійца провалился сквозь землю.

Житіе, писанное Іаковомъ, отличается, какъ мы это видѣли, историческими подробностями и художественнымъ описаніемъ двухъ смертей. Въ житіи, писанномъ Несторомъ, Борисъ и Глѣбъ изображены однѣми и тѣми-же чертами. Они оба являются одинаково умудренными Божественнымъ Писаніемъ. Глѣбъ также сознательно какъ и Борисъ дѣлаетъ свой послѣдній шагъ. Онъ предчувствуетъ опасность и предается въ руки убійцамъ, съ цѣлью спасти своихъ приближенныхъ отъ напрасной смерти. Передъ кончиной онъ не проситъ пощады: «Святый Глѣбъ молчалъ, какъ агнецъ незлобивый, весь умъ имѣлъ къ Богу и воззрѣвъ на небо молился».

Позднѣе, когда, въ теченіи многихъ вѣковъ усердно переписывавшіяся и распространявшіяся по Русской землѣ житія подѣйствовали на народъ, и онъ запѣлъ свой духовный стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ, обѣ личности князей мучениковъ слились какъ-бы въ одну. Братья княжатъ въ одномъ и томъ-же горо

дѣ; Святополкъ пишетъ имъ обоимъ вмѣстѣ грамоту; мать обращаетъ къ нимъ обоимъ свою рѣчь:

«Возлюбленные мои чада,
Святые князья благовѣрные,
Не ѣздите вы къ бо́льшому брату,
Къ старѣйшему брату Святополкію».

Борисъ и Глѣбъ вмѣстѣ дѣйствуютъ всю жизнь и всегда за одно. Въ симметріи стоятъ они передъ Святополкомъ и просятъ у него пощады: «Борисъ упалъ (ему) въ правую ногу, Глѣбъ упалъ въ лѣвую».

Бориса пронзили копьемъ, Глѣба зарѣзали ножемъ: вотъ однако-же черта разъединенія, сквозь которую проглядываетъ историческая правда.

Похвальныя молитвы, прославлявшія братьевъ мучениковъ, проникнуты чувствомъ любви къ отечеству, и въ нихъ впервые Борисъ и Глѣбъ являются заступниками земли Русской. Къ нимъ-же лѣтописецъ и списатель житія обращаются съ молитвою избавить князей отъ междоусобной рати.

Прославленные чудесами и теплою вѣрою къ нимъ со стороны потомковъ отмстившаго за смерть ихъ Ярослава, Борисъ и Глѣбъ не разъ являются небесными защитниками своихъ родичей. Ихъ пред-

стательству приписываются многія побѣды въ теченіи XII и XIII-го вѣковъ и между прочимъ побѣда Александра Ярославича надъ Шведами, въ землѣ Ижорской, на берегахъ Невы.

Передъ этою побѣдой они явились одному мужу. Онъ стерегъ путь отъ враговъ на берегу моря и не спалъ всю ночь. Съ восходомъ солнечнымъ страшно зашумѣло море, и на волнахъ его показалась лодка. Гребцы были одѣты мглою, въ срединѣ-же стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ въ красныхъ (червленыхъ) одеждахъ. И сказалъ Борисъ: «Брате Глѣбе, повели грести, да поможемъ сроднику своему Александру».—Въ своемъ воззваніи къ Тверичамъ, св. братьевъ вспоминаетъ великій князь Тверской Александръ Михайловичъ, когда онъ готовится напасть на Татаръ. Въ сказаніи и Мамаевомъ побоищѣ говорится, что Борисъ и Глѣбъ наравнѣ съ другими святыми и полкомъ ангеловъ помогали Димитрію.

Жертвы междоусобія, Борисъ и Глѣбъ, являются согласно молитвѣ лѣтописца примирителями между князьями. У гроба св. братьевъ Святополкъ-Михаилъ снялъ оковы съ племянника своего Ярослава Ярополчича.

Князья, убитые измѣною (какъ напр. Ярополкъ, сынъ Ярослава мудраго, Андрей Боголюбскій), или

казненные въ ордѣ (Михаилъ Ярославичъ Тверской) обыкновенно сравниваются лѣтописцами съ Борисомъ и Глѣбомъ, а тѣ изъ нихъ, которые готовятся къ смертной казни, всегда воодушевляются подвигомъ Бориса и Глѣба. Такимъ образомъ исторія и народная поэзія говорятъ за то значеніе, какое имѣли на Руси жизнеописанія Бориса и Глѣба, этихъ первыхъ мучениковъ новой русской церкви.

Братъ ихъ, Ярославъ, является въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» мстителемъ за смерть мучениковъ. Лѣтописецъ какъ-бы забываетъ, что этотъ князь еще при отцѣ готовъ былъ дать отпоръ Кіеву. Онъ только приводитъ молитвенныя восклицанія Ярослава, призывавшаго гнѣвъ Божій на братоубійцу.

Обстоятельно говоритъ лѣтописецъ о Ярославѣ, какъ о покровителѣ духовныхъ, учредителѣ церковныхъ письменныхъ уставовъ, строителѣ храмовъ и распространителѣ христіанскаго просвѣщенія. «Онъ собралъ писцовъ многихъ и переводили они съ греческаго на словѣньское письмо и списали они много книгъ, которымъ поучаясь, вѣрные наслаждаются Божественнаго ученія». Нагляднымъ примѣромъ сравненія лѣтописецъ объясняетъ христіанскій подвигъ Ярослава: «Одинъ кто-нибудь вспашетъ землю, другой посѣетъ, а многіе пользуются жатвою: такъ и Владиміръ распахалъ и умягчилъ почву кре-

щеніемъ, Ярославъ насѣялъ, книжными словесы, а мы пожинаемъ, ученіе пріемлюще книжное. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго»!

«Ярославъ любилъ книги,—продолжаетъ повѣствователь,—и много ихъ положилъ въ церкви св. Софіи, которую создалъ самъ, украсивъ золотомъ и серебромъ, и церковными сосудами. Создалъ онъ и другія церкви по городамъ и селамъ, вездѣ поставилъ священниковъ, повелѣвъ имъ учить людей». Все это стройное мѣсто о просвѣтительной дѣятельности достойнаго преемника св. Владиміра, лѣтописецъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ: «Радовался Ярославъ, видя множество церквей и людей христіанскихъ, врагъ же сѣтовалъ, побѣждаемый новыми людьми христіанскими». Мы видѣли выше, какъ понятіе о врагѣ соединялось у лѣтописца съ представленіемъ о язычествѣ.

Далѣе въ лѣтописи мы встрѣчаемъ первое преданіе о возникновеніи Печерской обители, связанное съ Ярославомъ и другомъ его, Илларіономъ, священникомъ села Берестова, любимаго мѣстопребыванія Ярославова. Этотъ Иларіонъ въ послѣдствіи поставленъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Его поучительныя слова и похвала

св. Владиміру составляютъ сокровище нашей литературы XI вѣка.

Отъ митрополита Иларіона Кіевскаго и вся Руси дошли до насъ (въ рукописи XVI-го столѣтія) нѣкоторыя сочиненія. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ «Слову о законѣ и благодати», тѣсно связанному съ похвалою Владиміру и молитвою отъ всей новопросвѣщенной земли Русской. Воодушевленный новою христіанскою эрою, наступившею на его памяти, Иларіонъ возноситъ горячую благодарность великому подвигу Владиміра, этого «новаго Константина», черезъ котораго мы познали Господа и избавились заблужденія идольскаго.

Оцѣнивъ великую заслугу Владиміра, проповѣдникъ вызываетъ его изъ гроба: Встани отъ гроба твоего, встани... отряси сонъ... возведи очи твои... виждь чадо свое Георгіа (т. е. Ярослава), виждь милаго своего... красящаго столъ земли твоей и возрадуйся... Виждь благовѣрную сноху твою Ирину— внуки твоя и правнуки—како благовѣріе держатъ, како славятъ Христа. Виждь же и градъ величествомъ сіяющь—виждь христіанство ростуще, виждь церкви цвѣтущи, иконами святыхъ блистающи и божественными пѣніи оглашаеми...

Въ немногихъ остаткахъ Иларіонова творчества много вылилось любви къ отечеству и выразилось много глубокаго богословскаго пониманія преимущества благодати передъ закономъ Іудеевъ и мракомъ язычества. Писанія эти имѣли вліяніе на позднѣйшихъ лѣтописцевъ (лѣтопись Волынская XIII вѣка), и на позднѣйшія похвальныя слова князьямъ просвѣтителямъ (напр. Константину, обратившему Муромскихъ жителей въ христіанство).

Молитва, составленная Иларіономъ для новопросвященныхъ христіанъ, читалась черезъ пять столѣтій послѣ того въ Казани, просвѣщавшимъ ее свѣтомъ вѣры Св. Гуріемъ.

Другой сынъ св. Владиміра, княжившій одновременно съ Ярославомъ, Мстиславъ Тмутараканскій напоминаетъ совсѣмъ иную сторону характера своего отца. Онъ имѣетъ большую дружину, любитъ ее, не жалѣетъ для нея своего имѣнія и славится угостительностью. Съ другой стороны онъ «храбръ на рати», и лѣтописецъ не забываетъ сказать свое слово о необыкновенной крѣпости его тѣла и даже о большихъ глазахъ его. Этотъ князь, какъ видно изъ Слова о полку Игоревѣ, былъ воспѣваемъ въ пѣсняхъ Бояномъ. Лѣтописецъ разсказываетъ о его единоборствѣ съ великаномъ Касожскимъ Редедею.

Съ этимъ княземъ-богатыремъ, глядѣвшимъ изъ-

за туманной дали цѣлаго столѣтія на нашего лѣтописца, мы покидаемъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» и прямо переходимъ къ новому, свѣтлому образу.

Внукъ грамотнаго Ярослава, Владиміръ Всеволодовичъ, былъ не только книголюбцемъ, но и авторомъ драгоцѣннаго литературнаго памятника нашей древности. Въ своемъ знаменитомъ «завѣщаніи» Мономахъ проливаетъ свѣтъ на домашній бытъ древняго князя, очерчивая съ замѣчательною полнотою его дѣятельность и образъ жизни. Просто и безъискусственно, не для похвалы, а въ поученіе, разсказываетъ онъ сыновьямъ о собственной жизни, объ обычаяхъ и подвигахъ мужества. Въ его свѣжемъ, искреннемъ поученіи мы встрѣчаемся съ образомъ князя XII вѣка, когда христіанскія начала уже глубоко вошли въ самую жизнь. Образъ этотъ нисколько не противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ по другимъ источникамъ о Мономахѣ, «добромъ страдальцѣ за Русскую землю», который съ молоду стоялъ на сторожѣ ея, примирялъ междуусобія и направлялъ общія силы противъ враговъ отечества—половцевъ.

«Дѣти—говоритъ Мономахъ въ своемъ завѣщаніи—не осудите писанія моего, не посмѣйтесь ему: я собралъ въ немъ любимыя мѣста изъ псалмовъ Давыда, которыми утѣшался въ печали, и

многія другія мысли и слова. А вы примите въ сердце, дѣти мои».

И въ слѣдъ за тѣмъ Мономахъ приводитъ псаломскія изреченія объ упованіи на Бога, о помощи праведнику. Онъ какъ бы молится въ слухъ и молитву свою завѣщаетъ дѣтямъ и ею же поучаетъ ихъ добродѣтели. Онъ говоритъ просто, не мудрствуетъ, а только выбираетъ трогательныя святыя изреченія: месть надо предоставить Богу, гордость и злобу изгнать изъ сердца, надо пещись о бѣдныхъ, защищать вдовъ и сиротъ, оказывать помощь притѣсненнымъ. Можно спастись покаяніемъ, молитвою и милостынею. Отъ такихъ совѣтовъ Мономахъ переходитъ къ прославленію Бога: «Велій Господь и чудна дѣла Твоя; разумъ человѣческій не можетъ повѣдать чудеса Твои!» Вслѣдъ затѣмъ онъ указываетъ на могущество Творца и премудрость Его творенія—окружающаго насъ міра, всей природы земной.

«Послушайте меня, дѣти, продолжаетъ онъ—если не все примите, то хотя половину».

«Если Богъ умягчитъ сердце ваше, плачьте о грѣхахъ своихъ и твердите: какъ блудницу, разбойника и мытаря помиловалъ, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. И въ церкви молитесь такъ—и дома, ложась спать. Ночью, когда проснетесь, не забы-

вайте хоть разъ сдѣлать земной поклонъ съ молитвою. Въ дорогѣ, на конѣ и среди людей, когда не досугъ стоять на молитвѣ, твердите въ тайнѣ: Господи помилуй! и не допускайте въ голову пустыхъ мыслей. Главное—не забывайте убогаго, но по силѣ накормите, надѣлите сироту и сильнымъ не давайте сдѣлать вредъ человѣку».

«Ни праваго, ни виноватаго не казните смертною казнью. Если кто и повиненъ смерти—не губите души христіанской. Цѣлуйте крестъ подумавши, если въ силахъ соблюсти клятву».

«Все доглядите въ дому своемъ сами; не смотрите ни на тивуна, ни на отрока, чтобы приходящіе въ домъ вашъ не посмѣялись дому вашему и обѣду вашему. Вышедъ на войну, не довѣряйтесь воеводамъ, не лѣнитесь, не мѣшкайте за ѣдою. Сами наряживайте сторожей, ложитесь спать около воиновъ, вставайте рано; оружія не снимайте съ себя».

«На походѣ въ своихъ и чужихъ земляхъ не давайте слугамъ вашимъ дѣлать вредъ кому бы то ни было».

«Если гдѣ остановитесь въ жильѣ—напойте, накормите хозяина, а не обижайте его».

«Гостя почтите откуда бы онъ ни пришелъ: будь онъ простой человѣкъ, будь онъ знатный, или посолъ. Если не можете одарить, такъ почтите браш-

номъ и питьемъ. Больнаго посѣтите: надъ мертвецомъ пойте и молитесь, *яко вси мертвенни есмы*».

«Никогда не обойдите человѣка, не привѣтствовавъ его, не сказавъ ему добраго слова. Женъ своихъ любите, но не дайте имъ надъ собою власти».

«Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Вотъ мой отецъ, сидя дома, изучилъ пять чужихъ языковъ. Въ этомъ честь отъ всѣхъ земель. Лѣность всему злу мать. Лѣнивый, что и зналъ, то забудетъ, а чего не знаетъ, тому никогда не научится».

«Да не застанетъ васъ солнце въ постели. Отецъ мой и другіе добрые мужи встрѣчали солнце съ молитвою и по восходѣ солнца прославляли Бога съ радостью, говоря: «Просвѣти очи мои, Христе Боже»—и «далъ ми еси свѣтъ Твой красный» и еще: «Господи, приложи мнѣ годъ къ году, чтобы я очистился отъ грѣховъ моихъ, и оправдай жизнь мою предъ Тобою, чтобы я тѣмъ восхвалилъ Тебя».

«Помолившись, начинайте дѣлать свои дѣла, или созовите дружину на совѣтъ, или рѣшайте дѣла судныя. Послѣ того, или поѣзжайте на охоту, или такъ поѣздите, а потомъ и лечь спать можно. Въ

полдень и звѣри, и птицы, и человѣки отдыхаютъ. Богомъ такъ установлено».

Мономахъ говоритъ, что онъ самъ дома, на войнѣ и на охотѣ, всегда все дѣлалъ самъ; ночью и днемъ, въ зной и холодъ не давалъ себѣ покоя. «Дома я самъ держалъ весь порядокъ, смотрѣлъ за ловчими и конюхами, заботился о соколахъ и ястребахъ. Не осудите меня, дѣти мои: я не хвалюсь, но хвалю Бога, за то, что онъ сдѣлалъ меня способнымъ на человѣческія дѣла. Прочитывая эту грамотицу, потщитесь, на всѣ добрыя дѣла, славя Бога».

Разсказывая о своихъ трудахъ на войнѣ, Мономахъ вспоминаетъ свои походы. Онъ большую часть жизни провелъ внѣ дома. «Не сочтешь, сколько разъ я ѣздилъ изъ Чернигова въ Кіевъ, къ отцу моему. Всѣхъ путей совершилъ 83, однихъ великихъ, но прочихъ меньшихъ не вспомню».

«Съ коня много разъ падалъ, голову дважды разбилъ, и руки и ноги повредилъ... Что надо было дѣлать слугѣ, то дѣлалъ самъ на войнѣ, ночью и днемъ, во время зноя и во время стужи спокоя не зналъ».

Разсказъ о путяхъ есть не болѣе какъ сухой и весьма сжатый перечень походовъ. Изъ него можно узнать только—кому въ помощь и противъ кого

шелъ Мономахъ войною, самъ ли шелъ своею волею, или былъ посылаемъ отцемъ или старѣйшимъ княземъ (Святополкомъ-Михаиломъ). Предѣлы путей обозначены названіями главныхъ мѣстностей, городовъ и рѣкъ. Нѣтъ никакихъ, хотя бы случайно занесенныхъ топографическихъ подробностей, равно какъ нѣтъ никакихъ бытовыхъ воспоминаній, даже военнаго характера. Только однажды авторъ упоминаетъ объ угощеніи имъ Олега Святославича, на Красномъ дворѣ, въ Черниговѣ. Но и эта единственная подробность включена въ сухой перечень походовъ съ цѣлью оправдаться въ враждебности къ двоюродному брату. Половцы, надъ которыми побѣды доставили Мономаху вѣковую славу, наиболѣе памятны герою борьбы съ «невѣрными», и онъ приводитъ до 16 именъ, сражавшихся съ нимъ половецкихъ вождей. По поводу встрѣчи съ половцами встрѣчается одно живое образное выраженіе. Въ день св. Бориса проѣхалъ онъ невредимо сквозь вражьи полки, и половцы не посмѣли напасть на русскихъ: облизахутся на насъ, акы волци стояще.

Кромѣ защиты земли отъ враговъ, у князей было еще другое дѣло: они одни имѣли средства истреблять дикихъ звѣрей, которыхъ было тогда на Руси не мало. Мономахъ разсказываетъ, что онъ

диких коней вязалъ въ пущахъ своими руками. Туръ не разъ металъ его на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами, съ вепремъ и медвѣдемъ онъ вступалъ въ борьбу. Не столько удача лова памятна Мономаху, сколько опасность, которой онъ подвергался въ единоборствѣ съ лютымъ звѣремъ и въ одолѣніи дикихъ коней. Ему нужно исповѣдать, что онъ «не берегъ жизни своей, не щадилъ головы своей».

«Дѣти, не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужское дѣло. Ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ».

Въ началѣ «Завѣщанія» Мономахъ поучаетъ дѣтей благочестію, молитвѣ, смиренію, домашнему порядку и семейнымъ добродѣтелямъ, въ концѣ же, преподавъ совѣтъ «не бояться ни рати, ни звѣря, но дѣлать мужеское дѣло», онъ подходитъ издали, какъ бы изъ глубины собственнаго сознанія (о многострастный и печальный азъ...) къ вопросу времени, къ междоусобію и противополагаетъ ему миръ и любовь между братьями. Это послѣднее наставленіе, для того, чтобы ему имѣть силу въ глазахъ дѣтей, должно было опираться на примѣръ отца. И для этого Мономахъ останавливается на разъясненіи продолжительной усобицы своей съ Олегомъ Черниговскимъ. Единственный,

дошедшій до насъ списокъ «Завѣщанія» не сохранилъ намъ этого разсказа, но за то мы имѣемъ въ лѣтописяхъ существенную его часть—посланіе Мономаха къ Олегу. «Посланіе» есть какъ бы исповѣдь; имъ объясняетъ писавшій свою правоту въ виду крамольныхъ и не христіанскихъ поступковъ Олега. Всю жизнь проводившій въ войнѣ, Мономахъ мужественно и спокойно отнесся къ тому, что въ сраженіи съ Олегомъ былъ убитъ его собственный сынъ и крестникъ Олега: тѣмъ бо путемъ шли дѣды и отцы наши; судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе. Но онъ укоряетъ Олега за то, что этотъ послѣдній не оплакалъ его сына, а своего крестника, не покаялся передъ Богомъ, и ему, Мономаху, не послалъ грамоты утѣшительной и съ тѣмъ вмѣстѣ не отпустилъ къ нему снохи, вдовы убитаго, дабы и свекръ, обнявъ ее, могъ оплакать съ нею покойника, вмѣсто свадебныхъ пѣсенъ: такъ какъ онъ не видѣлъ радости ихъ, не присутствовалъ на вѣнчаньи сына. «Бога для — проситъ онъ Олега — съ первымъ посломъ пошли её ко мнѣ, чтобы я могъ, наплакавшись съ нею вдоволь, устроить её на мѣстѣ, гдѣ она, какъ горлица на сухомъ деревѣ, будетъ сидѣть горюючи, а я утѣшусь о Бозѣ».

Въ близкой связи съ завѣщаніемъ Мономаха на-

ходится посланіе къ нему митрополита Никифора, которое также свидѣтельствуетъ объ образѣ жизни этого князя. «Чему поучать такого князя—который больше на сырой землѣ спитъ, дому бѣгаетъ, платье свѣтлое отвергаетъ, по лѣсамъ ходя, сиротинскую одежду носитъ? Что говорить о воздержаніи тому, кто другимъ любитъ готовить обильные обѣды, а самъ довольствуется малою пищею, самъ прислуживаетъ гостямъ своимъ и смотритъ, чтобы они ѣли досыта».

Въ этомъ посланіи высказываются отношенія власти духовной къ свѣтской. Митрополитъ находитъ слабую сторону въ характерѣ князя и съ любовію говоритъ ему о ней. «Кажется мнѣ, княже мой, что ты слушаешь другихъ и въ отверстый слухъ твой входитъ стрѣла. Такъ подумай объ этомъ, княже мой, подумай объ изгнанныхъ тобою... Вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди о таковыхъ».

Отъ пастырей Русской церкви XI и XII-го вѣка митрополитовъ, епископовъ и игумена Печерской обители преп. Ѳеодосія осталось нѣсколько поученій и проповѣдей хвалебнаго и богословскаго характера. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются простотою содержанія и изложенія. Таково напримѣръ поученіе Новгородскаго епископа Луки Жидяты,

Кратко и просто, подобно Владиміру Мономаху, излагаетъ этотъ святитель наставленія въ своей паствѣ.

Самый славный изъ проповѣдниковъ Южной Руси былъ Кириллъ, епископъ Туровской, бывшій въ близкихъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Отъ него остались десять словъ, произнесенныхъ имъ въ храмахъ, посланія и молитвы. Его сочиненія отличаются искусственнымъ складомъ, изысканностію выраженій. Одно изъ наиболѣе красивыхъ мѣстъ его проповѣдей—сопоставленіе весны съ событіемъ воскресенія Христова:

«Нынѣ весна красуется, оживляя земное естество; бурные вѣтры нынѣ повѣваютъ тихо, благопріятствуя плодамъ; и земля, питая сѣмена, рождаетъ зеленую траву. Весна красная—это вѣра Христова, бурные вѣтры—грѣховные помыслы» и т. д.

У Кирилла есть много мѣстъ теплыхъ, истинно поэтическихъ. Одна изъ особенностей этого проповѣдника поэта—распространеніе краткихъ евангельскихъ сказаній. Въ одной проповѣди (Слово въ недѣлю о муроносицахъ, 3-ю по Пасхѣ) Кириллъ живописно представляетъ въ дѣйствіи событіе снятія со креста тѣла Христова.

Іосифъ Аримаѳейскій приходитъ ко кресту Спасителя и застаетъ у него пречистую Матерь съ од-

нимъ изъ учениковъ. Онъ стоитъ поодаль и слушаетъ Ея болѣзненный плачъ. Проповѣдникъ излагаетъ этотъ продолжительный плачъ, любимый предметъ христіанской лирики, по окончаніи котораго. «Іосифъ—говоритъ онъ—приблизился къ Богородицѣ и слышитъ Ея слова: Потрудись, благообразне, сходить къ беззаконному судіи Пилату и испроси у него позволеніе снять со креста тѣло Учителя и т. д. Длинную рѣчь произноситъ Іосифъ передъ Пилатомъ: Дай мнѣ, о игемоне, тѣло страннаго онаго Іисуса, распятаго между двумя разбойниками, оклеветаннаго архіереями и поруганнаго отъ воиновъ безъ правды и т. д. *). Пилатъ съ изумленіемъ выслушалъ Іосифа...» Послѣ погребенія тѣла Іисусова, проповѣдникъ рисуетъ новую картину, представляющую путешествіе св. женъ мироносицъ ко гробу Христову.

Другое слово—на Вознесеніе, по отзыву проф. Шевырева, соединяетъ съ глубиною христіанской мысли все изящество поэтическаго образа. По словамъ архіепископа Макарія, оно запечатлѣно игрою фантазіи и не чуждо произвольныхъ предположеній. Мы приведемъ изъ слова нѣсколько художественныхъ чертъ.

«На небѣ все готовится къ великому торжеству. Видимое небо веселится и украшаетъ свѣтила свои,

*) Мы пользуемся здѣсь переводомъ архіеп. Макарія, автора Исторіи Русской церкви.

готовыя принять благословеніе отъ Творца, когда Онъ на облакахъ вознесется ко вратамъ Бога небеснаго. Ангелы во множествѣ слетѣлись и готовятъ Ему путь, собирая облака на крыльяхъ вѣтряныхъ. Другіе изъ нихъ готовятъ престолъ херувимскій. Богъ Отецъ ожидаетъ своего предвѣчнаго Сына. Апостолы молятъ учителя не оставить ихъ сирыми. Онъ говоритъ имъ слова утѣшенія и, благословляя ихъ, начинаетъ возноситься—ступаетъ на свѣтлое облако, поднимаемое херувимами, и грядетъ ко Отцу. Полки ангеловъ текутъ передъ нимъ, возвѣщая его пришествіе и хотятъ скорѣе отворить врата небесныя. Ангелы, стерегущіе ихъ, говорятъ, что никто изъ земныхъ не проходилъ ими. Завязывается словесная борьба между ангелами, но рѣчи ихъ клоняться еще болѣе къ прославленію тайны воплощенія Бога. По голосу Христа отверзлись врата: ангелы познали въ немъ Бога и поклонились Ему».

Эти религіозныя произвольныя представленія, дополнявшія и распространявшія священную и евангельскую исторію, составляютъ цѣлую сторону въ нашей древней литературѣ. Иногда эти представленія нисходили до грубыхъ вымысловъ, иногда же возвышались до прекраснаго и имѣли образовательное и нравственное значеніе.

Лѣтопись о внукахъ Мономаха. Двѣ стороны въ лѣтописяхъ. Даніилъ заточникъ.—Пѣсни княжескія: почему онѣ не дошли до насъ. Слѣды ихъ въ письменности.

Съ Владиміромъ Мономахомъ, съ Кирилломъ Туровскимъ мы сосредоточились на XII вѣкѣ, отъ котораго дошли до насъ лучшіе памятники литературы до монгольскаго періода.—Повѣсть временныхъ лѣтъ окончилась. Передъ нами новыя лѣтописи: живые разсказы современниковъ о княжескихъ битвахъ, о событіяхъ вѣчевой жизни, о столкновеніяхъ князей съ сынами степи—новыми врагами тогдашней Руси, половцами. Выступаютъ образы дѣтей и внуковъ Мономаха, враждебныхъ къ нимъ Ольговичей и другихъ потомковъ св. Владиміра. Живыя, богатыя подробности объ Изяславѣ Мстиславичѣ, этомъ любимцѣ народномъ и безстрашномъ воинѣ, могли бы увлечь насъ, разбирающихъ лѣтопись съ литературной стороны. Андрей Боголюбской, достойный соперникъ своего двоюроднаго брата, Изяслава Мстиславича, герой подъ стѣнами Луцка, при осадѣ Кіева и на рѣкѣ Рутѣ, гдѣ оба героя и врага едва спас-

лись отъ смерти, привлекъ бы наше вниманіе. Не можемъ не привести здѣсь мѣста изъ лѣтописи, гдѣ съ сочувствіемъ говорится о каждомъ изъ враждебныхъ другъ къ другу князей подобно тому, какъ въ Иліадѣ пѣвецъ относится одинаковымъ образомъ къ храброму Гектору и къ дивному Ахилесу:

Андрей (Георгіевичь) Юргевичь, взявъ копье, поѣхалъ впереди и съѣхался съ врагами прежде всѣхъ, и изломилъ копье свое. Тогда прокололи коня подъ нимъ въ ноздри. Конь же нача соватися подъ нимъ, и шеломъ спаде съ него, и щитъ на немъ отторгоша. Божіимъ заступленіемъ и молитвою родитель своихъ сохраненъ бѣ безъ вреда». И передъ всѣми полками въѣхалъ Изяславъ одинъ въ полки ратныхъ и копье свое изломилъ. И тутъ его ранили въ руку и бедро и прокололи, и онъ слетѣлъ съ коня: полки сошлись, была сѣча крѣпкая. Богъ же и Святая Богородица и сила честнаго животворящаго Креста поможе Ростиславу, и ту побѣдиша Гюргя (Юрія Долгорукова, отца Андреева)...

«Когда (послѣ битвы) сошлись полки, и конные, и пѣшіи, Изяславъ лежалъ раненый. Онъ приподнялся, и Кіевляне изъ пѣшихъ хотѣли убить его, думая, что онъ ратный (т. е. непріятель). Они не

узнали его. Изяславъ же сказалъ: я князь! Одинъ изъ нихъ на это: «такъ тебя то намъ и надобно» и вынулъ мечь и сталъ сѣчь по шлему. И былъ на шлемѣ княжескомъ, надъ челомъ, изображенъ святый мученикъ Пантелеймонъ золотой. И воинъ ударилъ мечемъ по шлему и разсѣкъ шлемъ до лба. Изяславъ же сказалъ: «я Изяславъ. князь вашъ»—и снялъ съ себя шеломъ. и узналъ его воинъ. Когда объ этомъ прослышали многіе, то подняли Изяслава на рукахъ своихъ съ радостью какъ царя и князя своего, и всѣ полки радуясь воззвали «Кири-елейсонъ». Они радовались тому, что побѣдили полки непріятельскіе и что видѣли князя своего живымъ».

Другіе лѣтописцы, сочувствуя своему Андрею. изображаютъ его устроителемъ новыхъ гражданскихъ порядковъ, создателемъ чудныхъ храмовъ въ новой сѣверной столицѣ, Владимірѣ. Убіеніе этого князя передано въ особой умилительной, простодушно разсказанной очевидцемъ, повѣсти.

Любимецъ Сѣвера и Юга, князь дружинникъ. непосѣдный, повсюду свой, готовый положить голову вездѣ, гдѣ нужна его помощь, Мстиславъ Удалой живо изображенъ въ южныхъ лѣтописяхъ. Съ нимъ мы переносимся въ Новгородъ и раскрываемъ новгородскія лѣтописи. Ихъ сжатое, не многослов-

ное, скупое на подробности изложеніе, ихъ выразительный, не теплый и не краснорѣчивый языкъ совершенно противуположенъ живой горячей рѣчи нашихъ южныхъ лѣтописцевъ.

Сѣверъ и югъ раздѣлили между собою литературное наслѣдіе XI вѣка. На лѣтописи Владиміро-Суздальскія легла печать искусственности. Духъ монашеской простоты и безпристрастія еще встрѣчается въ Кіевскихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Другія же южныя сказанія, имѣютъ источникомъ живыя рѣчи дружинниковъ и записки, веденныя поодаль отъ монастырскихъ стѣнъ.

Мы уже говорили о религіозномъ и поучительномъ характерѣ нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Нашъ древній лѣтописатель, по словамъ Погодина, писалъ не для угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова: «Азъ грѣшный Несторъ, меньшій всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца Ѳеодосія». Идеалъ такого лѣтописца изображенъ художественно и вѣрно Пушкинымъ въ превосходной сценѣ въ кельѣ Пимена, въ драмѣ «Борисъ Годуновъ».

Рядъ сказаній о Печерской обители, показываетъ въ авторахъ ихъ людей непосредственно воспринимавшихъ впечатлѣнія, чуждыхъ всякой

надуманности. Описывая съ неподражаемою прелестью «угодниковъ святыя чудеса», такіе авторы едва-ли могли описывать «управу государей».

Однакоже нашъ лѣтописецъ не всегда оставался въ своемъ разсказѣ монахомъ, стоящимъ на высотѣ духовнаго и чисто-нравственнаго отношенія къ описываемому событію грѣшнаго, суетнаго міра. Въ его приговорахъ начинаемъ замѣчать пристрастіе къ лично извѣстному ему человѣку; въ сужденіяхъ видно сочувствіе къ интересамъ извѣстной партіи и, что всего важнѣе, къ интересамъ своей земли Суздальской, или Новгородской. Текстомъ изъ св. Писанія онъ иногда подкрѣпляетъ свое личное воззрѣніе на событіе. Призываніе благословенія Божія и воззваніе къ Его праведному суду часто въ связи съ такимъ же личнымъ и пристрастнымъ воззрѣніемъ лѣтописца. Только при описаніи народныхъ бѣдствій: голода, мора, нахожденія иноплеменныхъ, во всѣхъ лѣтописяхъ, всегда слышится голосъ возвышеннаго смиренія, умиленной молитвы и твердой вѣры въ Бога, въ Заступницу Русской земли и въ предстательство угодниковъ. Всѣ молитвенныя восклицанія лѣтописцевъ при подобныхъ описаніяхъ составляютъ какъ бы стройный народный молитвенный гимнъ.

Такія разностороннія качества дѣлаютъ наши

лѣтописи съ одной стороны отголоскомъ людей, усвоившихъ себѣ церковное и монашеское воззрѣніе на жизнь и получившихъ одинаковое литературное образованіе, съ другой же стороны—отголоскомъ дѣйствительной исторической жизни и интересовъ того города и той земли, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ лѣтописецъ.

Лѣтописецъ русскій не всегда былъ затворникомъ, собиравшимъ въ тишинѣ келліи доходившія до него извнѣ свѣдѣнія. Часто изъ живаго расказа его видно, что онъ былъ свидѣтелемъ вѣчевой сходки, спора князя съ гражданами и препирательства князей между собою. Онъ участвовалъ въ походѣ, былъ очевидцемъ сѣчи, осады города, ликовалъ съ побѣдителемъ, сѣтовалъ съ побѣжденнымъ, выслушивалъ князей, договаривавшихся о мирѣ и присутствовалъ при обычномъ въ такомъ случаѣ крестоцѣлованіи. Духовникъ княжескій, или пономарь, или, быть можетъ, свѣтскій, употреблявшійся княземъ для писанія крестоцѣловальныхъ, судныхъ и дарственныхъ грамотъ, онъ писалъ свое сказаніе и свои замѣтки иногда наскоро, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, а иногда позднѣе, на досугѣ. Является лѣтопись кочующая, сопровождающая князя въ походѣ, и такая лѣтопись рѣзко отличается отъ всякой лѣтописи мѣстной и монастырской. Повѣствованіе

Мономаха есть первообразъ памятныхъ записокъ—этихъ бѣглыхъ лѣтописей, останавливающихся съ особыми подробностями только на отношеніяхъ князей между собою и на военныхъ дѣлахъ. Мѣстная лѣтопись уступила силѣ вещей. Подробности великой внутренней войны заступили мѣсто сказаній съ поучительнымъ характеромъ, писанныхъ въ кельи спокойнаго наблюдателя.

Въ Кіевскомъ сводѣ лѣтописей, мы встрѣчаемъ много такихъ «памятей» (мемуаровъ), писанныхъ мужами княжьими, дружинниками.

Сохранилось у насъ одно произведеніе XII, или можетъ быть начала XIII вѣка, принадлежащее перу княжьяго мужа, дружинника, пребывавшаго въ заточеніи на озерѣ Лачѣ, въ нынѣшней Олонецкой губерніи. Это полушутливое и вмѣстѣ умилительное посланіе, написанное сильно и въ духѣ византійской украшенной прозы, было долгое время любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ. Его часто переписывали, дополняли и въ послѣдствіи составили о немъ басню, будто бы авторъ его Даніилъ, закаталъ посланіе въ воскъ и бросилъ свертокъ въ море: рыба проглотила его, рыбу поймали, нашли свертокъ и принесли его князю, который и прочелъ адресованное ему посланіе.

Даніилъ Заточникъ стремится къ тому, чтобы красотою своего слога разжалобить князя. Онъ пользуется мудрыми изреченіями Іисуса сына Сирахова и вмѣстѣ народными поговорками. Изображая свою горькую долю, онъ играетъ созвучіемъ, говоритъ даже каламбуры: кому Переяславль, а мнѣ Гореславль, кому Бѣлоозеро, а мнѣ черныя смолы; кому Лачьозеро, а мнѣ на немъ сидя, плачъ горькій...

Вотъ какъ обрисовываетъ онъ свое смиренное положеніе посредствомъ пріемовъ поэтическаго сравненія и противуположенія: «Я, княже господине, какъ бы трава поблеклая, которая растетъ за стѣною: на нее ни солнце не сіяетъ, ни дождь не идетъ; такъ и я, княже господине, всѣми обидимъ, потому, что огражденъ страхомъ грозы твоей, какъ какою-то твердынею».

«Когда ты веселишься за многими брашнами, вспомни обо мнѣ, ѣдущемъ сухой хлѣбъ. Когда пьешь сладкое питье, вспомни обо мнѣ пьющемъ теплую воду. Когда лежишь на мягкой постелѣ, подъ собольими одѣялами, вспомни обо мнѣ, подъ однимъ полотномъ лежащемъ, умирающемъ отъ стужи и пронзаемомъ—какъ бы стрѣлами въ сердце—дождевыми каплями».

Вотъ какимъ образомъ онъ старается преклo-

нить гнѣвъ князя на милость: «Княже мой господине, избави меня отъ нищеты, какъ серну отъ тенетъ, какъ вольную птицу отъ силка, какъ утку отъ когтей ястреба, какъ овцу отъ пасти львовой».

«Золото искушается огнемъ, а человѣкъ напастью; пшеница послѣ долгаго мученія даетъ чистый хлѣбъ, такъ и человѣкъ черезъ печаль пріобрѣтаетъ совершенный умъ».

«Птица радуется веснѣ, а младенецъ матери, такъ и я, княже господине, радуюся твоей милости. Весна украшаетъ цвѣтами землю, а ты, княже господине, оживляешь людей своею милостью, сиротъ и вдовъ отъ вельможъ обижаемыхъ». Такимъ же поэтическимъ слогомъ, преподаетъ онъ своему князю и господину наставленія: «щедрый князь подобенъ рѣкѣ—безъ береговъ: течетъ она сквозь лѣсъ и поитъ не только людей, но скотовъ и звѣрей, а скупой князь, какъ рѣка текущая въ каменныхъ берегахъ: нельзя пить, ни коня напоить».

«Княже мой господине, не море топитъ корабли, но вѣтры и, огонь разжигаетъ желѣзо только тогда, когда его раздуваютъ мѣхами: такъ и князь не самъ впадаетъ въ вещи злыя, но вводятъ его совѣтники. Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцою и малаго стола лишенъ бу-

детъ.—Посланіе кончается воззваніемъ: «Дай же, Господи, князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломона, кротость Давида». Это посланіе знакомитъ насъ съ тѣмъ родомъ изящной словесности, который нравился воспитаннымъ на церковной поэзіи князьямъ. Ихъ восхвалять надо было не иначе, какъ глаголомъ возвышеннымъ, украшенною цвѣтистою рѣчью.

Народная безъискуственная пѣсня по своему первобытному, нехристіанскому и сельскому характеру, не могла удовлетворить вкусу и любознательности князей, слушавшихъ рѣчи Кирилла Туровскаго и читавшихъ лѣтописи. Около князей должны были находиться особые пѣвцы, не чуждые книжнаго образованія, которые передѣлывали народныя пѣсни и историческія преданія. И у насъ была поэзія княжеская подобно тому, какъ въ Германіи и Франціи была поэзія рыцарская.

Пѣсни княжескія по содержанію своему соотвѣтствовали той средѣ, гдѣ онѣ возникли. Онѣ передавали сказанія объ основаніи стольныхъ городовъ, о битвахъ, осадахъ, единоборствѣ богатырей, восхваляли князей современныхъ, величали и корили, по обстоятельствамъ, старыхъ.

Если писатели того времени, не смотря на свое

христіанское образованіе, довѣряли народному вымыслу, то само собою разумѣется, что князья, вращавшіеся въ народѣ, были еще болѣе чутки къ народнымъ повѣрьямъ и преданіямъ. Дажьбогъ. Стрибогъ, или другими словами, богъ Солнце и богъ Вѣтеръ являются въ этихъ, на половину языческихъ—на половину христіанскихъ, пѣсняхъ.

Русская природа, неразрывно связанная съ вѣрованіями въ дивныя существа: водныя и лѣсныя, въ вѣщихъ звѣрей и птицъ, отпечатлѣвалась въ этихъ пѣсняхъ, и все это нисколько не нарушало ихъ возвышеннаго, съ виду христіанскаго характера.

По языку своему пѣсня княжеская составляла среднее между народной пѣснью и поэтическою рѣчью церковной—лирической и риторской—литературы. Размѣръ ея то приближался къ стихирѣ и псалму, то къ народному безъискусственному складу.

Нѣкоторыя мѣста Слова о Полку Игоревѣ поражаютъ сходствомъ своего склада со складомъ малороссійскихъ народныхъ, положенныхъ въ наше время на ноты пѣсенъ:

Прысну море полунощи,
Идутъ сморци *) мглами.

или:

*) Смерчи.

Овлуръ свисну за рѣкою.
Велитъ князю разумѣти...

Въ Западной Европѣ пѣсни рыцарскія обыкновенно литературно обработывались странствующими пѣвцами. Записанныя въ XII вѣкѣ самими поэтами, онѣ дошли до насъ въ древнихъ спискахъ. Наши пѣсни княжескія, за исключеніемъ передѣлки ихъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», не сохранились и не дошли до насъ. Причина такой утраты объясняется положеніемъ нашей литературы. Въ Западной Европѣ произведенія литературы церковной и образовательной писались по латынѣ, и языкъ этотъ охранялъ находившуюся въ рукахъ духовенства литературу отъ вторженія въ нее мірскихъ элементовъ. За то бокъ о бокъ съ латинской литературой и подъ ея вліяніемъ возникла другая литература — на языкѣ народномъ: во Франціи на южно-французскомъ нарѣчіи (Langue d'oc), въ Германіи на горно-нѣмецкомъ или швабскомъ. (Mittelhochdeutsch). И эта національная литература, свободная отъ монашескаго надзора, была первое время преимущественно литературою пѣсенъ. У насъ же церковная литература была на родственномъ, близкомъ языкѣ, который вскорѣ сталъ смѣшиваться съ живымъ народнымъ языкомъ, древне-русскимъ, подчиняя его себѣ. Такимъ образомъ

у насъ была долго только одна литература—церковнаго склада и характера. Духовенство, или скорѣе, монашество имѣло эту литературу въ своихъ рукахъ и оберегало ее отъ всего того, что было по его понятію не душеполезно. Къ народнымъ и близкимъ къ нимъ по духу княжескимъ пѣснямъ духовенство относилось враждебно и не отдѣляло ихъ отъ пѣсенъ сельскихъ, бытовыхъ, съ которыми были связаны повѣрья и языческіе обычаи. Изъ поученій того времени и изъ житій святыхъ Печерскихъ иноковъ мы знаемъ, что пѣсни и музыка считались дѣломъ беззаконнымъ и грѣшнымъ; гусли, сопѣли, гудки живѣе всего напоминали монаху о мірскихъ утѣхахъ.

Размѣръ мірской пѣсни былъ въ связи съ напѣвомъ и подъигрываніемъ на гусляхъ, поэтому и самый размѣръ, или складъ пѣсни не былъ терпимъ въ письменности. Грамотные пѣвцы не могли записывать пѣсню такъ, какъ она пѣлась: они должны были, уничтожая стихотворную форму, обдѣлывать ее по образцамъ лирической церковной поэзіи. По содержанію своему эта пѣсня должна была быть повѣствовательною, величающею князей за ихъ подвиги и вмѣстѣ чувствительною, оплакивающею бѣду, плѣненіе и смерть князей и дружинниковъ.

Искуственнаго книжнаго стиха наши грамотные пѣвцы не изобрѣли потому, что образцевъ его не

было въ нашей письменности. Въ Западной Европѣ поэты-писатели имѣли передъ собою образцы стиховъ въ латинской своей литературѣ. Основываясь на законахъ созвучія, установившихся въ народной пѣснѣ, западные поэты выработали и риѳму. И поневолѣ наше чисто-поэтическое произведеніе, наша княжеская пѣсня о Полку Игоревѣ должна была причислиться къ извѣстному роду прозаическихъ произведеній и назваться не былиною, не замышленіемъ, что соотвѣтствовало бы понятію поэмы, а словомъ, подобно слову Даніила Заточника.

Однако-же княжескія пѣсни оставили свои слѣды въ нашей исторической литературѣ до-монгольскаго періода. Остатки пѣсенъ очевидны въ разсказахъ: о вѣщемъ Олегѣ, объ Ольгѣ и ея мщеніи Древлянамъ, о Святославѣ, легкомъ «какъ звѣрь лѣсной», объ усобицѣ дѣтей его. Очевидно, что существовала пѣсня объ обидахъ Рогнѣды-Гориславы и ея неудавшемся покушеніи на жизнь Владиміра, и другая—объ осадѣ Кіева печенѣгами и о колодцѣ съ сытою и тѣстомъ, и третья—о единоборствѣ Русскаго Давида съ печенѣжскимъ Голіаѳомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ основанъ Переяславль. Были пѣсни о богатырѣ Мстиславѣ, о боѣ его съ Редедею, о битвѣ его съ Ярославомъ ночью, во время сильной грозы, при Лиственѣ, гдѣ Ярославъ былъ разбитъ

и гдѣ его шуринъ, братъ жены его Ингегерды, Якунъ Князь Варяжскій (въ послѣдствіи, шведскій король Гакунъ, сынъ Олафа династы) потерялъ свою верхнюю одежду. Только пѣсня могла поставить на видъ красоту Якуна и его нарядъ—злототканную мантію, которой онъ лишился въ битвѣ. Утрата этого наряда имѣла поэтическое значеніе и въ позднѣйшей литературѣ: Якунъ былъ памятенъ тѣмъ, что лишился своей золотой одежды. Въ заключительныхъ словахъ лѣтописи о Лиственской битвѣ слышится пѣсня: «И была та сѣча сильная: молніе посвѣчивало оружіе поблескивало. И была гроза великая, и была та сѣча сильная, сѣча сильная, сѣча страшная» *).

Что касается до самихъ пѣвцевъ княжескихъ, то Слово о Полку Игоревѣ даетъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о Боянѣ, соловьѣ стараго времени, современникѣ князей, жившихъ въ концѣ XI столѣтія. Боянъ, какъ видно изъ «Слова» воспѣвалъ Романа Краснаго и не сочувственно относился къ брату этого Романа, крамольному Олегу Святославичу Черниговскому, врагу Мономахову. Всеславу Полоцкому Боянъ сказалъ мѣткое слово, припѣвку, которую запомнилъ не только авторъ Слова о Полку Игоревѣ, но и знакомый намъ Даніилъ Заточникъ.

*) «И бысть сѣча сильна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружие, и бѣ гроза велика и сѣча сильна и страшна».

Этотъ князь Всеславъ является въ лѣтописи съ характеромъ дивнымъ, волшебнымъ. Онъ, будто-бы рожденъ былъ отъ змѣя и носилъ на тѣлѣ знакъ чудесной язвы. Имя его сохранилось въ народыхъ былинахъ, записанныхъ со словъ крестьянъ въ наше время. Въ нихъ оно обыкновенно встрѣчается въ отчествѣ богатыря Вольги, или Волха Всеславича, который превращается, смотря по надобности, въ звѣря, птицу и рыбу.—Подобныя же превращенія богатыря въ различныхъ животныхъ встрѣчаются въ народной пѣснѣ о князѣ Романѣ Митріевичѣ, который обертывается сѣрымъ волкомъ, бѣлымъ горностаемъ и черным̆ъ ворономъ. И въ этомъ князѣ Романѣ Митріевичѣ нельзя не узнать другаго героя княжескихъ пѣсенъ: Романа Мстиславича Галицкаго, о которомъ поэтически выражается Волынская лѣтопись, сравнивая его по силѣ со львомъ, по легкости съ орломъ, по храбрости и лютости съ туромъ и рысью. Эта же лѣтопись сохранила поэтическое выраженіе древней пѣсни о Мономахѣ въ связи съ воспоминаніемъ о пѣвцѣ—гудцѣ, бывшемъ въ плѣну у дальнихъ кочевниковъ; она также называетъ еще другого пѣвца — Митусю-Словутнаго и упоминаетъ о пѣснѣ славы Галицкимъ князьямъ: Даніилу и Василью за побѣды ихъ надъ Ятвягами.

Героическія сказанія о побѣдахъ надъ половцами. Авторъ Слова о полку Игоревѣ и его задача. Событіе похода по „Слову и Сказаніямъ“. Воззрѣнія пѣвца на природу; негодованіе его на разладъ князей и обращеніе къ недавнему прошлому. Художественные пріемы въ описаніи битвъ и смерти князей. О художественной сторонѣ Слова.

Въ лѣтописныхъ сводахъ мы встрѣчаемъ рядъ сказаній о побѣдахъ князей надъ невѣрными. Особо выдѣляется сказаніе о походѣ Мономаха, окончившимся славною побѣдою на рѣкѣ Сальницѣ (1111 г.). Это сказаніе можно назвать героическимъ: въ немъ повѣдается о явленіи огненнаго столпа въ Печерскомъ монастырѣ и объ ангелѣ, въ рѣшительную минуту ниспосланномъ помогать русскимъ полкамъ. Подобно крестоносцамъ Владиміръ и прочіе князья идутъ въ походъ съ пѣньемъ тропарей, съ духовенствомъ впереди полковъ; вдохновенные, очи возводящіе къ небу, они идутъ на невѣрныхъ, какъ на дѣло Божіе. Сказаніе оканчивается воздаяніемъ

хвалы Богу и возглашеніемъ славы побѣдителямъ. Слава пошла по всей Русской землѣ—и по всѣмъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, доидеже и до Рима пройде, во славу Бога.

Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ побѣды на Сальницѣ, когда великое междоусобіе пріутихло, Кіевъ потерялъ прежнее значеніе, окрѣпъ Суздаль и усилился Галичъ, ратное движеніе принимаетъ вновь характеръ наступательной борьбы съ невѣрными: начинаются походы за рубежъ Русской земли—въ кочевье половцевъ, и въ письменности появляются повѣствованія объ этихъ походахъ, причемъ воскресаетъ духъ сказаній времени Мономаха. Тотъ или другой князь идетъ на половцевъ потому, что Богъ вложилъ ему мысль благу о Русской земли, занеже ей хотяше добра всѣмъ сердцемъ.

Идти на половцевъ значило: «хотѣть блага Русской землѣ, любить ее всѣмъ сердцемъ. Подвигъ такого похода выражалъ лучшую идею времени. На 34-хъ лѣтняго Новоградо-Сѣверскаго князя, по происхожденію Ольговича, Игоря Святославича палъ жребій быть носителемъ этой идеи, и подвигъ его долженъ былъ быть прославленъ въ назиданіе другимъ князьямъ—съ порицаніемъ ихъ за розпь и усобицу.

Появилось на сѣверѣ и на югѣ—въ Суздальской землѣ и на Волынѣ—два отдѣльныхъ сказанія о неудачномъ походѣ Игоря въ землю Половецкую и вслѣдъ за тѣмъ Слово о Полку Игоревѣ, писанное «старыми словесы» т. е. не книжнымъ, обычнымъ въ литературѣ складомъ, а вольнымъ языкомъ княжескихъ свѣтскихъ пѣсенъ.

Южное, волынское сказаніе наиболѣе подробное, писано по горячимъ слѣдамъ событія, съ чуткостью къ военному дѣлу. По духу оно принадлежитъ къ религіозной письменности. Авторъ заставляетъ Игоря каяться передъ христіанами въ прежнемъ грѣхѣ своемъ — когда онъ былъ въ союзѣ съ невѣрными и съ помощью половцевъ взялъ у Переяславля городъ Глѣбовъ. Игорь принимаетъ свою бѣду, какъ кару отъ Бога по дѣломъ. Покаяніе возвышаетъ Игоря, и онъ промысломъ Божіимъ чудесно убѣгаетъ изъ плѣна. — Плѣнъ отважнаго князя и удачное бѣгство изъ половецкаго стана возбудили къ Игорю особый интересъ современниковъ.—Въ сказаніи этомъ преобладаетъ духъ дружинный. Главной добродѣтелью Игоря поставлено его желаніе дѣлить участь съ дружиною. На сторонѣ дружины опытность и правда: не даромъ она видѣла худое предзнаменованіе въ случившемся передъ походомъ солнечномъ затменіи. Тысяцкій и конюшій убѣ-

ждаютъ Игоря спастись бѣгствомъ, смиряя его новые гордые или смѣлые замыслы.

Сѣверное повѣтствованіе объ Игоревомъ походѣ отличается обычными свойствами суздальскаго творчества: сухостью, краткостью и наставительнымъ характеромъ. Въ немъ ярко выступаетъ не дружелюбное чувство къ южнымъ князьямъ, предпринявшимъ походъ яко-бы съ гордостью и самоувѣренностью. Сказаніе повторяетъ съ глумленіемъ преждевременную похвальбу князей Ольговичей. Похвальба эта получила живое обращеніе въ средѣ дружинниковъ и отразилась и въ словѣ о Полку Игоревѣ [1]). Въ сказаніи суздальскомъ встрѣчаются нѣкоторыя живыя подробности о походѣ, не встрѣчающіяся въ волынскомъ повѣствованіи, но повторенныя въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Слово о Полку Игоревѣ появилось послѣ этихъ двухъ сказаній и не ранѣе, какъ черезъ три года по возвращеніи Игоря изъ плѣна [2]).

[1]) «*Поидь пойдемъ за Донъ, гдѣ же не ходили ни дѣды наши а возмемъ до конца свою славу и честь*. *а не вѣдуще Божья строенія*. Въ Словѣ: *мужаимся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ*.

[2]) Въ Словѣ» провозглашается слава Владиміру, сыну Игоря уже возвратившемуся изъ плѣна; князь же этотъ три года оставался въ плѣну, гдѣ и женился на дочери хана.

Первое существенное отличіе «Слова» отъ Южнаго сказанія въ томъ, что авторъ не объясняетъ въ духѣ христіанскихъ воззрѣній обстоятельствъ счастливыхъ, а равно и неблагопріятныхъ. Первая побѣда Игоря, потомъ его пораженіе, плѣнъ и бѣгство изъ плѣна—все это передается безъ резонерства и ставится въ связь лишь съ таинственными силами природы.

Событіе воспроизведено бѣгло, размашисто въ образахъ общихъ, эпическихъ. Многія подробности сказаній отсутствуютъ здѣсь: не упоминается даже находившіеся въ плѣну съ Игоремъ его духовникъ, конюшій и тысяцкій. Особый подвигъ князя, когда онъ, раненый, снявъ шлемъ, возвращаетъ союзныхъ ковуевъ на поле битвы, переданъ однимъ намекомъ: Игорь плъки заворочаетъ. Есть даже неправдоподобныя свѣдѣнія, указывающія на нѣкоторую отдаленность автора отъ мѣста дѣйствія. Ясно, что пѣснопѣвецъ Игоря не участникъ его похода.

Участь князя занимаетъ автора болѣе, чѣмъ самое событіе. Основная мысль—прославить походъ на невѣрныхъ и изречь строгій судъ надъ княжеской усобицей, что лежало въ основѣ сужденій о князьяхъ у большинства древнихъ писателей нашихъ, начиная съ повѣстей объ убіеніи Бориса и Глѣба.

Обратимся теперь къ воспѣтому въ «Словѣ» событію, черпая то, что попутно разсказу нашему встрѣтится въ самомъ «Словѣ», и въ сказаніяхъ.

Игорь Святославичь, предпринялъ походъ на половцевъ и двинулся на сѣверо-востокъ, черезъ нынѣшнюю Курскую губернію по направленію къ Воронежской.

Никто изъ сильныхъ князей русскихъ не былъ съ нимъ за одно; онъ шелъ во главѣ ополченія и дорогой набиралъ себѣ въ помощь полки. Въ Рыльскѣ присоединился къ нему племянникъ его, въ Путивлѣ онъ захватилъ своего юнаго сына Владиміра и тамъ же простился съ супругой своею, Ольгою Ярославною, которая долго стояла на городской стѣнѣ, провожая съ причитаньемъ мужа въ страшный походъ, въ невѣдомыя, Половецкія страны. Потомъ подошла новая помощь отъ тестя Игорева, Ярослава. Всѣ полки подвигались тихо по направленію къ Донцу. Тогда случилось, солнечное затменіе, которое описано въ лѣтописи и отмѣчено въ астрономическихъ таблицахъ Западной Европы. Небесныя знаменія наводили страхъ и трепетъ на лѣтописцевъ, видѣвшихъ въ нихъ перстъ Божій, указывающій на послѣднія времена. Міряне, болѣе близкіе къ природѣ, видѣли въ небесныхъ явленіяхъ признаки пря-

маго отношенія къ нимъ тѣхъ силъ природы, въ которыхъ они еще не перестали видѣть боговъ. Затменіе застало Игоря, въ то время, какъ онъ приближался къ Донцу, гдѣ долженъ былъ соединиться съ нимъ братъ его Всеволодъ съ своими курянами.

Игорь и дружина смотрѣли на затменіе и съ ужасомъ видѣли, что солнце безъ лучей стало похоже на мѣсяцъ. Тьма падала на дружину. Игорь посмотрѣлъ на солнце и обратился къ дружинѣ съ вопросомъ: что значитъ это знаменіе? Мужи его поникли головами. «Княже, не къ добру это знаменіе», сказали они ему въ отвѣтъ, но онъ не смутился дурнымъ предвѣщаніемъ. «Какъ знать, онъ сказалъ, на добро или на зло это знаменіе. — Братья и дружино! говоритъ онъ въ сказаніи—никто не знаетъ тайны Божіей. Братья и дружино! говоритъ онъ въ словѣ — л у ч ш е б ы т ь у б и т у, ч ѣ м ъ п л ѣ н е н у. А в с я д е м ъ, б р а т і е, н а с в о и х ъ б о р з ы х ъ к о н е й, д а п о з р и м ъ с и н е г о Д о н у». Игорь сталъ выше суевѣрнаго страха, пошелъ далѣе, дождался брата Всеволода» и р е ч е е м у Б у й т у р ъ В с е в о л о д ъ: е д и н ъ б р а т ъ, е д и н ъ с в ѣ т ъ с в ѣ т л ы й е с и т ы И г о р ю, о б а е с в ѣ С в я т ъ с л а в и ч а. С ѣ д л а й, б р а т е, с в о и б р ъ з ы и к о м о н и, а м о и т и г о т о в и у К у р ь с к а н а п е р е д и...

Такія слова предвѣщаютъ побѣды и подвиги, подвиги и побѣды, а зловѣщія птицы и буря предвѣщаютъ погибель. Вотъ оба брата уже далеко за рубежемъ Русской земли. «Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло! А не было оно для горя порождено; ни соколъ, ни кречетъ не можетъ его обидѣть, ни ты, злой воронъ, поганый половчинъ».

Но вслѣдъ за счастливою битвою происходитъ другая. Новыя предзнаменованія на небѣ: тучи и молнія, какъ въ битвѣ Лиственской [1]) указываютъ на страшную сѣчу:

Быть то грому, дождичку пролиться,
Калеными вылиться стрѣлами.
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ [2]).

Со всѣхъ сторонъ подступаютъ многочисленные враги и упорно держатся наши. Чудеса храбрости дѣлаетъ буй-туръ Всеволодъ: Камо Туръ поскочяше своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкія... Съ зараніа до вечера, съ ве-

[1]) См. выше стр. 68 и 69.

[2]) Всѣ стихотворныя выдержки мы приводимъ здѣсь по переводу Ап. Н. Майкова—лучшему переводу по близости къ подлиннику и безыскусственности выраженій.

чера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя. гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя (булатныя) въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыя.

Бились день, бились другой. Стрѣлки половецкіе не подпускали русскихъ къ водѣ: «наши изнемогли безводьемъ въ знoѣ и въ тугѣ» (сѣверное сказаніе). Въ полѣ безводнѣ они мучались жаждою, зной стянулъ ихъ луки, туга заткнула имъ колчаны т. е. привела въ бездѣйствіе (Плачь Ярославны въ Словѣ). На третій день къ полудню Игорь сдался: «ему жалко стало мила брата Всеволода».

Игорь попалъ въ плѣнъ. Половцы — говоритъ южное сказаніе — съ честью обращались съ нимъ. Приставивъ къ нему 20 сторожей, они дозволяли ему ѣздить на охоту съ ястребомъ. Сторожи прислуживали ему, исполняли его желанія. При немъ находились и свои: духовникъ, сынъ тысяцкаго, конюшій и нѣкоторые другіе изъ Русскихъ. Мужи Игоревы совѣтовали ему бѣжать; онъ долго не хотѣлъ идти этимъ неславнымъ путемъ, но наконецъ рѣшился.

Однажды, когда половцы напились кумыса, и Игоревы люди увѣрили сторожей, что князь спитъ, онъ, позднимъ часомъ, вышелъ изъ шатровъ половецкихъ, пробрался къ рѣкѣ, переплылъ ее, и на другомъ берегу сѣлъ на коня, приготовленнаго ему

Лаворомъ, крещенымъ половчаниномъ, при помощи котораго онъ и предпринялъ бѣгство. Такъ передаетъ южное сказаніе. Слово о Полку Игоревѣ относитъ къ самому Игорю первую мысль о бѣгствѣ: онъ слышитъ призывный голосъ своей Ярославны, и Богъ ему указываетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отцовскому златому столу. Горе-горькою кукушкою, какъ въ народныхъ скорбныхъ причитаніяхъ, жалобно поетъ княгиня, и превратившись птицею ей бы хотѣлось полетѣть на рѣку Каялу—отереть раны мужа на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Она взываетъ къ солнцу, къ вѣтру и къ Днѣпру славутному, и въ ея воззваніяхъ пѣвецъ обрисовываетъ бѣды, терпимыя княземъ и тутъ же воспоминаетъ о послѣднемъ передъ тѣмъ походѣ на половцевъ, походѣ Святослава Ольговича.—Причитанье Ярославны выходитъ изъ рамокъ событія: поэтическіе пріемы захватываютъ вмѣсто Донца и Дунай, и Днѣпръ—имена очевидно связанныя съ иною, быть можетъ, давнею пѣснью. Обращеніе къ свѣтлому солнцу очень близко къ народнымъ заклинаніямъ; въ немъ тепло и благо, разливаемое солнцемъ, противупоставляется убійственному зною въ полѣ безводномъ.

Мольбу Ярославны вмѣсто Днѣпра славутнаго исполняетъ тихоструйный Донецъ, а летѣть къ мужу

птицею она хотѣла бы по Дунаю. Полечу, рече, зезгицею по Дунаеви.

Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Славу-
тичь!
По землѣ прошелъ ты Половецкой,
Пробивалъ ты каменныя горы!
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ...
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
По сырымъ зарямъ на сине море!
Рано-рано ужь она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое, тресвѣтлое ты Солнце,
Ахъ для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Что-жь ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь—гнешь не смоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Воззваніе къ вѣтру—глубокое по чувству мѣсто, съ оттѣнкомъ особой мягкости и мелодичности:

Вѣтръ—вѣтрило! что ты, господине,
Что ты вѣешь? что на легкихъ крыльяхъ

Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
На ковыль траву мое веселье...

Днѣпръ тутъ является не у мѣста, но это не ошибка въ имени, это — настоящій Днѣпръ; онъ названъ славутнымъ, пробившимъ каменныя горы, (Днѣпровскіе пороги) и доносившимъ по волнамъ своимъ русскія лодки для побѣдоносныхъ цѣлей. И вотъ онъ теперь можетъ донести въ свою землю изъ туманной дали плѣннаго князя. Рѣка есть лучшій путь среди невѣдомыхъ полей: она приведетъ отъ пустыннаго низовья къ верховью, въ отечество, въ родной городъ.

Ночное бѣгство по степи и приближеніе утра художественно изображено сочинителемъ:

Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до Малаго Донца. Конь готовъ: Овлуръ (Лаворъ) свиснулъ за рѣкою, велитъ князю разумѣть.

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи
И шатаетъ вежи половецки;
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій.

И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь.
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстрà добра коня садится;
По лугамъ Донца, что волкъ несется;
Что сокòлъ летитъ въ сырыхъ туманахъ...
Что сокòлъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужь лихихъ коней они давно загнали.

Зловѣщія птицы, напѣвшія Игорю столько бѣдъ передъ битвою, теперь молчатъ:

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ.
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ казуютъ...

Путешествіе Игоря по теченію извилистаго Донна, который не разъ надо было переплывать, обрисовано въ разговорѣ князя съ гостепріимною рѣкою

Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь·
«Донче, Донче, ты ли тихоструйный!
И тебѣ да будетъ величанье,
Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,

Зелену траву мнѣ сталъ въ постелю
На своемъ серебряномъ побрежьѣ;
Теплой мглою на меня ты вѣялъ,
Подъ густой, зеленою ракитой;
Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
На струяхъ-вѣтрàхъ—чиркомъ, да чайкой».

Игорь достигъ благополучно Русской земли. Слово о его походѣ оканчивается радостными восклицаніями и воспѣваніемъ славы самому Игорю, его брату и сыну, и старцу Святославу Ольговичу Черниговскому. «Вамъ на здравье, князи и дружина—Христіанъ поборцы на поганыхъ! Слава князьямъ и и дружинѣ! Аминь.

Въ «Словѣ» есть замѣчательныя отдѣльныя части, какъ напримѣръ вѣщій сонъ старика Святослава, его воззваніе къ разнымъ князьямъ русскимъ и наконецъ обращеніе пѣвца къ былымъ временамъ.

Событіе этого похода совпало съ затменіемъ солнца. По народнымъ языческимъ вѣрованіямъ это знаменіе было не къ добру. Походъ не удался, и слѣдственно для него то и было затменіе. Всколыхнулись глубокія языческія, стародавнія вѣрованія, ожилъ Дивъ, кличущій на верху дерева, пронеслась дѣва—Обида съ лебедиными крылами, и грамотный сочинитель, находясь подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣро-

ваній, признаетъ себя и Русичей племенемъ Дажьбога (дажьбожи внуци). Все это сдѣлалось у него просто, безъ враждебности къ христіанству,—при непосредственномъ вліяніи стародавнихъ образовъ, въ отголоскѣ «старыхъ Словесъ». Раздѣляя суевѣрный страхъ дружины во время солнечнаго затменія, онъ чувствовалъ свое сродство съ окружающею таинственною природою, языкъ которой разгадывали вѣщіе старцы, слагавшіе пѣсни о Стрибогѣ и Вѣтрахъ — его внукахъ, о великомъ Хорсѣ, а сами себя называвшіе внуками Велеса.

Сочувствіе къ подвигу храбраго князя граничитъ съ негодованіемъ на князей, не подавшихъ ему руку помощи. Подобно лѣтописцамъ, сочинитель Слова негодуетъ на усобицы княжескія, но вмѣсто воспоминанія о христіанскихъ добродѣтеляхъ только св. братьевъ Бориса и Глѣба, онъ широко захватываетъ событія недавняго прошлаго.

Преданія о князьяхъ живы въ его памяти, и онъ не даромъ хочетъ начать свою пѣсню «отъ стараго Владиміра, до нынѣшняго Игоря». Онъ помнитъ пѣсни Бояна о первыхъ Владиміровичахъ *); мѣткимъ словомъ онъ напоминаетъ о Мономахѣ **), останавли-

*) *Боянъ бо вѣщій помняшеть первыхъ временъ усобицъ.... пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу иже зарѣза Редедю предъ пълки косожьскими...*

**) *Владиміръ уши закладаше*—затыкалъ уши, чтобы не слышать звона, призывавшаго на крамольную, междоусобную войну.

вается на Всеславѣ Полоцкомъ — и наконецъ на Олегѣ Черниговскомъ, при которомъ «въ княжихъ крамолахъ погибала жизнь русскихъ людей». Вотъ выдержки изъ мѣста о Всеславѣ Полоцкомъ:

Любъ ему былъ Кіевъ, что дѣвица:
О него онъ жеребій и кинулъ,
Перегнулся на сѣдлѣ, помчался,
Да лишь древкомъ копія доткнулся
До его престола золотого!
Въ ночь утекъ оттуда лютымъ звѣремъ,
Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
Утромъ билъ ужь стѣны въ Новѣградѣ,
Ярослава славу порушая...
Князь Всеславъ суды судилъ княжіе,
Раздавалъ князьямъ столы и грады,
По ночамъ же рыскалъ сѣрымъ волкомъ,
Поспѣвалъ въ Тмуторакань къ разсвѣту.
Ясну солнцу путь перебѣгая

. . . .

А хоть былъ и съ вѣщею душою,
Хоть умѣлъ обертываться звѣремъ,
Всё жь бѣды терпѣлъ таки не мало!
Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
Будь хитеръ—горяздъ, вертись хоть птицей,
Всё суда ты Божьяго не минешь!

Современные сочинителю князья: Смоленскіе, Волынскіе, Луцкіе, Полоцкіе очерчены мастерскою кистью такъ, что видишь ихъ политику и характеръ. Изо всѣхъ князей, по силѣ и могучести, выдаются двое: на сѣверѣ Всеволодъ — Большое гнѣздо, крѣпко усѣвшійся въ своемъ Суздалѣ, — на югѣ Ярославъ Остромыслъ Галицкій. Первый «могъ бы Волгу веслами раскропить и Донъ шеломами вычерпать», второй «высоко сидитъ на своемъ златокованномъ престолѣ, подперъ горы Угорскія (Карпаты) своими желѣзными полками. Онъ рядитъ суды до Дуная; грозы его по землямъ текутъ...

Отъ усобицъ княжьихъ — гибель Руси! восклицаетъ пѣвецъ, разумѣвшій политическое безсиліе разъединенныхъ Русскихъ земель—

Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ отъ малыхъ словъ заводятъ.
На себя куютъ крамолу сами...
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе.

Поэтическіе пріемы въ описаніи несчастливыхъ битвъ замѣчательны по красотѣ своей и вмѣстѣ съ тѣмъ по сродству съ народными жалостливыми пѣснями, гдѣ битва представляется то кровавымъ свадебнымъ пиромъ, — при чемъ враги оказываются

сватами, смерть невѣстою, русскіе воины женихами, то жатвою или молотьбою.

Ужь у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Напоили сватовъ и костями
Полегли за отческую землю.
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились.

Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ.
Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ—мечами!
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу.
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла.
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями.

Трогательно говоритъ пѣвецъ о кончинѣ Городенскаго князя Изяслава, умершаго на полѣ сраженія, вдали отъ близкихъ. Изрубленный, лежа на травѣ кровавой, этотъ князь съ истиннымъ великодушіемъ принимаетъ на себя всю вину неудачи и говоритъ самому себѣ:

«Вороньими крылами
Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину
Полизать звѣрямъ ея далъ крови»!

Вложивъ это горькое и честное сознаніе въ уста самому князю, пѣвецъ тѣмъ съ большею теплотою говоритъ о его смерти:

И одинъ, безъ брата Брячислава,
Безъ другаго Всеволода брата,
Изронилъ жемчужную онъ душу,
Изронилъ одинъ, изъ храбра тѣла,
Сквозь свое златое ожерелье...
И поникло въ отчинѣ веселье,
Въ Городнѣ трубятъ печально трубы».

Обращаясь къ совершившимся за полъ-вѣка назадъ событіямъ, пѣвецъ Игоря съ укоромъ говоритъ о рѣкѣ Стугнѣ, которая разлилась, затопила кусты, пожрала ручьи чужіе и на своихъ недобрыхъ волнахъ унесла юношу князя, Ростислава, брата Мономахова:

Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ,
Пріуныли съ жалости цвѣточки,
Дерева съ печали приклонились.

Плачущія деревья, степная шумящая трава, тростникъ по сыпучимъ серебрянымъ берегамъ тихоструйныхъ рѣкъ переносятъ насъ въ Словѣ о Полку

Игоревѣ въ южно-русскія степи, и самая степь видится намъ съ своею безбрежною далью. Клектъ орлиный, щекотъ соловья, тектъ дятловъ, черные вороны, говорливыя галки, ясные соколы и быстрые кречеты; стрекотъ сороки, шумъ отъ распущенныхъ по воздуху крыльевъ лебедей и плескъ ихъ по волнамъ,—все это отпечатлѣлось въ Словѣ.

Наше Слово о Полку Игоревѣ отличается отъ произведеній западно-европейской поэзіи того же времени своею свѣжестью и первобытною близостью къ природѣ. По глубинѣ чувства оно можетъ стать наравнѣ съ знаменитою южно-французскою пѣснью о Роландѣ и уступить этой самой пѣснѣ въ отчетливомъ наглядномъ изображеніи личностей и самого дѣйствія. Слово о Полку Игоревѣ нѣсколько туманно представляетъ всѣ лица, и отчетливы въ немъ только изображенія природы. Самыя битвы очерчены какъ бы съ высоты птичьяго полета и не съ тѣми живыми частностями, съ которыми изображены битвы хотя бы въ пѣснѣ о Роландѣ.

Міръ, открывающійся передъ нами въ Словѣ о Полку Игоревѣ, можно передать только музыкой, а не барельефомъ и не картиною. Мы не видимъ ни князя, ни его обстановки, ни княгини, ни дружинниковъ, ни духовника, ни конюшаго, ни даже сопутствующаго Игорю сына его, Владиміра.

Золотой шеломъ Всеволода, да красные щиты дружины, да бобровый рукавъ княгини—вотъ единственныя краски, оживляющія блѣдные человѣческіе образы *). За то степь, полночь и тишина («ночь меркнетъ заря—свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ соловьиный умолкъ, говоръ галокъ утихъ»). гроза и буря, и затменіе солнца—очерчены съ высокою художественностью.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ сполна выразилась не бытовая сторона русской жизни, а политическая.

Въ сильномъ броженіи находилась Русь въ тѣ времена. Княжескія дружины искрещивали всю землю нашу и тѣмъ сближали между собою всѣ русскія племена. Вырабатывалось русское сознаніе въ то время, какъ дружины, наполняясь пришельцами изъ разныхъ угловъ Руси, свободно переходили отъ одного княжескаго знамени къ другому.

Эта великая внутренняя война отразилась въ Словѣ о Полку Игоревѣ въ негодованіи сочинителя на усобицы и въ его воззваніи къ князьямъ, когда онъ проситъ ихъ встать за обиду земли Русской, «за раны Игоря буего Святославича» и идти

*) Упоминаніе добычи: чръвленъ стягъ, бѣла хорюгвь, сребреное стружіе храброму Святославичю, доставшейся Игорю, есть общее мѣсто, какъ въ былинахъ копье булатное.

на враговъ общаго отечества. Борьба съ кочевыми народами, то и дѣло наплывавшими къ намъ изъ дальняго Востока, была вторымъ, послѣ междоусобной борьбы, явленіемъ того времени. Встрѣча русскихъ дружинъ съ кочевниками прекрасно изображена въ Словѣ, проникнутымъ сочувствіемъ къ борьбѣ съ варварскими и нехристіанскими народами. Этимъ мѣстомъ намъ лучше всего заключить нашу бесѣду о единственномъ, уцѣлѣвшемъ въ письменности, памятникѣ нашей дружинной поэзіи до-монгольской поры:

Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ
И отъ Дона и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду.
Отовсюду бѣсово изчадье
Понеслося съ гиканьемъ и крикомъ;
Молча Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Судьба слова о полку Игоревѣ въ литературѣ нашей.—Хожденіе въ святую землю Даніила паломника. Заключеніе о до-монгольскомъ періодѣ.

Добавленіе: О подлинныхъ памятникахъ письменности и искусства, уцѣлѣвшихъ отъ до-монгольскаго времени.

Слово о полку Игоревѣ было открыто въ 1795 году въ рукописномъ сборникѣ XVI-го столѣтія, пріобрѣтеннымъ вмѣстѣ со многими другими старинными книгами графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ — въ Москвѣ. На рубежѣ столѣтія, въ 1800 году, оно было издано, но самая рукопись сгорѣла вмѣстѣ съ библіотекою и домомъ графа въ 1812 году. Списокъ съ рукописи, сдѣланный до изданія, нашелся потомъ въ бумагахъ императрицы Екатерины II-ой. Въ теченіи цѣлаго XIX-го столѣтія этотъ рѣдчайшій памятникъ словесности XII-го вѣка былъ много разъ издаваемъ и изслѣдованъ цѣлымъ рядомъ ученыхъ русскихъ и славянскихъ, нѣсколько разъ переведенъ въ стихахъ и прозѣ на современный русскій, на польскій, чешскій, французскій, нѣмецкій и другіе языки.

«Слово» сохранилось всего только въ одномъ спискѣ, изъ чего ясно, что оно не было въ ходу, не было излюбленнымъ чтеніемъ русскихъ грамотниковъ. Не такова была судьба другого, старѣйшаго памятника XII-го вѣка, о которомъ мы пока еще не упоминали. Это произведеніе начала XII-го столѣтія (послѣ 1115 года), дошедшее до насъ въ 70 спискахъ подъ преимущественнымъ названіемъ: Хожденіе Даніила игумена. Оно въ спискахъ называется также «Странникъ» и «Паломникъ Даніила Русскія земли игумена», «Сказаніе Даніила игумена» и т. д.

Игуменъ неизвѣстнаго русскаго монастыря Даніилъ, въ концѣ XI-го столѣтія, въ годы княженія въ Кіевѣ Святополка-Михаила, путешествовалъ въ Святую землю. Онъ путешествовалъ не одинъ: его сопровождало нѣсколько русскихъ паломниковъ — своего рода дружина, какъ онъ и называетъ своихъ спутниковъ.—Въ Константинополѣ Даніилъ прожилъ довольно долго, приготовляясь къ путешествію въ Палестину. Трудность его путешествія обусловливалась еще и тѣмъ, что въ то время въ Святой землѣ проходила борьба крестоносцевъ съ мусульманами.

Даніилъ былъ извѣстенъ королю Балдуину I, мѣсто пребываніе котораго было тогда въ Іеруса-

лимѣ, и онъ воспользовался походомъ короля въ Дамаскъ (1115 г.) для обозрѣнія святыхъ мѣстъ Галилеи подъ охраной крестоносцевъ. Въ Іерусалимѣ Даніилъ пробылъ шестнадцать мѣсяцевъ въ лаврѣ св. Саввы, совершая болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки по окрестностямъ. Пребываніе же его въ Палестинѣ продолжалось болѣе двухъ лѣтъ. Онъ видимо употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы собрать самыя подробныя свѣдѣнія.

«И что у меня было моего скуднаго добыточка, я давалъ изъ этого людямъ, хорошо знающимъ всѣ святыя мѣста въ городѣ и внѣ города, чтобы все мнѣ хорошо указали—такъ это и было. И далъ мнѣ Богъ найти мужа святого ветхаго деньми и весьма книжнаго. И этому святому мужу Богъ вложилъ въ сердце полюбить меня худого, и онъ хорошо указалъ мнѣ всѣ тѣ святыя мѣста и въ Іерусалимѣ и всей той землѣ». И дѣйствительно указанія паломника нашего весьма обильны и точны. Описаніе Даніилово имѣетъ большое значеніе для исторической топографіи и палестинской археологіи. Не только наши, но и западные ученые, хорошо знакомые съ «Хожденіемъ» Даніила въ переводахъ, ставятъ его высоко въ ряду древнихъ писателей—паломниковъ.

Се азъ недостойный игуменъ Даніилъ

Русскія земли—восхотѣвъ видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную Богомъ Аврааму—такъ начинается повѣствованіе; и чѣмъ далѣе, тѣмъ теплѣе, говорится въ немъ о счастіи посѣтить мѣста, гдѣ Христосъ Богъ нашъ походи своима ногама. Онъ, недостойный, рѣшается писать о семъ не для похвалы, а лишь вслѣдствіе страха быть осужденнымъ подобно лѣнивому рабу, скрывшему талантъ въ землю. И такимъ искреннимъ смиреніемъ съ одной стороны и духовнымъ восторгомъ передъ святынями—съ другой проникнуто это простодушное повѣствованіе, складомъ своимъ напоминающее сказаніе о началѣ Печерской обители. Какъ образчикъ изложенія возьмемъ для примѣра то любопытнѣйшее мѣсто, гдѣ Даніилъ обращается къ королю Балдуину и приноситъ ко гробу Господню свою лампаду отъ лица всей Русской земли.

«Я, худой, пошелъ въ пятницу великую, въ 1 часъ дня, ко князя Балдвину и поклонился ему до земли. Онъ же, видя меня кланяющагося, призвалъ меня къ себѣ съ любовію и сказалъ мнѣ: чего хощеши, игумене Руский? Позналъ онъ меня хорошо и любилъ меня много. Я-же отвѣчалъ ему: господине княже, молюсь тебѣ, Бога ради и для князей русскихъ хотѣлъ и я поставить кандило (лампаду)

надъ гробомъ Господнимъ за всѣхъ князей нашихъ и за всю землю Русскую, за всѣхъ христіанъ Русской земли. И тогда-же князь повелѣлъ мнѣ поставить кандило и съ радостію послалъ ко мнѣ мужа своего лучшаго къ иконому святаго Воскресенія и къ тому, кто держитъ гробъ Господень. Повелѣли мнѣ оба, икономъ и ключарь гроба Господня, принести кандило свое съ масломъ. Я поклонился имъ съ радостію великою и, пойдя на торгъ, купилъ кандило стеклянное великое и налилъ масла деревяннаго чистаго безъ воды и принесъ ко гробу Господню, когда уже былъ вечеръ. И умолилъ я ключаря того, и онъ отворилъ мнѣ двери гроба Господня и повелѣлъ мнѣ выступити изъ калигъ и введе мя босаго въ гробъ Господень—и поставихъ своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа—и облобызалъ я съ любовію и со слезами мѣсто то святое и честное, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего.... И вышли мы изъ гроба святого съ радостью великою и пошли каждый въ свою келью».

У Даніила паломника подобно, какъ у автора слова о полку Игоревѣ, ярко выражено сознаніе единства Русской земли. Передъ гробомъ Господнимъ онъ ставитъ «кандило» за Русскую землю;

кіевскаго князя онъ не называетъ Кіевскимъ, а просто Русскимъ княземъ. На вѣчное поминовеніе онъ вписываетъ 10 именъ тогдашнихъ удѣльныхъ князей; первымъ Святополка — Михаила, вторымъ тогда еще княжившаго въ Переяславлѣ, Владиміра — Василія (Мономаха). Остальныя имена князей принадлежатъ Черниговскимъ и Волынскимъ, далѣе поминается сынъ Мономаховъ, Мстиславъ и три сына Всеслава Полоцкаго. Изъ этого безпристрастнаго и преданнаго отношенія къ своимъ русскимъ князьямъ—не видно къ какому городу и къ какому удѣлу причислялъ самого себя Даніилъ.

«Хожденіе Даніила» не есть путешествіе въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Читатель не находитъ у него свѣдѣній объ особенностяхъ природы, о политическомъ положеніи видѣнныхъ земель, о бытѣ и правахъ населенія; все вниманіе писателя поглощено разсказомъ о томъ, какъ добраться до Святой земли и затѣмъ обстоятельнымъ описаніемъ самыхъ святынь. При каждой мѣстности онъ вспоминаетъ библейскую и евангельскую исторію, которую знаетъ съ большими подробностями, обильно дополняя ее легендою и апокрифическими сказаніями [1]). Свои апокрифиче-

[1]) Апокрифомъ принято называть религіозное измышленіе, не подкрѣпленное авторитетомъ церкви, не признанное ею за истину.

скія познанія Даніилъ развивалъ и подкрѣплялъ на самыхъ мѣстахъ. Такъ, о главѣ Адама онъ повторяетъ легенду извѣстную всему христіанскому міру. Онъ различаетъ въ Iерусалимѣ и Палестинѣ множество мѣстъ, ознаменованныхъ событіями ветхозавѣтными. О дѣтствѣ Христа и Пресвятой Богородицѣ онъ передаетъ подробности изъ апокрифическаго евангелія Iакова, объ Iорданѣ рѣкѣ передаетъ чудеса, по его словамъ, и по нынѣ совершающіяся—и особенно подробно разсказываетъ о свѣтѣ святѣмъ како сходитъ съ небесе къ гробу Господню.

Значеніе «Хожденія Даніилова» въ русской литературѣ тѣмъ велико, что въ его духѣ и въ его направленіи писались и потомъ путешествія по святымъ мѣстамъ—сперва Палестины, а потомъ Царяграда до взятія его турками. Все мірское ускользало отъ нашихъ паломниковъ: живя въ атмосферѣ религіозныхъ представленій, они видѣли только однѣ святыни.

Въ половинѣ XII вѣка встрѣчается запись о томъ, какъ изъ Новагорода отправилось въ Святую землю сорокъ каликъ (народное названіе паломниковъ). Это число (сорокъ) легло въ основу народной былины о сорока каликахъ—цѣлой дружинѣ—подъ водительствомъ калики богатыря, старчища

Пилигримчица. По несомнѣннымъ письменнымъ свидѣтельствамъ на Руси развилось паломничество еще ранѣе, и Даніилъ уже предостерегаетъ тѣхъ, которые ходятъ въ странствіе возносясь умомъ. Пѣсни каликъ - перехожихъ указываютъ на строгія заповѣди благочестія, которыя должны были соблюдать поклонники въ пути, когда идутъ ко городу Іеурсалиму.

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися.

Въ содержаніе народныхъ пѣсенъ каликъ-перехожихъ входитъ апокрифическая легенда, и такимъ образомъ устанавливается особое религіозное міросозерцаніе народнаго эпоса.

Въ вѣкъ Даніила, на рубежѣ XII и XIII столѣтій, архіепископъ Новогородскій Антоній, въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ, странствовалъ въ Царь-градъ и оставилъ описаніе его святынь. Разсказъ довольно сухъ, какъ всѣ Новогородскія лѣтописи, и также состоитъ въ перечисленіи чудесныхъ предметовъ, которыми были наполнены храмы византійской столицы. Въ послѣдующіе вѣка появились новыя хожденія — и шли онѣ одно за другимъ, все

въ томъ же духѣ и характерѣ, до XVIII-го столѣтія.

Мы ознакомились съ богатымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ до-монгольскою эпохою послѣдующимъ вѣкамъ. Русь московская переписывала завѣты до-монгольскаго періода и тѣмъ сохранила въ себѣ силы къ возрожденію, которое не скоро настало. Но это еще не все, что дали намъ три столѣтія до монгольской поры: тогда же расцвѣлъ героическій эпосъ—кругъ былинъ о богатыряхъ свято-русскихъ.

Первыя начала народной поэзіи теряются въ до-историческомъ времени; еще до принятія христіанства народъ нашъ прошелъ нѣкоторую степень духовнаго развитія и подготовился къ усвоенію себѣ высокихъ идей христіанства. Однакоже идеалы его получили свою окраску въ кіевской Руси, въ эпоху принятія и распространенія христіанской вѣры и преимущественно въ двѣнадцатомъ столѣтіи.

Кіевъ съ своими церквами и теремами, съ своимъ большимъ населеніемъ, среди котораго было много иноземцевъ съ востока и запада, со своимъ золотымъ столомъ, притягивавшимъ къ себѣ всю жизнь добивавшихся сѣсть на него князей, долженъ былъ производить на весь народъ особое впечатлѣніе. Славному Кіеву соотвѣтствовалъ

образъ свѣтлаго князя, непобѣдимаго на войнѣ, ласковаго и радушнаго дома, пирующаго среди богатырей дружинниковъ, въ золотой гридницѣ. Богатырскій эпосъ развился и сталъ жить цѣлые вѣка въ народѣ: онъ смѣнилъ прежнія имена на новыя, захватилъ событія московскихъ временъ, но основа его осталась кіевская, до-монгольская. Намъ приходилось нѣсколько разъ отмѣчать какъ у насъ народная устная поэзія отражала въ себѣ событія и литературныя явленія.

Прошло два десятилѣтія тринадцатаго вѣка.

Богатѣла русская земля то и дѣло возникавшими городами, украшалась храмами построенными и дивно изукрашенными, и византійскими и нѣмецкими, а потомъ и своими мастерами. Просвѣщеніе шло впередъ—умножились училища, князья знали по-гречески, а отецъ мономаха Всеволодъ изучилъ пять языковъ; княгини вели переписку съ духовными лицами и устроивали монастыри. *) Въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ проживали купцы нѣмецкіе, венеціанскіе; развивалась торговля съ востокомъ и западомъ, а съ нею и роскошь въ одеждѣ. Шлемъ съ золотымъ изображеніемъ украшалъ голову

*) Основательницы женскихъ иноческихъ обителей: Янка, сестра Владиміра Мономаха и Предслава, внука Всеслава Полоцкаго—святая Евфросинія Полоцкая.

князя и дошедшія до насъ вещи: запястья, браслеты и литыя фигурныя запоны и пуговицы и самый рукавъ бобровый, упомянутый въ плачѣ Ярославны, даютъ представленіе и объ одеждѣ княгини.

Арабскіе и нѣмецкіе путешественники описывали Кіевъ. Поэзія скандинавская и нѣмецкая XII-го го вѣка упоминаетъ о русскомъ *рыцарѣ* и о кіевлянахъ. — Государственный строй крѣпнетъ на сѣверѣ — въ Суздальской землѣ, а Галичъ усиливается на югѣ. Половцы слабѣютъ и готовы исчезнуть, подобно прежнимъ печенѣгамъ, — какъ вдругъ страхъ овладѣваетъ лѣтописцами: новые невѣдомые враги показались! Силы богатырскія пошли къ нимъ на встрѣчу, не вѣдая о ихъ многочисленности...

Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ она не разступится?

поетъ народная былевая пѣснь о страшномъ татарскомъ нашествіи, причемъ изображаетъ это нашествіе тучею чернымъ—черною, тьмою, помрачившею и солнце и мѣсяцъ.

Всѣ произведенія нашей литературы первыхъ временъ, о которыхъ мы вели рѣчь, дошли до насъ не въ *подлинникахъ*, а въ *спискахъ* позднѣйшихъ столѣтій, но уцѣлѣли однакоже и подлинныя письмена XI и XII-го столѣтій. Ихъ немного: но онѣ важны какъ непреложныя свидѣтельства того, о чемъ говорятъ списки, а равно и какъ памятники образованности древней Руси и образцики письма и языка своего времени.

Въ С.-Петербургѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ, хранится рукопись 1057 года—**Остроміроро Евангеліе** книга евангельскихъ чтеній, расположенныхъ согласно съ церковнымъ употребленіемъ по днямъ недѣли и праздникамъ. Оно написано было для Новогородскаго посадника Остроміра діакономъ Григоріемъ, какъ видно изъ подробной записи. Письмо изящное, крупное (уставъ) матеріалъ — пергаменъ. Для изученія древняго славянскаго языка, какимъ онъ былъ у насъ въ употребленіи въ одинадцатомъ столѣтіи, эта рукопись имѣетъ основное значеніе.

Отъ того же столѣтія сохранился, прекрасно писанный, пергаменный **Сборникъ Святославовъ**, 1073 года, съ рисункомъ, изображающимъ семейство князя Святослава Ярославича, внука св. Владиміра. Эта драгоцѣнная рукопись хранится въ Москвѣ въ Синодальной, бывшей патріаршей, библіотекѣ. Другой подобный **Сборникъ Святослава (князя Русскы земля)**, также написанный при Святославѣ, 1076 года, хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Содержаніе обоихъ сборниковъ составляютъ статьи богословскаго содержанія, извлеченныя изъ твореній отцевъ церкви.

Отъ XII-го столѣтія осталось уже гораздо болѣе подлинныхъ рукописей. Изъ нихъ первое мѣсто принадле-

житъ **Мстиславову Евангелію** 1117 года, хранящемуся въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ

На немъ есть запись тіуна Наслава о томъ, что Наславъ возилъ эту книгу въ Царьградъ для того, чтобы тамъ облечь её въ переплетъ, украшенный серебромъ, золотомъ и дорогими камнями. Переплетъ этотъ сохранился.

Затѣмъ тамъ-же въ Синодальной библіотекѣ находится **Юрьевское Евангеліе**, писанное для Юрьевскаго въ Новѣгородѣ монастыря, и наконецъ **Туровское** Евангеліе, сберегаемое въ Вильнѣ. Всѣ эти евангелія, подобно Остромірову, расположены по церковному порядку чтеній. Но въ Синодальной библіотекѣ есть еще **Евангеліе 1114 года**, расположенное и по евангелистамъ, т. е. четверо-евангеліе.

Въ разныхъ книгохранилищахъ находятся еще и другія рукописи XII-го столѣтія, преимущественно богослужебнаго содержанія, какъ-то: псалтири съ толкованіемъ, кондакари, стихирари, цѣлые сборники поученій отцевъ церкви и отрывковъ изъ оныхъ. Всѣхъ рукописей XII вѣка извѣстныхъ въ наукѣ съ небольшимъ шестьдесятъ.

Къ этому остатку подлинниковъ древней письменности XII-го вѣка надо прибавить пергаменную **грамоту** великаго князя Мстислава **1130 г.**, хранящуюся въ Юрьевскомъ монастырѣ близь Новагорода. При ней сохранилась печать на одной сторонѣ ея ликъ Спасителя съ буквами Іс, на другой—изображеніе Михаила Архангела. Въ Хутынскомъ монастырѣ сбереглась подобная же **грамота 1192 года**.

Сохранились отъ древняго времени и **надписи** на предметахъ Изъ нихъ самыя древнія—на монетахъ св. Владиміра и Ярослава. Подъ именемъ князя повторяется *«на столѣ»*—*и «се его срѣбро»*, а на Ярославовыхъ монетахъ—изображеніе св. Георгія (христіанское имя Ярослава) и надпись: *«ярославле серебо»*.

Въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ, можно видѣть княжескій **шлемъ** съ надписью вокругъ лика архистратига

Михаила: «*великыи архистратиже бй* (божій) *Михаиле, помози рабу своему Өео* (дору). Этотъ шлемъ принадлежалъ великому князю Ярославу—Өеодору, [1]) и былъ найденъ на полѣ Лиственской битвы, близь города Юрьева Польскаго Владимірской губерніи.

Въ Имп. Эрмитажѣ можно видѣть серебрянную позолоченную **чару** князя Владиміра Давыдовича Черниговскаго (умершаго въ 1151 году) [2]), съ надписью: «*а се чаrа кня володимерова давыдовча, кто из нее нь* (пьетъ) *тому на здоровье а хваля бога своего господаря великого кня*(*зя*).

Тамъ-же можно видѣть нѣсколько золотыхъ **гривенъ** (медальоновъ) съ ушками съ изображеніями и надписями. Одна изъ нихъ съ чеканнымъ древне-русскимъ письмомъ. Это такъ называемая *Черниговская гривна* съ надписью *Ги помози рабоу своему василію, аминь.* Имя Василія было христіанское имя Владиміра Мономаха: найдена гривна въ Черниговѣ, гдѣ онъ былъ княземъ до 1095 года. Остальныя гривны имѣютъ греческія надписи и несомнѣнно византійскаго издѣлія.

Въ Имп. Эрмитажѣ хранится **Тмутораканскій камень** съ записью на немъ объ измѣреніи княземъ Глѣбомъ [3]) моря по льду черезъ Керченскій проливъ отъ Тмутороканп до Корчева (Керчи) съ годомъ 6576-й (по нашему 1068). Длина пути (14,000 саженъ) показана вѣрно.

Въ Тверскомъ музеѣ хранится **каменный крестъ 1133** года съ надписью. Онъ найденъ близь истоковъ Волги: надписа съ годомъ и числомъ: *почахъ рыти рѣку сю азъ Иванко Павловицъ и крестъ поставихъ.*

При раскопкахъ древнихъ церквей найдены многія надписи XII-го вѣка на столбахъ церковныхъ и на кускахъ штукатурки.

[1]) Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ сынъ Всеволода по прозванію Большое гнѣздо, отецъ Александра Невскаго.

[2]) Князь этотъ былъ внукъ в. к. Святослава Ярославича; братъ Николы Святоши.

[3]) Князь Глѣбъ сынъ в. к. Святослава, внукъ Ярослава Мудраго—дважды княжилъ въ Тмуторакани.

Но особенно отчетливо сохранились надписи въ храмахъ, при иконныхъ изображеніяхъ. Въ Кіевѣ, въ церкви Михайловскаго Златоверхова монастыря надъ изображеніемъ тайной вечери черною мозаикою набраны тексты: *пріимите и ядите се есть тѣло мое....* до конца изреченія —и также полное: *пійте отъ нея вьси....* На фрескахъ надписи славянскія и славянско-греческія, на мозаикѣ Софійскаго собора въ Кіевѣ преимущественно греческія.

Отъ XII-го столѣтія сохранились записи на архіерейской шапочкѣ, на антиминсѣ [1]).

Теперь перейдемъ къ искусству. **Мозаическія изображенія** въ Кіево-Софійскомъ соборѣ потребовали бы цѣлой главы о ихъ богатомъ содержаніи, но такъ какъ описаніе ихъ не можетъ входить въ нашу задачу, то скажемъ только, что это лучшій памятникъ искусства, оставшійся въ землѣ нашей отъ перваго столѣтія русскаго христіанства. Въ Новогородскомъ Софійскомъ соборѣ также есть остатки византійской мозаики, но не столь богатыя. **Фрески** XII-го вѣка открыты въ большемъ количествѣ въ куполахъ и стѣнахъ Софійскаго собора въ Кіевѣ и тамъ же въ Кирилловской церкви. Затѣмъ въ Новѣгородѣ въ Спасо-Нередицкой церкви, въ Старой Ладогѣ,—въ церкви св. Георгія, во храмѣ Мирожскаго монастыря во Псковѣ, мы изучаемъ подлинныя иконописныя изображенія XII-го вѣка и читаемъ на нихъ современныя имъ надписи.

Отъ иконописи перейдемъ къ архитектурѣ. Два упомянутыхъ Софійскихъ собора, церковь Нередицкая и нѣкоторыя другія въ Новѣгородѣ и Псковѣ, въ Старой Ладогѣ и наконецъ соборъ Дмитріевскій во Владимірѣ на Клязьмѣ несомнѣнной постройки XI—XII-го столѣтій. Оба

[1]) Шапочка Новогородскаго архіепископа Никиты съ нашитыми крестами и серафимыми. Антиминсъ хранящійся въ Александро-Невской Лаврѣ изъ Новогорода—съ надписью 6657 (1149) г. *при князи Георіи сноу Мономаховоу.*

Софійскіе собора строены греками. Дмитріевскій—нѣмецкими мастерами. Съ наружной стороны Дмитріевскаго собора, отъ половины до самаго верху нѣтъ камня, на которомъ бы не было нарѣзано изображеній ангеловъ, людей, львовъ, птицъ, грифоновъ. Внутри храма сохранилась стѣнная живопись al fresco, изображающая сонмы святыхъ и ангеловъ. Въ кіевскомъ Софійскомъ храмѣ уцѣлѣла мраморная гробница Ярослава, храмоздателя—безъ надписей, но съ рельефными изображеніями крестовъ, узоровъ и символическихъ *рыбъ*.

Новогородскій Софійскій соборъ и до сихъ поръ украшается двумя литыми изъ бронзы воротами, однѣ изъ нихъ, литыя въ Магдебургѣ, изобилуютъ изображеніями, другія византійскаго дѣла даютъ только узоры и кресты. Названія Корсунскихъ и Сигтунскихъ издревле принадлежатъ воротамъ, но преданіе ошибочно называетъ Корсунскія Сигтунскими и наоборотъ. Эти оба памятника свидѣтельствуютъ о сношеніяхъ, и съ Западомъ, и съ Византіей.

Во второй половинѣ истекающаго столѣтія, при раскопкахъ кургановъ и перестройкахъ зданій, найдено весьма много предметовъ, относящихся къ эпохѣ не позже XII-го столѣтія. Это—золотые и эмальированныя художественныя произведенія лучшей византійской эпохи и тутъ-же русская имитація ихъ. Нагрудные кресты, иконы, медальены (змѣевики), гривны витыя шейныя, браслеты, бусы, вѣнцы и другія головныя украшенія, серьги самыя разнообразныя, пояса, пряжки, обручи, ожерелья, перстни, пуговицы съ изображеніями, наконецъ сосуды, какъ напр. турій рогъ для питья, отдѣланный въ серебро (въ былинахъ подносятъ богатырю турій рогъ—меду сладкаго) и многое другое. Нижняя часть Мономаховой шапки (вѣнецъ), въ послѣдствіи передѣланной въ Москвѣ признается наукою за художественное произведеніе византійскихъ мастеровъ XI—XII вѣка и ставится въ связь съ украшеніями Мстиславова Евангелія [1]).

[1]) Русскія Древности въ памятникахъ искусства Изд. гр. Толстымъ и Кондаковымъ. Выпускъ пятый, съ 225-ю рисунками въ текстѣ.

II.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ

СРЕДНЯГО ПЕРІОДА.

Лѣтопись о нашествіи. Сказанія. Взглядъ на нашествіе. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ. Примирительное отношеніе къ татарамъ; пѣсня о женкѣ Рязаночкѣ.

Возникновеніе монастырей на сѣверѣ Россіи.—Житія игуменовъ-основателей.—Переводная литература и сборники. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ и повѣсти.

По грѣхомъ нашимъ пріидоша языцы незнаеми, ихъ же добрѣ никто же вѣсть— кто суть и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племене суть, и что вѣра ихъ, а зовуть я Татары—такъ говоритъ одинъ изъ лѣтописцевъ. Другой, приступая къ описанію осады и взятія Батыемъ Кіева, передаетъ слѣдующимъ образомъ свое впечатлѣніе: Не бѣ слышати во градѣ другъ къ другу глаголюща во скрипѣніи телегъ его и во множествѣ ревенія вельблудъ его и отъ ржанія стадъ коней его, и бѣ исполнена Русская земля ратныхъ. Ужасъ овладѣлъ и За-

падною Европою, и тамъ разсказывали о татарахъ, что войско ихъ занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину, что огромные табуны лошадей слѣдуютъ за ними; сами они вышли изъ ада и потому наружностью не похожи на другихъ людей. Наши книжники разсуждали, что это должно быть тѣ люди, которыхъ загналъ древній Гедеонъ въ пустыню, и что о ихъ новомъ пришествіи пророчествовали святые отцы.

Новые завоеватели не были похожи на кочевниковъ-половцевъ. Ихъ не удивили стройныя дружины княжескія; они сами имѣли хорошее военное устройство, были мѣткіе стрѣлки, и опытны въ дѣлѣ осады городовъ. Сверхъ того русскія силы, разбросанныя на такомъ большемъ пространствѣ, никакъ не могли соединиться во едино противъ многочисленныхъ вражьихъ полчищъ. Тысячи русскихъ должны были сражаться съ тьмами татаръ.

Избіеніе русскихъ силъ на Калкѣ, гдѣ погибло шесть отважныхъ князей и семьдесятъ богатырей, доселѣ непобѣдимыхъ, не уронило народнаго духа. Черезъ пять лѣтъ вновь появились татары, и вновь начались отчаянныя битвы. Каждый городъ защищался до послѣдней крайности; князья и ихъ семьи гибли и не сдавались. Стоитъ вспомнить взятіе Рязани, Владиміра, Кіева, Козельска.

Рядъ сказаній о Батыевомъ нашествіи начинается «Рязанскимъ сказаніемъ», гдѣ восхваляется подвигъ богатыря Евпатія Коловрата, приведшаго въ смятеніе самого завоевателя. Затѣмъ слѣдуетъ «Сказаніе о взятіи Владиміра», гдѣ подробно описана гибель семейства великаго князя Георгія Всеволодовича. Епископъ Митрофанъ готовитъ къ смерти великую княгиню, ея дѣтей, внучатъ и ближнихъ людей, которые всѣ собрались въ соборномъ храмѣ Богородицы. Княгини и ихъ ближніе люди не хотятъ помилованія отъ враговъ, уже вступившихъ въ храмъ. Запершись въ церковныхъ палатахъ, они ожидаютъ конца. Тогда враги натаскали въ церковь лѣсу и зажгли его. Объятый пламенемъ епископъ Митрофанъ благословлялъ погибавшихъ и молился за души ихъ.

Есть и другія сказанія, относящіяся къ погрому Батыеву: о сѣчахъ, осадахъ городовъ, о страданіи замученныхъ князей.

Весною 1241 года, по опустошеніи Русской земли на сѣверѣ и на югѣ, Батый перешелъ Карпаты. Пройдя черезъ Венгрію, онъ уже подступилъ къ Германіи, но получилъ отпоръ отъ Чешскаго короля Вячеслава и герцоговъ Австріи и Каринтіи.— Въ послѣдствіи у насъ появилось исторически не

вѣрное поэтическое сказаніе о смерти Батыя, убитаго будто-бы Вячеславомъ Чешскимъ.

И вотъ повернули монголы обратно, на востокъ.. Они засѣли на привольныхъ Волжскихъ степяхъ, и Русская земля подпала двухъ-вѣковому игу. Князья стали искать опоры и покровительства въ Ордѣ; баскаки стали перечислять своихъ новыхъ подданныхъ, налагать на нихъ дань, собирать ее при помощи самихъ же князей. Начался мирный періодъ рабства, правильнаго владычества татаръ надъ Русью—правда, иногда нарушаемый мѣстнымъ возстаніемъ подданныхъ или погромомъ со стороны Золотой Орды.

Татарское иго разорвало Русь на части. Кипучее броженіе, сближавшее внутреннимъ живымъ потокомъ отдаленныя Русскія земли, остановилось. Историческая жизнь погасла въ Кіевской землѣ: земля Галицкая съ самыхъ тѣхъ поръ перестала жить одною и тою же историческою жизнью съ остальными русскими землями.

Волынь, земля Полоцкая потеряли связь съ подтатарскою Русью; ихъ ждало въ будущемъ другое иго. Новгородъ, до которато не дошли татары и не положили дани, разбогатѣлъ, вступилъ въ торговый союзъ съ Западною Европою и вскорѣ пересталъ призывать князей для защиты. потому что

ему не съ кѣмъ было бороться. Онъ сталъ особнякомъ, государемъ господиномъ Великимъ Новгородомъ. Псковская земля устроилась и обособилась подобно старшему своему брату, Великому Новугороду, косо смотря на свою отъ него зависимость.

Въ половинѣ XIII столѣтія—Батыева вѣка—Новгородъ столкнулся со шведами, а Псковъ съ нѣмцами, и обѣ земли отразили враговъ своихъ съ честію и навсегда остались свободными отъ иноплеменнаго владычества. Героемъ при устьѣ Невы и на Ледовомъ побоище явился сынъ Владимірскаго великаго князя Ярослава Всеволодовича, Александръ, представитель еще не вздохнувшей отъ Батыева погрома, но уже склонившей покорную голову передъ ханомъ, серединной Руси. Владимірскій золотой столъ, по смерти Невскаго, начинаетъ терять свое значеніе. Земля Тверская, Рязанская и Ростовско-Суздальская уравниваются въ политическомъ значеніи; въ каждой изъ нихъ образуется великое княженіе и, какъ прежде, возникаютъ новые удѣлы, какъ прежде, ведутся удѣльныя и родовыя распри.—Наконецъ Владиміръ уступаетъ свое значеніе въ Ростовско-Суздальской землѣ Москвѣ, болѣе центральной. Рязанскіе и Московскіе великіе князья заискиваютъ у хановъ, раздаютъ ярлыки на княженіе, собираютъ для Орды дань. Московскіе дѣйствуютъ успѣшнѣе

Рязанскихъ, осиливаютъ ихъ въ Ордѣ и начинаютъ расширять свое господство за предѣлами своей Ростовско-Суздальской, теперь Московской, земли.

Когда наконецъ Рязанскіе князья осилили Москву въ Ордѣ, тогда Москва окрѣпла настолько, что въ силахъ была выдержать славную битву на верховьяхъ Дона. Все это совершается въ теченіи полутора столѣтія—мрачныхъ годовъ застоя цивилизаціи и литературы.

Большинство лѣтописцевъ и проповѣдники смотрѣли на иго, какъ на испытаніе или какъ на месть Господню за дурные, не христіанскіе нравы. Ихъ слова и убѣжденія тѣмъ сильнѣе проникали въ народъ, утверждая его въ вѣрѣ и нравственности. Замѣчательный проповѣдникъ XIII вѣка, епископъ Владимірскій Серапіонъ, такимъ образомъ рисуетъ картину татарскаго ига и нашествія:

«Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріяли? Не плѣнена ли была наша земля? Не пали-ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены-ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли были мы, оставшіеся, горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мука, и тяжкія дани съ насъ не прекращаются... и въ сласть хлѣба мы съѣсть не можемъ».

«Навелъ на насъ Господь народъ немилостивый, народъ лютый, не щадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей»...

«Разрушены божественныя церкви; осквернены сосуды священные, потоптана святыня! Святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены въ снѣдь; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрые, исполненные страха, бѣжали. Большая часть братьевъ и дѣтей отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травою, и величество смирилось... Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ, трудъ нашъ поганые наслѣдовали».

Кромѣ проповѣди и въ другихъ произведеніяхъ церковной литературы, какъ то: въ житіяхъ новыхъ Русскихъ святыхъ, въ тропаряхъ, канонахъ, даже въ Церковномъ Правилѣ митрополита Кирилла запечатлѣлась скорбь о бѣдствіяхъ родной земли, порабощенной Агарянами. Иногда самая земля олицетворяется и произноситъ свой скорбный плачъ.

Враждебное и вмѣстѣ гордое чувство ненависти къ татарамъ особенно отчетливо отразилось въ слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ говорится о поѣздкѣ Даніила Галицкаго къ Батыю: «О злѣе зла честь

татарская! Даніилъ Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ Русскою землею. Кіевомъ, Владиміромъ, Галичемъ, а теперь сидитъ на колѣнахъ и рабомъ называется! О злая честь татарская»!

Сознаніе своей народной силы, твердое упованіе на одолѣніе враговъ и преданность волѣ Божіей, высказались въ «Смоленскомъ сказаніи» о Меркуріи.

По словамъ профессора Буслаева, опредѣлившаго значеніе этого литературнаго памятника, сказаніе это уже обѣщаетъ Куликовскую побѣду.

Во время подступленія къ Смоленску Батыя, одинъ прекрасный юноша, именемъ Меркурій—происхожденіе котораго темно и таинственно, какъ и самое сказаніе о немъ—слышитъ гласъ своей Госпожи, Пресвятой Дѣвы. Она явилась ему въ церкви, окруженная сіяніемъ, со множествомъ ангеловъ и такъ провѣщала:

Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя, иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской. Ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его. Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе твое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ городъ, тамъ примешь

кончину, и положено будетъ тѣло твое въ моей церкви».

Меркурій заплакалъ отъ умиленія: онъ считалъ себя недостойнымъ такого великаго подвига. Когда Меркурій вооружился, мгновенно предсталъ предъ нимъ необыкновенный конь. Онъ сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигнувъ полковъ злочестиваго царя, онъ прежде всего сталъ собирать плѣнныхъ христіанъ и отпускалъ ихъ на волю. «И скакалъ онъ по полкамъ—какъ орелъ летаетъ по воздуху». Слѣдствіемъ идеальной побѣды Меркурія было бѣгство Батыя въ Угры, гдѣ, по сказанію, этотъ ханъ былъ убитъ. Меркурій въ самомъ Смоленскѣ увѣнчался вѣнцомъ мученическимъ. Народной фантазіи было жаль предоставить своего героя жертвою татаръ—и побѣдоносецъ смоленскій принялъ кончину отъ руки прекраснаго воина, небеснаго посланника. Не передъ татарами, не передъ историческою случайностью, а передъ высшею волею преклонялъ голову Русскій народъ.

Сознаніе народности сливалось все болѣе и болѣе съ православіемъ. Родное русское и православное было противуположно всему чужеземному и иновѣрному. Вскорѣ послѣ Батыева нашествія, Русь пришла въ столкновеніе съ Западомъ: шведы пошли крестовымъ походомъ на Новгородъ, какъ на

языческую землю. Пскову предстояло новое крещеніе огнемъ и мечемъ отъ магистра Ливонскаго ордена.

Послѣ того понятно, почему «Повѣсть объ умномъ и кроткомъ, и смысленномъ, и храбромъ князѣ, сопменномъ царю Александру Македонскому» проникнута религіознымъ одушевленіемъ. Невская побѣда предвѣщается видѣніемъ Св. Бориса и Глѣба *) оканчивается избіеніемъ враговъ ангелами Божіими. Храбрость Александра и его воиновъ является слѣдствіемъ его благочестія и молитвъ. На Ледовомъ побоищѣ видѣются полки Божіи на воздухѣ, пришедшіе на помощь Русскимъ полкамъ. Красота князя Александра и могущество его обрисовано въ повѣсти сравнительными примѣрами изъ библіи.

Прекрасныя слова влагаются въ уста Александру, когда онъ — разгорѣвся сердцемъ приноситъ молитву въ Софійскомъ Новгородскомъ храмѣ. Принявъ благословеніе отъ архіепископа, онъ начинаетъ укрѣплять рѣчью своихъ воиновъ: «не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ. Сіи во оружіи, и сіи на конехъ, мы же во имя Господа Бога призовемъ».

Образъ Мстислава Удалаго воспроизводится толь-

*) См. выше: стр. 38.

ко въ наше время историками, на основаніи разрозненныхъ, хотя и характеристичныхъ древнихъ разсказовъ о его подвигахъ: образъ Александра явился въ литературѣ, ему современной, цѣльнымъ, обдуманнымъ и поэтическимъ образомъ.

Мужество его является въ идеальномъ свѣтѣ. Онъ могучъ самъ по себѣ, какъ истинный герой. По правдивымъ лѣтописнымъ разсказамъ, мы знаемъ, что Александръ былъ призванъ новогородцами защитить ихъ, когда война была уже близка. По повѣсти выходитъ что Александръ самъ былъ причиной войны. Заслышавъ о мужествѣ Александра «Король части Римскія отъ полунощныя страны—задумалъ побѣдить его, и великій Новгородъ плѣнить, и всѣ грады и люди словенскія къ себѣ въ работу сотворити». Великій князь Александръ—говоритъ авторъ повѣсти—побѣждалъ вездѣ, а самъ не былъ нигдѣ побѣждаемъ.

Приходилъ въ Новгородъ отъ Западныхъ странъ знаменитый рыцарь, видѣлъ Александра и, возвратясь въ свою землю, повѣдалъ: «Прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя». Лѣтописецъ говоритъ, что ханъ Батый, увидавъ пріѣхавшаго къ нему Александра, сказалъ: «Все, что

мнѣ ни говорили о немъ правда: нѣтъ подобнаго ему князя». Жены татарскія стращали дѣтей своихъ: «молчи, великій князь Александръ ѣдетъ!» Отзывамъ лѣтописцевъ вторятъ замѣчательныя слова митрополита Кирилла, когда онъ возвѣстилъ народу о смерти великаго князя: «О, дѣти мои милыя, знайте, что зашло солнце земли Русской».

Но какъ же относился этотъ князь, самый видный, по словамъ современнаго намъ историка, отъ Мономаха до Донскаго къ татарамъ? Соблюдая Русскую землю отъ бѣды, онъ ѣздилъ въ Орду, ладилъ съ ханомъ и собиралъ для него дань. Такое отношеніе Александра къ Ордѣ нисколько не унижало доблести непобѣдимаго князя въ глазахъ его соотечественниковъ.

Во второй половинѣ XII-го вѣка мы начинаемъ сживаться съ мыслью о нашемъ подданствѣ. И въ литературѣ появляются памятники, въ которыхъ замѣтно спокойное, примирительное, отчасти сочувственное отношеніе къ татарамъ. Примирительнымъ звѣномъ была вѣротерпимость татаръ. Западный путешественникъ Плано-Карпини отмѣчаетъ эту добрую сторону монголовъ. Въ семействѣ хана, по его словамъ, были христіане и на собственномъ иждивеніи содержалъ онъ духовныхъ греческаго исповѣданія, которые открыто совершали

богослуженіе передъ его палаткою. Другой путешественникъ Рубруквисъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ совершали богослуженіе сперва христіане, потомъ муллы и наконецъ языческіе жрецы. Духовные всякаго вѣроисповѣданія всегда освобождались ханомъ отъ податей. Ханы монгольскіе охраняли Русскую вѣру даже и тогда, когда приняли исламъ. Они давали ярлыки духовенству и строго запрещали хулить православіе. Дѣлая уступки чужой вѣрѣ, татары требовали той же вѣротерпимости и отъ князей Русскихъ, и Черниговскій князь Михаилъ со своимъ бояриномъ Ѳедоромъ погибли не потому, что ихъ заставляли перемѣнить вѣру, но потому, что они не хотѣли выполнить обряда языческаго богослуженія и тѣмъ не оказали уваженія Батыю. О преемникѣ Узбека, Чанибекѣ (XIV в.), говорится, что онъ былъ добръ зѣло ко христіанству, многу льготу сотвори земли Русской. По случаю тяжкой болѣзни жены своей Тайдулы онъ обращался, какъ извѣстно, къ митрополиту Алексію, прося его молитвъ объ исцѣленіи болящей. — Еще въ концѣ XIII-го вѣка открыта была епархія въ самой Ордѣ, въ Сараѣ. Около того же времени родной племянникъ преемника Батыева, хана Берки принимаетъ христіанскую вѣру въ Ростовѣ. Это былъ Петръ царевичъ, трогательное об-

ращеніе котораго и благочестивая жизнь послужила предметомъ особаго сказанія, гдѣ не безъ сочувствія говорится о родствѣ святаго царевича съ ханами Золотой Орды. Потомство Петра въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ пользуется расположеніемъ хановъ и ихъ баскаковъ, почитавшихъ въ нихъ свое племя и кость цареву.

Дочери ханскія принимали христіанство при вступленіи въ бракъ съ Русскими князьями (дочь Менгу Темира была замужемъ за княземъ Ѳеодоромъ Ярославскимъ; сестра Узбекова, Кончака, была въ замужествѣ за княземъ Московскимъ Юріемъ Даниловичемъ). Есть много и другихъ примѣровъ знатныхъ и незнатныхъ татаръ, принимавшихъ крещеніе въ XIII вѣкѣ и позднѣе.

Остановимъ наше вниманіе на одной народной пѣснѣ, «Объ Авдотьѣ, женкѣ Рязаночкѣ», въ которой ханъ Золотой Орды является въ нѣкоторомъ благопріятномъ свѣтѣ. Хана привелъ въ умиленіе подвигъ русской женщины, пришедшей издалека выкупать своихъ плѣнныхъ родственниковъ.- Выкупъ плѣнныхъ былъ подвигомъ благочестія. Самъ Александръ Невскій, не мало золота и серебра передавалъ татарамъ, освобождая соотечественниковъ отъ плѣна.

Разоривъ городъ Рязань, невѣрный царь увелъ множество плѣнныхъ въ свою землю:

Оставалася во Рязани одна женка Рязаночка.
Стасковалася женка, сгоревалася.
У ней полонилъ три головушки:
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
Свекра любезнаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
«Пойду я во землю Татарскую
«Выкупать хоть единыя головушки
«На дороги хорошіе выкупы.

Труденъ былъ дальній путь ея. Невѣрному царю приписывается власть надъ самою природою. На него, какъ на могущественнаго представителя бѣдъ, слагается вина всѣхъ путевыхъ препятствій: по дорогамъ онъ поставилъ разбойничковъ, во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей, напустилъ всѣ рѣки — озера глубокія, чтобы никому не пройти, не проѣхати.

Пошла женка путемъ, да дорогою:
Мелкіе ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля разбойниковъ о полночь прошла —

О полночь разбойники опочинъ держатъ —
Темные лѣса лютыхъ звѣрей о полдень прошла—
О полдень люты звѣри да опочинъ держатъ.

И вотъ женка передъ царемъ; понизешеньку ему кланяется, проситъ дать ей волю выкупить хоть единую головушку. Царь спрашиваетъ: —какъ прошла она путемъ дорогою? и получивъ отвѣтъ, испытываетъ ея чувство любви къ близкимъ ей людямъ:

Ты, Авдотья женка Рязаночка!
Какъ ты умѣла пройти путемъ да дорогою,
Такъ умѣй-ка попросить и головушки.

По раздумьѣ она выбрала брата родимаго, потерю котораго ничѣмъ нельзя замѣнить. Такой выборъ тронулъ сердце царя, потерявшаго въ битвѣ любимаго брата:

Сижучись да царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
Ты, Авдотья женка Рязаночка!
Когда я разорялъ вашу сторону подлѣсную,
Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго.
За твои-то рѣчи за разумныя,
За твои-то слова за хорошія
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.

И женка забрала всѣхъ плѣнныхъ и разселила Рязань городъ по старому—

По старому да по прежнему.

Такъ оканчивается эта былина, воспѣвающая самоотверженіе женщины и ея блестящій успѣхъ—возвращеніе всѣхъ плѣнныхъ въ разоренный и опустѣлый городъ.

Но въ спокойномъ мирномъ отношеніи къ Татарамъ было много злаго: мы усвоивали ихъ нравы, обычаи, привычки, отодвинулись назадъ въ своемъ развитіи гражданскомъ и даже церковномъ. Грустныя послѣдствія татарскаго ига извѣстны каждому знакомому съ Русскою исторіею.

Въ XIV вѣкѣ развивается у насъ пустынножительство, начинаютъ возникать монастыри и вновь оживаетъ церковная письменность.

Монастыри сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ умственныя силы: въ нихъ процвѣтаетъ грамотность, переписываются божественныя книги, въ нихъ возстановляется порядокъ и благочиніе въ богослуженіи и наконецъ возникаетъ стройное хозяйство. Устроиваются запасные склады хлѣба на случай голода, больницы, пріюты для странныхъ и убогихъ, для заброшенныхъ дѣтей и сиротъ.—Монашество разви-

вается по почину сильныхъ личностей, своего рода богатырей. Преподобный въ юныхъ годахъ бѣжитъ изъ дома и роднаго города: его давитъ и тѣснитъ окружающее зло. Онъ бѣжитъ искать благочестія и постригается въ какомъ нибудь монастырѣ, несетъ подвиги послушанія и изучаетъ божественныя книги, но вскорѣ видитъ въ монастырѣ своемъ упадокъ нравственности и благочестія. Тогда онъ покидаетъ его для пустыни, для лѣсу, гдѣ рѣшается жить, подражая пустынножителямъ первыхъ вѣковъ христіанства. Ему предстоятъ подвиги неимовѣрные—въ борьбѣ съ дикою природою, съ суровымъ климатомъ, въ далекѣ отъ населенныхъ мѣстъ. Но наконецъ о немъ прослышали: къ нему собрались другіе жаждущіе спасенія люди. Рубится и расчищается лѣсъ, возникаютъ постройки, и звонъ колокола оглашаетъ доселѣ непроходимые лѣса... Слухи о новой обители и о подвигахъ основателя распространяются; являются богомольцы и несутъ вклады; князья даютъ грамоты на земли, записываютъ за монастыремъ села. Монастырь дѣлается хозяйственнымъ и административнымъ центромъ; на новыхъ земляхъ его поселяются люди, привлеченные льготами. Оживляется край отъ монастыря, подобно тому какъ прежде— отъ княжьяго погоста и вновь построеннаго города.

Отцомъ сѣвернаго монашества является препо

добный Сергій. Подъ вліяніемъ этого преподобнаго, его учениками и современниками основано до двадцати монастырей, изъ которыхъ многіе въ свою очередь стали разсадниками новыхъ иноческихъ обителей. Исторія признаетъ за монастырями гражданственное значеніе, какъ въ томъ, что возникавшіе въ безлюдныхъ мѣстахъ они заселяли ихъ, развивали земледѣліе, распространяли христіанство и русскую народность среди чуди, лопарей, татаръ, такъ и въ томъ вліяніи, какое имѣли игумены-основатели монастырей на современниковъ.

Преданія о святыхъ основателяхъ получаютъ литературную обработку, и у насъ образуется особый родъ повѣствовательныхъ произведеній: житія основателей иноческихъ обителей. Основатели монастырей въ XIV—XV вѣкѣ, и даже позже, составляютъ особый типъ людей, отличавшихся могучею силою воли, безстрашіемъ и кромѣ того настойчивостью въ преодолѣніи трудностей для достиженія высшей цѣли. Преданіе о Пересвѣтѣ и Ослябѣ—этихъ богатыряхъ въ иноческой одеждѣ, равно какъ и построженіе богатыря въ иноки въ народной былинѣ имѣетъ значеніе. Также какъ богатырь, преподобный разрываетъ съ семьею и родиной всѣ связи и идетъ на подвигъ. Выдержавъ строгій долголѣтній искусъ въ монастырѣ, укрѣпленный въ борьбѣ со страстями

и всякаго рода трудностями, онъ удаляется въ глубь лѣсовъ и такъ собираетъ своего рода дружину—иноковъ. Эпическій типъ богатыря донесла до насъ устная народная поэзія; историческій же типъ основателя монастыря сохранила намъ наша письменность.

Мѣсто, избранное основателемъ будущей обители, обыкновенно очерчивается сочинителемъ житія съ сочувствіемъ. Съ высокой горы увидалъ Кириллъ Бѣлозерскій необъятное пространство, покрытое озерами и лугами, орошенное съ одной стороны Шексною и призналъ эту мѣстность за указанную ему Богомъ. Развѣсистая сосна, огромный дубъ, ель на крутомъ берегу озера не разъ съ любовію отмѣчены въ житіяхъ. Отшельникъ представляется въ житіяхъ покровителемъ звѣрей и птицъ, онъ приручаетъ ихъ и дѣлится съ ними послѣднимъ кускомъ пищи. Когда Сергій Нуромскій пришелъ навѣстить Павла Обнорскаго, то онъ увидалъ, что стаи птицъ вились около Павла: однихъ онъ кормилъ изъ рукъ, другія сидѣли у него на головѣ и на плечахъ. Тутъ же стоялъ медвѣдь и ждалъ себѣ пищи, вокругъ прыгали лисицы и зайцы. Есть и многія преданія о медвѣдѣ, воронѣ, оленѣ, занесенныя въ житія.

По возникновеніи обители новый характеръ принимаетъ на себя ея хозяинъ и устроитель. Начинается его дѣятельность по отношенію къ людямъ:

до сихъ поръ онъ принадлежалъ всецѣло подвигу уединеннаго служенія Богу. Начинается соприкосновеніе монастыря съ мірянами, и тогда бытовыя подробности, иногда драгоцѣнныя для исторіи права и обычая, обогащаютъ житія и сказанія о чудесахъ святыхъ основателяхъ. Итакъ, въ основателѣ монастыря выразились двѣ стороны: любовь къ святому подвигу одинокаго пребыванія въ пустынѣ и умѣнье вести порядокъ въ имъ же устроенномъ монастырѣ.

Число насажденныхъ въ XV столѣтіи, по сѣверу Россіи монастырей дошло до сорока. Возобновленныя сношенія съ Аѳонскою горою дали толчекъ нашему книжному возрожденію.

У насъ еще съ XIV-го столѣтія начинаетъ составляться богатый запасъ переводовъ отеческихъ писателей, какого, по словамъ замѣчательнаго ученаго богослова, [1]) не представляетъ ни одна древняя литература новыхъ западныхъ народовъ, у которыхъ господствовала римская литургія и латинскій языкъ. Сильное вліяніе на нашъ бытъ и на нравы оказали житія греческихъ и мало-азійскихъ, а потомъ и сербскихъ святыхъ. Онѣ давали намъ свѣдѣнія объ иныхъ временахъ, иныхъ правахъ, словомъ вводили нашихъ грамотныхъ людей въ иной, не

[1]) Протоіерея Горскаго, описавшаго рукописи Московской Синодальной библіотеки.

русскій міръ. Подъ впечатлѣніемъ пролога или минеи задумывалъ впечатлительный юноша, будущій основатель монастыря, свой побѣгъ изъ дому родительскаго. Въ послѣдствіи—въ сказаніи о его жизни замѣтно литературное вліяніе византійскаго образца.

Черезъ хронографы, мы тогда знакомились съ офиціальною исторіею Византіи; она была къ намъ ближе всякой другой иностранной исторіи. Рядомъ съ этимъ у насъ были свѣдѣнія—на половину баснословныя — объ Александрѣ Македонскомъ и о древнемъ Римѣ и Греціи. Были статьи по Греческой миѳологіи, своеобразныя передѣлки Иліады, Одиссеи. Были апокрифическія сказанія и грубыя, и поэтичныя умилительныя, какъ напримѣръ, «Хожденіе Богородицы по мукамъ», поэма загробной жизни.

Вмѣсто Данте и Виргилія, по мѣстамъ мученія ходитъ Пресвятая Дѣва, и водитъ ее Архангелъ. Холодный ужасъ католическаго Данте здѣсь замѣненъ теплымъ, трогательнымъ плачемъ Богородицы, заступившейся за грѣшныхъ и молящейся о пощадѣ ихъ.

Встрѣчаемъ мы въ нашей литературѣ средняго періода разсужденія богословскія, нравственныя изреченія древнихъ философовъ, понятія о стихіяхъ—морѣ, громѣ, молніи, объясненія счастливыхъ и не-

счастливыхъ дней, описательныя исторіи звѣрей и птицъ. Баснословныя понятія о природѣ вызываютъ улыбку нашу, но онѣ были серьезны для своего времени, и мы съ ними встрѣчаемся у самыхъ знаменитыхъ естествоиспытателей Запада, какъ напр. Конрадъ Геснеръ и другіе.

Все количество свѣдѣній по большей части разбросано по сборникамъ. У монаха есть бумага, или пергаменъ—онъ дѣлаетъ книгу, довольно объемистую, вписываетъ въ нее новое житіе русскаго святаго, вслѣдъ за нимъ помѣщаетъ изреченія Демокрита философа, отрывки изъ Платона, Эпиктета и Зенона; вопросы религіозной пытливости, какъ напримѣръ, сколько лѣтъ жилъ Адамъ въ раю—и тутъ же отвѣты на нихъ. Осталось мѣсто—онъ переписываетъ канонъ Іоанну Крестителю; искусно приплетаетъ ко всему этому, уже прежде списанное имъ, «Толкованіе на пророка Іеремію», и на свободныхъ страницахъ, въ концѣ, помѣщаетъ «Похвалы Богу о поклоненіи всея твари» или какой-нибудь отрывокъ изъ Троянской исторіи—о томъ «Какъ три жены пророчицы заспорили о яблокѣ и пришли на судъ къ Фарижу (Парису) Пастыревичу (сыну пастуха)».

Въ подобныхъ сборникахъ сохранились драгоцѣннѣйшіе памятники нашей литературы.

Излюбленнымъ предметомъ для преписыванія были церковныя и монастырскія произведенія стараго кіевскаго времени. Въ XIII столѣтіи былъ составленъ патерикъ Печерскій, куда внесено житіе преп. Өеодосія, писанное Несторомъ и всѣ другія сохранившіяся житія подвижниковъ обители, сказаніе о чудесахъ, сопровождавшихъ созданіе Великой церкви и посланія печерскихъ постриженниковъ.

Что касается до лѣтописей, то онѣ молчатъ о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драматической формы разсказа, къ какой мы привыкли въ южной лѣтописи. Дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча: воюютъ, мирятся: но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ не прибавитъ, за что они воюютъ, въ слѣдствіе чего мирятся. Здѣсь выражается характеръ эпохи, когда въ городѣ и на дворѣ княжескомъ все было тихо, ничего небыло слышно, всѣ какъ бы сидѣли запершись и думали думу про себя.

Лучшимъ украшеніемъ нашей бѣдной оригинальностью литературы XIV-го и XV-го столѣтія служатъ отдѣльныя историческія повѣствованія. Ихъ появленіе вызывали всѣ крупныя и необыденныя явленія однообразной исторической жизни. Побѣда Димитрія на Куликовомъ полѣ вызвала нѣсколько подобныхъ произведеній.

Лучшее изъ нихъ есть Сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго. Оно проникнуто духомъ времени, духомъ религіознымъ. Основная мысль его та, что побѣда одержана ничѣмъ другимъ, какъ силою креста. Димитрій совсѣмъ не похожъ на удивлявшаго всѣхъ своею храбростью Александра Невскаго. Въ немъ нѣтъ удальства, онъ не увѣренъ въ побѣдѣ и едва не палъ на полѣ битвы. Онъ готовъ на смерть и подвигъ, по необходимости, по невозможности умилостивить хана. Митрополитъ Кипріанъ, преподобный Сергій и посланные имъ въ бой съ Димитріемъ богатыри въ иноческой одеждѣ, Пересвѣтъ и Ослябя, занимаютъ видныя мѣста въ Сказаніи. Выступленіе въ походъ обрисовано рядомъ молитвъ, приносимыхъ Димитріемъ передъ иконами Спаса и Богородицы, у гроба новаго чудотворца Петра, у гроба своихъ родителей.—Сказаніе вѣрно историческому ходу событія. Изо дня въ день слѣдитъ оно за походомъ и битвою и оканчивается живымъ разсказомъ о томъ, какъ воины и отроки, послѣ бѣгства Мамая, ищутъ Димитрія и находятъ его израненымъ, подъ срубленою березою. Поэтично и въ духѣ непосредственнаго сближенія съ природою разсказано ночное гаданье по примѣтамъ. «Димитрій стоитъ

между полковъ и прислушивается къ звукамъ земли, желая узнать что предвѣщаютъ они. И слышитъ онъ со стороны татарской—стукъ и крикъ великій, какъ будто города ставятъ, или голосятъ трубы. А позади полковъ татарскихъ волки воютъ вельми грозно, вороны и галки кричатъ; трепетъ великій: птицы перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; на рѣкѣ, на Непрядвѣ, гуси, лебеди и утята крылами плещутъ, великую грозу предвѣщаютъ. Князь и сопровождающій его гадатель Волынецъ слушаютъ русскую сторону, но оттуда ничего не слышно; они видятъ только множество огней. И сказалъ Волынецъ: «Княже господине, то добрыя примѣты, призывай Бога и не оскудѣвай вѣрою». Потомъ Волынецъ припадаетъ къ землѣ на правое ухо и лежитъ долгій часъ, встаетъ и опять поникаетъ. На вопросъ великаго князя о томъ, какова примѣта? Волынецъ долго не отвѣчаетъ и наконецъ, понужденный Димитріемъ, разсказываетъ, что слышалъ онъ голосъ земли: плачетъ она на двое и какъ горестная жена, и какъ дѣвица, во свирѣль играющая. Будетъ побѣда на поганыхъ, но и христіанъ падетъ множество!».

Гаданье это отзывается язычествомъ, но разсказъ о ночи передъ побоищемъ оканчивается въ духѣ христіанской поэзіи: на облакѣ несутся по

небу два свѣтлые юноши. Они идутъ отъ востока, въ ихъ рукахъ острые мечи, и гласятъ татарамъ: «кто повелѣлъ вамъ истреблять отечество наше? намъ его даровалъ Господь». То были Борисъ и Глѣбъ.

Другое произведеніе о Куликовской битвѣ «Задонщина, или слово о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, како побѣдили супостата своего царя Мамая», есть подражаніе слова о Полку Игоревѣ. Поэтическія выраженія прямо перенесены изъ слова о Полку Игоревѣ въ это слово о Димитріи Ивановичѣ:

«Гнѣздо мы (говоритъ Димитрій) великаго князя Владиміра Кіевскаго и не рождены мы, чтобы даться въ обиду ястребу, кречету, черному ворону, или поганому сему Мамаю».

«На Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей землѣ Русской, въ трубы трубятъ въ Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуховѣ, стоятъ стяги у Дона великаго на берегу, звонятъ колокола вѣчевые въ великомъ Новѣгородѣ».

«Уже бо стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ каменномъ градѣ Москвѣ: стучитъ великая сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича».

«Развѣваются какъ живыя хоругви, ищутъ себѣ чести и славнаго имени. Уже бо соколы и кречеты

за Донъ борзо перелетѣли и ударились о стада лебединыя: то наѣхали русскіе князья на силу татарскую... Возгремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе. На полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, земля черна подъ копытами; костьми татарскими усѣяны поля, земля полита ихъ кровью; сильные полки ступили на мѣсто и протоптали холмы и луга, возмутили рѣки, потоки и озера. Слава понеслась по разнымъ землямъ въ Крымъ, Каоу и по морю дошла до самаго Царяграда».

Замѣтимъ еще одно мѣсто, обрисовывающее въ первые безсиліе татаръ. «Сѣрымъ волкомъ взвылъ поганый Мамай и притекъ къ одному городу и тамъ сказали ему фрязове (случайно попавшееся сочинителю имя народа): зачѣмъ ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? Не бывать тебѣ въ Батыя царя, у Батыя царя было четыреста тысячъ кованой рати, а воевалъ всю Русскую землю отъ востока и до запада: а казнилъ Богъ Русскую землю за согрѣшенія. А ты, царь Мамай, бѣжишь самъдевять въ лукоморье. Не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовати въ полѣ. Князья русскіе тебя гораздо уподчивали: ни князей съ тобою ни воеводъ. Упились они у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ».

Нашествіе Тахтамыша послужило предметомъ

особаго Сказанія, отличающагося простотою и обстоятельностью разсказа.

Въ повѣсти о чудеси отъ иконы Пресвятой Богородицы Владимірской разсказывается о Тамерланѣ, что онъ родился въ Самаркандской странѣ, былъ простой бѣдной человѣкъ, ремесломъ кузнецъ, нравомъ хищникъ, ябедникъ и воръ. Въ молодости онъ укралъ овцу, хозяинъ который переломилъ ему за это ногу. Тамерланъ оковалъ ее желѣзомъ, отчего и былъ прозванъ желѣзнымъ хромцемъ. Русскую землю онъ покинулъ въ слѣдствіе сновидѣнія. Ему предстала на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ и воспретила идти на Русь.

А между тѣмъ новыя силы созрѣвали въ тиши. Подходило время, когда удивленная Европа найдетъ среди лѣсовъ Московскихъ не порабощенное, какъ думали, племя, а новое, свергнувшее иго, единодержавное государство и войдетъ въ дипломатическія сношенія съ господиномъ, *государемъ всея Руси*, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ.

Повѣсть о взятіи Царяграда. Московское воззрѣніе на Новогородцевъ. Встрѣча съ Западною Европою. Посланіе архіепископа Вассіана къ державному великому князю. Игуменъ Волоцкій Іосифъ въ борьбѣ съ ересью какъ писатель. Заволжскіе старцы. Максимъ Грекъ.

Повѣсть о взятіи Царяграда есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей древней литературы. Современникъ событія почерпнулъ свои свѣдѣнія отъ очевидцевъ и при этомъ воспользовался цареградскою легендою.

Начало осады, приступъ, планъ и расположеніе войскъ, дѣйствія и рѣчи послѣдняго Константина, смерть его, въѣздъ Магомета II-го въ городъ, все это передано съ отчетливостью.

Въ началѣ авторъ повѣсти разсказываетъ преданія объ основаніи Царяграда. Послушаемъ его: «Въ тринадцатый годъ своего царствованія великій Костантинъ задумалъ поставить городъ во имя свое, и послалъ мудрыхъ мужей искать мѣсто для города по разнымъ мѣстамъ Азіи и Европы. Воротившись,

мужи хвалили болѣе другихъ мѣстъ Византію, да еще одно мѣсто въ Македоніи. Константинъ же думалъ о Троѣ, гдѣ Греки славную на весь міръ побѣду одержали надъ фригійскимъ племенемъ. И, еще ему помышляющу, слыша во снѣ гласъ: въ Византіи подобаетъ Константину-граду создатися. И проснулся царь и послалъ въ Византію знающихъ людей и строителей и повелѣлъ готовить мѣсто. Потомъ пришелъ съ матерью Еленою въ Византію, взялъ съ собою жену свою, Максимиллу, сына и зятя. И увидалъ онъ на томъ мѣстѣ семь горъ и много глушицъ морскихъ (лагунъ) и повелѣ горы рыти и нижняя мѣста наполняти и на глушицахъ столбы ставити, на нихъ своды сводити и равняти мѣсто». Когда все было готово, собралъ царь вельможъ и мегистанъ, сиречь земскихъ князей и магистровъ, и нача умышляти како быти стѣнамъ и стрѣльницамъ, и воротамъ городскимъ и повелѣ размѣрити мѣсто между двухъ морей. И вотъ—змѣй, внезапно вышедъ изъ норы, поползъ по мѣсту, а орелъ слетѣлъ съ высотъ, схватилъ змѣя и полетѣлъ съ нимъ, змѣй въ то же время обвился вокругъ орла. Царь и всѣ люди смотрѣли на орла и змѣя. Сперва орелъ

взвился такъ высоко, что былъ невидимъ, потомъ онъ показался и наконецъ сталъ спускаться на то самое мѣсто, гдѣ змѣй опуталъ его. Люди замѣтивъ, что змѣй одолѣлъ орла, убили змѣя, а орелъ улетѣлъ. И бысть царь въ ужасѣ велицѣ и созвалъ онъ книжниковъ и спрашивалъ, что значитъ это знаменіе? Книжники, поразмысливъ, отвѣчали царю: «Это мѣсто прославится и возвеличится во всей вселенной... Орелъ знаменіе христіанства, змѣй знаменіе басурманства. Что змѣй одолѣлъ орла— это знакъ, что бусурмане одолѣютъ христіанъ; а что христіане змѣя убили и освободили орла—это знакъ того, что они одолѣютъ басурманъ, возьмутъ Седьми-холмный градъ и въ немъ воцарятся». Потомъ авторъ повѣсти говоритъ подробно о постройкахъ города, о храмахъ, о палатѣ царской, ипподромѣ предивной и затѣмъ переходитъ къ восхваленію славы и красоты Новаго Рима, повѣствуетъ о милостяхъ къ нему Царицы Небесной. Послѣ повѣствованія о городѣ, начинается самый разсказъ о взятіи его, со всѣми живыми подробностями осады и приступа. Приведемъ конецъ разсказа, связанный по мысли съ преданіемъ объ орлѣ и змѣѣ.

«Вошелъ Магометъ (послѣ взятія имъ города) въ ворота св. Романа и пошелъ со всѣми чинами слугъ своихъ къ великой церкви, гдѣ находился патріархъ

все духовенство и безчисленное множество народа, женъ и дѣтей. И пришедъ на площадь, слѣзъ съ коня и палъ на землю лицемъ, и взявъ горсть земли, посыпалъ себѣ на голову, по своему обычаю благодаря Бога. И подивился онъ величественному зданію и сказалъ такъ съ умиленіемъ: Воистину были эти люди и прошли, а другихъ подобныхъ имъ не будетъ. И вошелъ Магометъ въ церковь Св. Софіи, и ста мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ».

«Патріархъ, все духовенство и все множество народа пало передъ нимъ ницъ со слезами и рыданіемъ. Онъ же, помахавъ рукою въ знакъ молчанія, сказалъ имъ: Тебѣ говорю, Анастасіе, и всей дружинѣ твоей и всему народу: съ сего дня не бойтесь гнѣва моего, ни убійства, ни плѣненія. Потомъ обратившись къ пашамъ и санчакъ-беямъ: Запретите всему войску и всѣмъ чинамъ дѣлать зло гражданамъ. Если же кто изъ нихъ убьетъ или возьметъ въ плѣнъ женъ или дѣтей греческихъ и какою либо враждою оскорбитъ ихъ, то таковой будетъ преступникъ нашего повелѣнія, и мы казнимъ его смертію».

«И повелѣлъ всѣмъ идти по домамъ; и цѣлые часы выходилъ народъ изъ храма. И посмотрѣлъ султанъ изъ окна св. Софіи на народъ, наводнив-

шій площади и растекшійся какъ потокъ по улицамъ, и дивился, что такое множество людей могло помѣститься во храмѣ. Самъ же онъ остался въ церкви; ему захотѣлось разсмотрѣть ея красоту, и утварь, и сокровища церковныя. Потомъ онъ пошелъ ко двору царскому и тутъ встрѣтилъ его какой то сербъ и поднесъ ему голову послѣдняго царя. Султанъ обрадовался, но не повѣрилъ; допросилъ, точно ли это голова царя, и, увѣрившись, облобызалъ ее и послалъ останки царскіе къ патріарху».

«О царицѣ спросилъ султанъ — ему отвѣчали, что ее отправили на кораблѣ великаго дукаса (дожа) вмѣстѣ съ царскими родственниками», изъ которыхъ одинъ — прибавимъ отъ себя — Ѳома Палеологъ былъ впослѣдствіи отцемъ Софіи, супруги Ивана III-го. Въ приведенномъ нами мѣстѣ о султанѣ нельзя не видѣть мягкаго, безпристрастнаго пріема историка, который не увлекается чувствомъ ненависти къ бусурманину, а разсказываетъ съ достоинствомъ о томъ, что происходило въ Царѣградѣ. Но это только досихъ поръ. Сказавъ, что Султанъ казнилъ тѣхъ, которые содѣйствовали бѣгству царицы, нашъ повѣствователь вооружается на побѣдителя страстнымъ словомъ и грознымъ предвѣщаніемъ ему гибели.

«Когда все такъ случилось, — грѣхъ нашихъ ради, и сѣлъ беззаконный Магометъ на благо-

роднѣйшемъ во всей вселенной престолѣ царскомъ и сталъ владѣть двумя частями свѣта; одолѣлъ тѣхъ, которые когда-то одолѣли Артаксеркса, вождя несмѣтныхъ войскъ, невмѣстимыхъ и пучиною морскою—одолѣлъ тѣхъ, которые одолѣли Трою предивную, семидесятью-четырьмя царями обороняемую. Но познай, о окаянне! Свершится пророчество, свершатся предзнаменованія, бывшія при основаніи города: Русскій родъ, предъизбранный отъ Бога, побѣдитъ всего Измаила и возьметъ седьмихолмный Царь-градъ и въ немъ воцарится».—Мы видимъ, что конецъ повѣсти о взятіи Царя-града связанъ съ предисловіемъ двумя чертами: во первыхъ, воспоминаніемъ о славѣ и значеніи древней Греціи, во вторыхъ пророчествомъ объ освобожденіи Константинополя отъ мусульманскаго владычества черезъ христіанъ.

Это пророчество примѣнялось къ Россіи въ слѣдствіе глубокаго историческаго сознанія: Византія падаетъ отъ мусульманъ, въ тоже время Москва возвышается, и Русь является побѣдительницею татаръ. Русь приняла вѣру и образованность отъ Византіи и никогда, до самаго паденія этой послѣдней, не теряла съ нею связи. Русь, какъ племя, происходитъ отъ Іафета, которому Богъ обѣщалъ побѣду надъ потомками его братьевъ, слѣдовательно и надъ

Измаиломъ, происходившимъ отъ Сима. Такимъ образомъ библейскія преданія здѣсь сливаются съ сознаніемъ индо-европейскаго (Іафетиды) происхожденія Руси.

Мѣсто объ орлѣ и змѣѣ имѣетъ особое значеніе. Змѣй, живущій въ норѣ, является въ миѳологіяхъ различныхъ народовъ существомъ, охраняющимъ землю отъ человѣка и поэтому враждебнымъ къ нему. Внести гражданственную жизнь въ лѣса, пустыни, вступить на дѣвственную почву человѣку всегда трудно, и его на каждомъ шагу ждетъ борьба съ природою. Борьба эта олицетворяется въ народномъ воззрѣніи борьбою богатыря, свѣтлаго человѣческаго образа, со змѣемъ, иногда увеличеннымъ въ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ. Въ преданіяхъ о построеніи городовъ змѣй отстаиваетъ землю отъ людей. Съ появленіемъ христіанства змѣй дѣлается символомъ язычества. Внести христіанство въ языческую страну—значитъ убить змѣя и потоптать змѣенышей. Древній русскій князь, распространявшій христіанство и гражданственность, слился въ народномъ представленіи съ Георгіемъ побѣдоносцемъ. Это сліяніе двухъ образовъ очевидно въ народныхъ пѣсняхъ о Егоріи храбромъ. На монетахъ нашихъ изображался всадникъ на конѣ- поражаетъ змѣя съ надписью: великій князь

такой-то. Въ послѣдствіи это привычное изображеніе князя замѣнилось св. Георгіемъ.

Авторъ Повѣсти о взятіи Царяграда поясняетъ, что змѣй означаетъ бусурманство. Легенда объ орлѣ, связанная съ преданіемъ о построеніи города, возникла у римлянъ въ вѣкъ ихъ могущества. Орелъ царственно парящій сталъ знаменемъ господства. Византія—новый Римъ, присвоивъ себѣ орла, какъ знамя господства, перенесла на себя и преданіе объ основаніи города.

Въ борьбѣ змѣя съ орломъ видна основная мысль автора, примѣненная къ Руси и мусульманамъ. Этотъ христіанскій орелъ, какъ противуположность бусурманскому змѣю, былъ вскорѣ принятъ Иваномъ III въ печать и знамя государственное.

Паденіе Византіи, представлялось нашимъ книжникамъ, какъ казнь грековъ за ихъ латинство. Подобная мысль выражена и въ другой повѣсти XV вѣка: О взятіи Новагорода. Грозное поведеніе Москвичей въ Новѣгородѣ представлено какъ наказаніе за отступленіе отъ православія. Обвиненіе это конечно несправедливо, но оно указываетъ на способъ воззрѣнія на политическія событія: всякое историческое явленіе непремѣнно получаетъ религіозный характеръ. Всякое сношеніе съ Литвою есть латинство; дѣйствія Новогородцевъ противъ Московскаго

великаго князя суть дѣйствія духа злобы противъ благочестія дѣлателя.

Такъ названъ Иванъ III въ сказаніи о взятіи Новагорода, или сказаніи о томъ, какъ онъ смирилъ гордость мужей Новогородскихъ. Отмѣтимъ страстность тона въ описаніи этого событія въ сказаніи и въ грамотахъ (митрополита Филиппа I-го): Мароа посадница сравнивается съ Іезавелью, Иродіадою, Далилою. «Новогородцы повинны въ томъ, что старины забыли, забыли святого Владиміра, послу великаго князя лаяли, людей перебили»... Неудачи ихъ и случайная гибель на Ильмень озерѣ—божья кара. «Земля Новогородская грозою государя вывоевана и выжжена и выбита, и вытравлена вся—чего надъ ними отъ вѣка не бывало. А то все зло и пагуба имъ сталася отъ самихъ ихъ, за лукавство, за неправду, за отступленіе къ латинству. И земская ихъ бѣда и людская кровь—на тѣхъ головахъ на измѣнныхъ и на ихъ душахъ въ вѣцѣ будущемъ». Мы привели это мѣсто чтобы яснѣе видѣть какъ созрѣла въ концѣ XV-го вѣка политическая страстность, карающая измѣнниковъ даже за гробомъ.

Внутренній переворотъ совершался на Руси въ то время, когда мы встрѣтились, послѣ болѣе чѣмъ двухъ-вѣковой разлуки, съ Западною Европою. Про-

слѣдимъ эту встрѣчу по памятникамъ письменности XV вѣка. Посмотримъ, какое впечатлѣніе произвела на москвичей Европа.

При отцѣ Ивана III, Василіи Темномъ, ѣздили съ митрополитомъ Исидоромъ на Флорентійскій соборъ русскіе духовные. Одинъ изъ нихъ оставилъ путевыя записки, гдѣ повѣствуетъ о достопримѣчательностяхъ нѣмецкихъ и итальянскихъ городовъ. «Въ Дерптѣ,—говоритъ онъ—палаты каменныя, чудныя; такихъ нѣтъ у насъ, мы такихъ не видывали». Въ монастырѣ, въ Любекѣ, видѣлъ онъ «мудрость недоумѣнную и несказанную: какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на рукахъ. Зазвѣнитъ колокольчикъ, слетаетъ ангелъ сверху и сноситъ вѣнецъ, кладетъ его на Пречистую. Потомъ пойдетъ звѣзда какъ по небу и глядя на нее идутъ три волхва. Передъ ними человѣкъ съ мечемъ, а за ними другой съ дарами. Волхвы подали дары Христу и поклонились»...

Въ Люнебургѣ нашего путешественника поразилъ фонтанъ: «среди города столпы устроены изъ мѣди—позолочены. У каждаго столпа люди пpиpяжены тоже мѣдные. Текутъ воды сладкія и холодныя, у инаго изо рту, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глазъ, и текутъ шибко. И люди эти поятъ водою весь городъ». Онъ дивится приводному ко-

лесу на мельницѣ, дивится черепицѣ. (Крыты дома досками изъ камня мудренаго) и многому другому.—Флоренція произвела на него сильное впечатлѣніе. «Тамъ дѣлаютъ камни и аксамиты съ золотомъ, сукна скарлатныя: товару всякаго и садовъ масличныхъ множество. Ту же видѣхомъ древіе кедръ и кипарисъ; кедръ яко русская сосна, а кипарисъ корою яко липа: хвоя мала, кудрява и мягка. И есть во градѣ томъ божница — камень марморъ бѣлъ да черпъ. У божницы той устроенъ столпъ и колокольница, и хитрости ея недоумѣетъ умъ нашъ. И ходили наверхъ ея и ступеней насчитали 450». «Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ вода и ѣздятъ на баркахъ»... Тамъ путешественникъ обратилъ вниманіе на византійскій характеръ постройки церкви св. Марка.

Поѣздка на Флорентійскій соборъ открыла намъ путь въ Италію. Сношенія съ этой страною возобновились во время сватовства великаго князя Ивана III за Софію Палеологъ. Послѣ ихъ брака выписываются изъ Италіи мастера, строители церквей и палатъ, добыватели желѣзной руды, литейщики и монетчики...

Знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти произвелъ сильное впечатлѣніе въ Москвѣ своими строительными пріемами. Лѣтописецъ удивляется быстротѣ, съ какою сломали старое зданіе: «И чудно видѣть, что три года дѣлали—въ одну недѣлю развалили такъ, что не успѣвали вывозить каменья». Съ удивленіемъ разсказываетъ лѣтописецъ о томъ, какъ жгли каменья, какъ приготовляли известь: «Все не по нашему, а вышло лучше нашего». Блокъ, воротъ и циркуль равнымъ образомъ приводятъ лѣтописца въ изумленіе.—Нашъ посолъ Толбузинъ разсказывалъ о хитростяхъ, какія онъ видѣлъ въ домѣ самаго Аристотеля, какъ напримѣръ, блюдо съ чашей, изъ которой можно лить по желанію и вино, и медъ, и воду. О Венеціи этотъ же Толбузинъ разсказывалъ, что море понимаетъ городъ по три раза въ день, но хитрецы не допускаютъ наводненія. Ему же лѣтописецъ приписываетъ различныя темныя и баснословныя свѣдѣнія о Венеціи, что будто тамъ хранятся двѣнадцать камней самоцвѣтныхъ, что вѣтеръ разъ занесъ къ нимъ какого то мудраго человѣка, у котораго они умъ отняли хитростію, и тому подобное.

Дипломатическія сношенія Россіи съ Западными государствами открылъ Николай Поппель, авантюристъ, заѣхавшій въ «невѣдомые» края. По возвра-

щеніи въ Германію, онъ объявилъ императору Фридриху III, что Московскій князь вовсе не подвластенъ Ордѣ и Польскому королю, что владѣнія его гораздо обширнѣе владѣній послѣдняго, что онъ самъ сильнѣе и богаче его. Черезъ три года императоръ послалъ этого же самаго Поппеля посломъ въ Москву.

По пріѣздѣ Поппель просилъ у великаго князя пріема на единѣ, но ему велѣно говорить передъ боярами.

«Ты намъ служить хочешь, мы тебя пожалуемъ и впредь будемъ жаловать. А что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы—государи на своей землѣ изначала, а поставленіе имѣли отъ Бога какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы и дѣтямъ нашимъ быть такъ, какъ и мы, государями на своей землѣ. А поставленія мы ни отъ кого не хотѣли прежде и теперь не хотимъ» *).

Что лучше можетъ обрисовать нашу дипломатическую встрѣчу съ Европою.

Прежде чѣмъ коснуться событій, возбудившихъ умственныя силы русскихъ и раздѣлившихъ ихъ на политическія и религіозныя партіи въ эпоху Ивана III, остановимся на одномъ замѣчательномъ образцикѣ нашей коренной образованности, на «Посла-

*) Исторія россіи Соловьева т. V глава четвертая.

нія архіепископа Ростовскаго Вассіана къ великому князю Ивану Васильевичу на Угру». Этотъ литературный памятникъ, по своему содержанію, сдѣлалъ бы честь любой просвѣщенной націи и древняго и новаго времени. Языкъ автора, его умѣнье пользоваться священнымъ писаніемъ, и русское историческое сознаніе дѣлаютъ это произведеніе украшеніемъ нашей древней литературы.

Поводомъ къ написанію посланія было странное поведеніе великаго князя, во время нашествія хана Золотой Орды, уже бывшей наканунѣ своего паденія. Иванъ Васильевичъ, по совѣту приближенныхъ къ нему бояръ, думалъ отдать Москву непріятелю и переселиться на сѣверъ, ему подвластный и знакомый, послѣ его походовъ на Новгородъ. Жену свою великій князь отослалъ вмѣстѣ съ казною на Бѣлоозеро, приказавъ ѣхать далѣе, если Москва будетъ взята. Совѣтники напоминали государю о суздальскомъ пораженіи, когда татары взяли въ плѣнъ отца его и напоминали о бѣгствѣ Димитрія Донскаго отъ Тохтамыша. Москва же помнила другія событія: народъ московскій, бояре, духовные и сама мать великаго князя, Марія Ярославовна, были всѣ за одно и хотѣли, чтобы Иванъ Васильевичъ шелъ на враговъ отечества.

Въ кремлѣ Вассіанъ рѣзко говорилъ ему о необходимости сразиться съ татарами и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Дай воиновъ мнѣ, и я, старый, не уклоню лица передъ татарами». Иванъ Васильевичъ отправился въ походъ, но не сталъ въ виду враговъ; а вскорѣ послалъ склонять татаръ къ миру челобитьемъ и дарами. Узнавъ объ этомъ, Вассіанъ написалъ ему посланіе.

Смиренно, съ должнымъ уваженіемъ начинаетъ Вассіанъ бесѣдовать съ великимъ княземъ, «благовѣрнымъ, пресвѣтлѣйшимъ въ царяхъ, преславнымъ государемъ своимъ». Онъ молитъ, чтобы величество не прогнѣвалось на смиреніе того, кто дерзнулъ ему уста ко устомъ глаголати. Но рядомъ съ этимъ архипастырь высказываетъ мужественное сознаніе своего долга писать, какъ Богъ вразумитъ его, ради спасенія, на крѣпость и утвержденіе государевой державѣ. «Наше дѣло, государь великій, напоминать вамъ, слушаться насъ — дѣло ваше».

«Какъ добрый воинъ Христовъ послѣдуй Евангельскому великому слову: ты еси пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы»...

«Ты же, государь, не какъ наемникъ, а какъ пастырь истинный, потщись избавить врученное тебѣ стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка»...

«И по твоемъ отшествіи изъ Москвы, мы непрестанно молимся о побѣдѣ на враговъ и надѣемся получить ее отъ всемилостиваго Бога... Нынѣ же слышимъ: ты смиряешься передъ бусурманомъ Ахматомъ въ то время, какъ онъ похваляется передъ тобою и передъ твоимъ отечествомъ. Ты молишь его о мирѣ, шлешь пословъ къ нему въ то время, какъ онъ гнѣвомъ дышетъ на тебя... Дошли до насъ слухи, что прежніе твои развратники не перестаютъ нашептывать тебѣ льстивыя слова и совѣтуютъ не противиться супостатамъ. Омрачилось неразумное ихъ сердце. Не слушай совѣта ихъ. Что же совѣтуютъ эти льстецы, ложно называющіеся христіанами? Они совѣтъ даютъ бросить щиты свои и, ни мало не сопротивляясь окаяннымъ сыроядцамъ, предать христіанство, предать отечество, а русскимъ, какъ бѣглецамъ, скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, о велемудрый государь, отъ какой славы и въ какое безчестье сводятъ они твое величество, сколько народа погибнетъ и сколько церквей Божіихъ будетъ разорено! У кого каменное сердце? кто не восплачетъ о сей погибели? Убойся и ты, о пастырю: отъ твоихъ рукъ взыщетъ Богъ кровь погибшихъ. Куда ты хочешь бѣжать, гдѣ думаешь воцариться, погубивъ врученное тебѣ отъ Бога стадо?

Слушай, что говоритъ пророкъ: если ты вознесешься какъ орелъ и посреди звѣздъ устроишь гнѣздо себѣ—и оттуда тя свергну, рече Господь».

Цѣлымъ рядомъ библейскихъ изреченій Васіанъ придаетъ мужество великому князю и тутъже приводитъ слова Демокрита философа объ обязанностяхъ князя. Убѣдивъ государя въ необходимости идти на враговъ, архипастырь напутствуетъ его благословеніемъ и примѣромъ предковъ. Онъ напоминаетъ объ Игорѣ, Святославѣ и Владимірѣ иже на греческихъ царѣхъ дань имали, о Владимірѣ Мономахѣ—како бился съ окаянными половци за Русскую землю и сильнѣе всего говоритъ о Димитріи—какое мужество и храбрость показалъ онъ, за Дономъ, надъ тѣми же татарами, какъ самъ бился впереди всѣхъ и не щадилъ жизни за христіанство. «Подобно святымъ мученикамъ, которые на смерть текли съ радостію, сей боголюбивый и крѣпкій князь не усумнился, не убоялся татарскаго множества, не обратился вспять и не сказалъ самъ себѣ: жену имѣю и дѣтей и большое богатство; если и возьмутъ мою землю, то поселюсь въ другомъ мѣстѣ. Но не такъ думалъ онъ, а сталъ лицомъ передъ окаяннымъ волкомъ Мамаемъ, защищая отъ устъ его стадо Христовыхъ овецъ. За то и Богъ не умедлилъ, но вско-

рѣ послалъ ему помощь, не помянулъ его прежнихъ грѣховъ. И донынѣ онъ похваляемъ и славимъ не томко отъ человѣкъ, но и отъ Бога»... Эти слова Вассіана указываютъ на наше національное просвѣщеніе. Мы знали свою исторію, дорожили ею и пользовались ея уроками. И въ XV вѣкѣ это примѣръ не единственный: въ Москвѣ читаются и усиленно переписываются лѣтописи и другіе памятники древней Кіевской эпохи.

Лѣтъ черезъ десять, послѣ появленія Вассіанова посланія, Русская земля помутилась новизнами, занесенными съ Запада.

Эпоха Ивана III-го, эпоха политическаго и нравственнаго переворота, ознаменовалась появленіемъ у насъ ереси жидовствующихъ. Проповѣдники ереси, подвергнувъ критикѣ учрежденія церковныя и анализу догматы православной вѣры, вызвали въ духовенствѣ реформы и улучшенія, вызвали въ писателяхъ потребность распространять ученіе вѣры въ народѣ и обличать еретическія заблужденія.

Среди множества рукописныхъ книгъ у насъ нельзя было найти не только полной Библіи, но и пророческихъ книгъ, списанныхъ вмѣстѣ. Архіепископъ покореннаго Москвою Новагорода, бывшій Чудовскій архимандритъ, Геннадій Гонзовъ, совершилъ подвигъ, подобный тому, за который про-

славляютъ Лютера: онъ составилъ первую русскую Библію. Онъ собралъ всѣ списки отдѣльныхъ книгъ Св. Писанія, дополнилъ ихъ новыми переводами съ латинскаго, при помощи монаха бенедиктинца и русскаго ученаго Димитрія Герасимова.

Въ тоже самое время другой дѣятель Іосифъ Санинъ, основатель монастыря близь Волоколамска, далъ въ руки вѣрующимъ, но не ученымъ, какъ онъ, людямъ обширную книгу въ собственномъ значеніи этого слова. Въ этой книгѣ, названной «Просвѣтителемъ», авторъ излагаетъ всѣ догматы православной вѣры, доказываетъ непосредственно связь ихъ съ священнымъ писаніемъ ветхаго и новаго завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ разбираетъ и опровергаетъ ученіе еретиковъ жидовствующихъ. Изложеніе Іосифа ясно, доводы доказательны, и богословскія свѣдѣнія обширны. Съ искреннею теплотою говоритъ онъ о предметахъ вѣры, съ страстною горячностію нападаетъ на враговъ церкви. Предисловіе къ Просвѣтителю начинается величавою картиною русскаго христіанскаго просвѣщенія, при чемъ крещеніе Руси связывается съ міровыми событіями искупленія рода человѣческаго и проповѣдью апостоловъ.

Въ послѣднихъ главахъ Просвѣтителя мы находимъ странное ученіе нетерпимости къ еретикамъ. Многими примѣрами изъ церковной исторіи дока-

зывается необходимость казнить ихъ смертію. Есть также особая глава объ обязанностяхъ царя, о необходимости царской власти, о томъ какъ царь долженъ блюсти вѣру и истреблять враговъ ея.—Что значитъ это ученіе нетерпимости, котораго не знала Русь прежде того? Что значитъ это ученіе о царской власти, когда еще самъ великій князь, не смотря на бракъ съ царственной Софіею, не называлъ себя царемъ? Все это были новизны, проповѣдникомъ которыхъ явился Іосифъ Санинъ. Своими писаніями онъ подготовлялъ общественное мнѣніе къ необходимости царской власти и тѣмъ возстановлялъ противъ себя тѣхъ, которые не забыли удѣльнаго порядка и еще надѣялись на ослабленіе власти Московскаго государя. Такимъ образомъ Іосифъ становится во главѣ политической партіи. Съ наступленіемъ этого желаннаго русскаго царства онъ ждетъ порядка, устроенія и спасенія отъ ненавистныхъ ему еретиковъ.

Оба преслѣдователя ереси, Геннадій и Іосифъ, являются устроителями и новаго церковнаго порядка. Геннадій писалъ посланія къ духовнымъ лицамъ, гдѣ онъ открывалъ различные безпорядки и предлагалъ средства для просвѣщенія невѣжественнаго низшаго духовенства. Его забота объ училищахъ и уничтоженіе обычая давать санъ

священника за деньги служатъ образцикомъ его просвѣтительной дѣятельности.

Іосифъ преобразовываетъ бытъ монашескій: вводитъ въ монастырь неслыханную дотолѣ строгость и старается объ обогащеніи обителей. — Монастыри наши возникали силою одного лица, и часто со смертью основателя въ нихъ падало благочестіе. Іосифъ въ заботѣ о будущемъ своего монастыря написалъ уставъ, долженствовавшій поддерживать иноческую жизнь и монастырское устройство и послѣ его смерти. Въ Іосифѣ мы встрѣчаемся въ первые съ писателемъ русскимъ, обзоръ литературной дѣятельности котораго занялъ бы у насъ много времени. Онъ оставилъ намъ множество обширныхъ посланій, куда включены разсказы изъ церковной исторіи Малой Азіи и Греціи и сказанія о русскихъ событіяхъ—плодъ его собственныхъ наблюденій. Его «Сказаніе о монастыряхъ русскихъ» составлено имъ какъ воспоминаніе о собственномъ странствованіи по обителямъ; оно вводитъ насъ въ монастырскую жизнь своего времени.

Относясь съ горячностью къ тому, что онъ почиталъ за истину, Іосифъ съ безпощадною строгостью преслѣдуетъ еретиковъ и въ ихъ отступленіи видитъ опасность для отечества.

Не даромъ встрѣтились мы съ Европою, кото-

рая въ то время отдалась горячему религіозному чувству, но не простодушному, непосредственному чувству, какъ во времена крестовыхъ походовъ, а чувству страстнаго протеста католичеству со стороны реформаторовъ и страстнаго преслѣдованія ересей со стороны католичества. То было время, когда Лютеръ началъ переводить свою библію, и только что зажглись костры инквизиціи. Такимъ образомъ Европа повліяла на насъ, и духомъ реформаціи, и духомъ католичества, встревоженнаго реформаціею. Геннадій, въ одномъ изъ своихъ посланій, указываетъ на благочестивую инквизицію и одѣваетъ осужденныхъ еретиковъ въ одежды бѣсовскія съ надписью на каждомъ: се сатанино воинство. Іосифъ стойко, въ теченіи двадцати лѣтъ, борется съ еретиками, требуя для нихъ лютыхъ казней и смертей и достигаетъ того, что въ Москвѣ запылали костры.

Въ то же время, въ концѣ XV-го столѣтія, образовалась у насъ другая монашеская партія—пустынниковъ. Они основываютъ скитское житіе и возстаютъ противу права монастырей владѣть селами. Они же отстаиваютъ христіанскую терпимость и всепрощеніе и враждебно относятся къ инквизиціонному духу. По этимъ двумъ важнымъ вопросамъ возникаетъ письменный споръ между Іосифомъ и инокомъ кня-

земъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ *) ученикомъ преподобнаго Нила (Майкова) Сорскаго. Нилъ и его послѣдователи носятъ названіе Заволжскихъ старцевъ.

Религіозные и политическіе интересы соединились между собою, и обѣ религіозныя партіи получили политическое значеніе. Драма разыгралась около двухъ наслѣдниковъ Ивана III-го: Василія, сына его отъ царственной Софіи, и Димитрія—внука, сына Елены Румынки (Волошанки). За Софію и Василія стояли Іосифляне, видѣвшіе въ нихъ исполненіе завѣщаннаго Византіею преданія о новомъ Русскомъ царствѣ. Около Димитрія сгруппированы удѣльные и боярскіе интересы и вмѣстѣ съ тѣмъ наносные интересы, еретическіе, потому что ересью была увлечена и сама Елена. Хотя Заволжскіе старцы и не мѣшались въ дѣла міра сего, но ихъ ученіе о терпимости было по душѣ еретикамъ, а ученіе о нестяжательности монаховъ вызывало къ нимъ сочувствіе со стороны людей, враждебныхъ къ Іосифу, слѣдовательно и къ Василію и Софіи.

Литературная борьба двухъ религіозныхъ партій

*) Вассіанъ, въ мірѣ князь Василій Патрикѣевъ, прямой потомокъ Гедимина: отъ его двоюроднаго брата, тоже князя Патрикѣева, происходятъ князья Голицыны и Куракины.

продолжается и въ государствованіе Василія Ивановича. Ученикъ Іосифа Волоцкаго, митрополитъ Даніилъ, былъ представителемъ одной изъ нихъ; представителемъ другой былъ инокъ князь Вассіанъ Патрикѣевъ. Возвращенный въ Москву изъ ссылки, которой подвергся во время опалы на приверженцевъ Димитрія — внука, князь инокъ жилъ роскошно и хлѣбосольно въ Симоновомъ монастырѣ и пользовался большимъ значеніемъ въ боярствѣ. Съ нимъ тогда сошелся Максимъ Грекъ, вызванный великимъ княземъ изъ Ватопедскаго монастыря, на Аѳонской горѣ. Максимъ родился въ Албаніи, образованіе получилъ въ Венеціи и Флоренціи. Взглядъ его на монастырскія имѣнія сблизилъ его съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Максимъ Грекъ написалъ повѣсть о совершенномъ иноческомъ жительствѣ, гдѣ въ примѣръ и въ противуположность Русскому монашеству указываетъ на строгость жизни монаховъ картезіанскаго ордена. Цѣль моя, говоритъ авторъ, не восхвалять латинскую вѣру, а показать, что и у латинянъ есть попеченіе о евангельскихъ заповѣдяхъ, что имъ должны подражать и мы въ строгихъ правилахъ иноческой жизни, да не обрящемся позади ихъ.

Собственно на латинянъ Максимъ Грекъ нападалъ за излишнее сочувствіе ихъ къ классическому

міру. То была эпоха возрожденія наукъ и искусствъ. Сочувствіе Максима было на сторонѣ Савонароллы, который въ ревности къ религіи дошелъ до того, что велѣлъ сжигать книги Данте и Петрарки, наполненныя миѳологическими вымыслами. Максимъ Грекъ писалъ противъ астрологіи и языческой вѣры въ судьбу и въ «колесо счастія», что указываетъ на то, что въ то время къ намъ начало проникать астрологическое ученіе. Главныхъ еретиковъ, протопопа Алексѣя и дьяка Ѳедора Курицына, еще Іосифъ въ своемъ «Просвѣтителѣ» обличалъ въ пристрастіи «къ звѣздозаконію и астрологамъ и многимъ баснотвореніямъ». Громники, травники, зодѣи были тогда еще новостью у насъ и возбуждали любознательность нѣкоторый части нашихъ грамотниковъ.

Максимъ Грекъ былъ вызванъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ для пополненія нашей духовной литературы переводами съ греческаго. Не зная ни церковно-славянскаго, ни русскаго языка, онъ принялся за трудъ съ помощью двухъ толмачей изъ русскихъ, которые хорошо знали по латыни и могли понимать его. Сочиненій Максимъ Грекъ оставилъ числомъ 134: то были разныя поучительныя статьи, но преимущественно посланія къ разнымъ лицамъ то обличительныя, то нравоучительныя. Въ

писаніяхъ противъ иновѣрцевъ и еретиковъ онъ стоялъ гораздо выше и основательнѣе всѣхъ прежнихъ нашихъ писателей. Въ богословскихъ своихъ познаніяхъ Максимъ считалъ ближайшимъ своимъ руководителемъ св. Іоанна Дамаскина. Изъ свѣтскихъ языческихъ писателей онъ ссылается на Гомера и Гезіода, на Платона и Аристотеля, на Ѳукидита и Плутарха и многихъ другихъ. Философію онъ называетъ священною, потому что она учитъ о Богѣ, Его правдѣ и промыслѣ; признавалъ полезнымъ изученіе логики и словесныхъ наукъ—и вообще одобряетъ всякое «внѣшнее показаніе», т. е. науку.

Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ сталъ наконецъ касаться и другихъ сторонъ русской жизни и государственнаго быта: неправосудія начальниковъ и лихоимства, роскоши, сребролюбія, наконецъ суевѣрныхъ, ему непонятныхъ обычаевъ. При исправленіи книгъ священнаго писанія, за незнаніе Русскаго языка и за дружбу съ такими людьми, каковъ былъ не чуждый ереси, Вассіанъ Патрикѣевъ, Максимъ Грекъ былъ заподозрѣнъ въ ереси. Его осудили пристрастнымъ и строгимъ судомъ и подвергли тяжкому заключенію.

Максимъ Грекъ, невольно оказался представителемъ политической партіи: къ нему примкнули недовольные новымъ царственнымъ порядкомъ, когда

онъ, поднялъ голосъ осужденія на великаго князя Василія Ивановича за разводъ съ безплодною супругою, Саломоніею и насильственное ея постриженіе.

Но уваженіе къ сочиненіямъ Максима Грека стало рости еще при жизни его: ихъ стали собирать въ сборники, списывать и распространять. Самое созваніе собора о церковномъ благочиніи при царѣ Іоаннѣ Грозномъ было слѣдствіемъ обличеній, писанныхъ нѣсколькими годами ранѣе того, Максимомъ Грекомъ. Когда появилась новая ересь, а съ нею и новые жгучіе вопросы о вѣрованіяхъ, и наши книжники-самоучки не въ силахъ были дать самостоятельнаго отпора вольнодумцамъ; тогда выступилъ со своимъ богословскимъ сочиненіемъ ученикъ Максима Грека, инокъ Зиновій Отенскій. Книга: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи» была, по мнѣнію историковъ русской церкви первая у насъ книга въ смыслѣ самостоятельныхъ глубокомысленныхъ сужденій.

Максимъ Грекъ почиваетъ въ Сергіевой лаврѣ съ наименованіемъ преподобнаго. Въ нашъ вѣкъ онъ признанъ «великимъ учителемъ русской церкви и страдальцемъ за евангельскія истины» *).

*) Обзоръ русской Духовн. литер. Преосв. Филарета Черниг.

Іоаннъ Грозный какъ писатель. Князь Курбскій въ перепискѣ съ царемъ и въ борьбѣ съ уніей на Волыни. Первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ. Князь Острожскій. Братства.—Дѣятельность митрополита Макарія. Литературное направленіе въ XVI-мъ столѣтіи. Домострой.

Представителями борьбы двухъ политическихъ и вмѣстѣ религіозныхъ партій явились, между прочими писателями, Іоаннъ Грозный и князь Андрей Курбскій. Послѣдній въ своей «Исторіи князя великаго Московскаго» проливаетъ свѣтъ на обѣ партіи. Онъ полонъ сочувствія къ Заволжскимъ старцамъ, къ Нилу Сорскому, Вассіану Патрикѣеву и учителю своему Максиму Греку. Ненависть къ «презлымъ Іосифлянамъ» у него слита въ одно съ недовольствомъ на царя Грознаго, на отца его Василія, на ненавистную бабку Софію. За то понятія Іосифа Волоколамскаго о царской власти, его неукротимый карательный духъ слышатся въ въ томъ, что Іоаннъ писалъ Курбскому. Сліяніе религіозныхъ и политическихъ взглядовъ въ одно

заставляетъ Іоанна словомъ Божіимъ оправдывать казнь своихъ измѣнниковъ подобно тому, какъ Іосифъ казнь еретиковъ считалъ дѣломъ душеспасительнымъ.

Припомнимъ слова историка:

«Двое потомковъ Мономаха, потомокъ старшей линіи, линіи Мстиславовой, князь Андрей Курбскій Смоленскій—Ярославскій и потомокъ младшей линіи, линіи Юрія Долгорукаго, Иванъ Васильевичъ Московскій, царь всея Руси и самодержецъ, сразились въ послѣдней усобицѣ словомъ» *).

Курбскій честно и славно служилъ Іоанну. Онъ первый бросался на стѣны крѣпостей, врѣзывался въ толпу враговъ и много получилъ ранъ въ сраженіяхъ. Извѣдавъ его мужество, послѣ Казанскаго взятія, царь оказывалъ ему довѣріе, бралъ его съ собою на богомолье, поручалъ усмирять мятежи. Наконецъ, послѣ неудачъ, въ войнѣ съ Ливонскимъ Орденомъ, онъ послалъ на нѣмцевъ Курбскаго, своего любимаго, какъ онъ его назвалъ на прощанье, и Курбскій вновь достойно послужилъ царю: въ два мѣсяца одержалъ восемь побѣдъ надъ рыцарями и разгромилъ Ливонію.

Но вскорѣ Іоаннъ лишился своего лучшаго полко-

*) Соловьева исторія Россіи, т. VI, глава четвертая.

водца: Курбскій бѣжалъ. Онъ измѣнилъ Іоанну и сталъ служить врагу его, королю Польскому. Бѣжалъ онъ въ слѣдствіе того, что началъ испытывать на себѣ гнѣвъ царя, что былъ свидѣтелемъ перемѣны, совершившейся въ Іоаннѣ, свидѣтелемъ безчисленныхъ казней, которымъ подвергались одинъ за однимъ: князья, бояре, духовные, жены и дѣти. «Не испросихъ—пишетъ онъ Іоанну—умиленными глаголы; не умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея же милости архіерейскими чинами. «Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? Какихъ бѣдъ и напастей на меня ты неподвигнулъ? Какихъ лжесплетеній презлыхъ на меня не взвелъ?»

Опала лежала на немъ; мысль о позорной казни послѣ столькихъ заслугъ ожесточила его. И вотъ, уже свободный, на литовской почвѣ, пишетъ онъ Іоанну письмо, исполненное негодованія и укоровъ. Курбскій говоритъ не только за себя; чувство личной мести у него сливается въ одно съ чувствомъ мести за падшихъ друзей и братій. Любовь къ ближнимъ, любовь къ родинѣ возвышаетъ рѣзкія письма князя до благороднаго протеста. Онъ самъ испытывалъ это благородное одушевленіе, когда прини-

малъ тонъ пророка, проникнутаго сознаніемъ Божьей правды.

«За что, о царь, сильныхъ во Израили погубилъ ты и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою ихъ кровью пороги церковные обагрилъ? На доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія, гоненія и смерти умыслилъ. Ты оболгалъ православныхъ въ измѣнѣ и въ чародѣйствѣ. Ты старался усердно свѣтъ во тьму преложить, сладкое прозывать горькимъ. Чѣмъ провинились они передъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель? Не прегордыя ли царства храбростію своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? не претвердые ли города германскіе разумомъ ихъ отъ Бога тебѣ даны были? Или думаешь что ты безсмертенъ...

Іоаннъ не уступалъ Курбскому въ начитанности священнаго писанія, хотя и не былъ столь широко образованъ, какъ Курбскій. Одинаковая страсть къ «книжнымъ словесамъ» и прежде могла быть связью между ними. Іоаннъ не удержался и отвѣчалъ своему измѣннику.

Первое длинное посланіе его, названное Курбскимъ широковѣщательнымъ и многошумящимъ, не смотря на нестройность цѣлаго, на предложенія безъ связи и на переходы отъ неоконченной одной мысли къ изложенію другой, указываетъ на начитанность и даже на талантъ. Іоаннъ искусно пользуется религіознымъ чувствомъ Курбскаго. чтобы доказать ему его неправоту. Основная мысль его та, что подданные должны быть вѣрными слугами царя, а не «самочинниками», что ихъ первый нравственный долгъ подчиняться верховной власти, а не захватывать ее себѣ въ руки.

«Ты говоришь, что я, растлѣнный умомъ, ставлю самого себя судьею между мной и боярами. Я хотѣлъ владѣть вами; это мое право свыше. Вы не хотѣли быть подъ моею властію и заслужили опалы. Кто же растлѣнный—вы или я? Всю власть съ меня сняли, и сами государились»...

Свои поступки Іоаннъ оправдываетъ безусловно и вину за нихъ возлагаетъ на своихъ измѣнниковъ. Онъ разсказываетъ подробно о бѣдствіяхъ юности своей. Разсказъ этотъ дышетъ правдой и простотой: «Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать какъ иностранцевъ или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ! ни въ чемъ намъ воли не было. ни въ чемъ

не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ съ дѣтьми. Одно припомню: бывало мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ.—Что сказать о казнѣ родительской? Изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто это было ихъ наслѣдственное добро»... Въ отвѣтъ на обвиненіе въ удаленіи отъ себя совѣтниковъ Іоаннъ говоритъ о вредѣ, какой эти совѣтники приносили древнимъ царствамъ: отъ нихъ пришло въ разореніе и Греческое царство. Отъ друзей Курбскаго: Сильвестра и Адашева Іоаннъ отнимаетъ всѣ доблести и самый родъ князей Курбскихъ онъ обвиняетъ въ разныхъ неправдахъ. Надъ подвигами князя Андрея царь глумится, исчисляя ихъ одинъ по одному и ниспровергая ихъ достоинство. Іоаннъ не оставляетъ ни одного выраженія Курбскаго безъ отвѣта. Въ заключеніе говоритъ, что Курбскій, намѣревавшійся положить съ собою въ гробъ свое посланіе, не достоинъ христіанскаго погребенія. «Многошумящее посланіе» оканчивается нежеланіемъ обличать безумнаго.

Въ своемъ второмъ письмѣ къ царю, въ краткомъ отвѣщаніи на зѣло широкую эпи-

столію, Курбскій сильно укоряетъ царя за ядовитыя слова, за «кусательныя рѣчи» (Іоаннъ въ своемъ письмѣ не разъ называетъ его собакою) и говоритъ, чтобы царь постыдился писать такъ нескладно. подобно неистовой бабѣ—въ чужую, просвѣщенную страну и что онъ, злополучный изгнанникъ, заслуживаетъ не укоризны, а утѣшенія.

«А хотѣлъ я, о царь, на каждое слово твое отписать, но удержахъ руку съ тростію сего ради: яко и въ прежнемъ своемъ посланіи написахъ ти, возлагаючи все сіе на Божій судъ. Лучше разсудихъ: здѣ въ молчаніи пребыти и тамо глаголати предъ маестатомъ Христа моего съ дерзновеніемъ. А къ тому еще и то: не слѣдуетъ мужамъ рыцарскимъ сваритися аки рабомъ; срамно христіанамъ отрыгати глаголы изъ устъ нечистые и кусательные».

Изъ вновь покореннаго города, Владиміра Ливонскаго, или Вольмара, Іоаннъ написалъ второе письмо Курбскому и на этотъ разъ безъ бранныхъ словъ и съ достоинствомъ, но съ новыми обвиненіями бояръ и самого Курбскаго въ измѣнѣ. Іоаннъ торжествовалъ послѣ побѣды и радъ былъ показать Курбскому, что побѣды не зависятъ отъ полковод-

цевъ — бояръ, а только отъ одного царя. Вольмаръ взятъ былъ и безъ Курбскаго и безъ тѣхъ прежнихъ воеводъ, справедливо наказанныхъ царемъ, о которыхъ сѣтуетъ Курбскій въ письмѣ своемъ. Эта мысль давала Іоанну полное торжество надъ врагомъ своимъ. Послѣ отвѣта на него Курбскаго—съ выписками изъ Цицерона, драгоцѣнная для исторіи переписка прекратилась. Много лѣтъ спустя, послѣ взятія Стефаномъ Баторіемъ Полоцка, Курбскій какъ бы въ отвѣтъ на прежнее, смиренно—гордое посланіе Іоанна, изъ взятаго имъ тогда Вольмара, указываетъ царю на бѣдствія Россіи какъ на послѣдствіе его нечестія. Это письмо замѣчательно по изяществу и стройности рѣчи. Чувство ненависти къ гонителю здѣсь умѣряется чувствомъ глубокой скорби о перемѣнѣ, совершившейся въ Іоаннѣ и о бѣдствіяхъ Россіи.

Въ началѣ письма Курбскій напоминаетъ о томъ времени, когда Духъ святый пребывалъ въ царѣ, когда его чистая молитва какъ онміамъ ко престолу Господню восходила; царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами, блистала въ церкви тѣла его.

«Тогда народы различные варварскіе покорялись тебѣ и передъ полками христіанскими архангелъ ходилъ съ ополченіемъ своимъ. Все это

было тогда, когда ты былъ избранъ съ избранными мужами, былъ неповиненъ съ неповинными, по слову Давида». За тѣмъ Курбскій переходитъ къ настоящему, къ тѣмъ развратнымъ кромѣшникамъ, опричникамъ, которыми Іоаннъ окруженъ и противуполагаетъ прежній образъ жизни царя нынѣшнему. Онъ не распространяется о нечестіи, не входитъ въ подробности злодѣяній, о которыхъ повѣдаютъ приходящіе изъ Руси люди, но, положивъ перстъ на уста, удивляется зѣло и плачетъ. Письмо оканчивается убѣжденіемъ проснуться, вспомнить былое, принести покаяніе и исцѣлить въ себѣ яды смертоносные.

Заключимъ нашу сжатую бесѣду о Курбскомъ оцѣнкою его главнаго сочиненія—Исторіи князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, иже слышахомъ у достовѣрныхъ людей и иже видѣхомъ очима нашима. — Оцѣнка принадлежитъ издателю сочиненій Курбскаго, академику Устрялову.

«Курбскій постигъ тайну историческаго искуства, котораго образцы имѣлъ безъ сомнѣнія передъ глазами. и оставилъ обыкновенную стезю русскихъ лѣтописцевъ. Доселѣ наши историки разсказывали происшествія безъ всякой связи, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Курбскій смотрѣлъ выше, стараясь объяснить причины Іоанновыхъ поступковъ добрыхъ и злыхъ. онъ имѣлъ цѣль опредѣлительную и устремлялъ къ ней всѣ свои мысли .

Іоаннъ обязанъ былъ блестящимъ успѣхом первыхъ лѣтъ своего царствованія довѣренности къ мужамъ разумнымъ. Бѣды пришли тогда, когда царь воздалъ «презлымъ за предобрѣйшее» и приблизилъ къ себѣ злыхъ наушниковъ.

«На этой мысли основано сочиненіе Курбскаго; она связываетъ всѣ событія и сообщаетъ сочиненію единство. Руководствуясь ею. авторъ начерталъ двѣ противуположныя картины: въ одной видимъ блескъ и славу, видимъ рядъ героевъ. завоевателей Казани, Астрахани, Ливоніи, грозныхъ мстителей за отечество; двадцатилѣтній государь ведетъ ихъ къ побѣдамъ. Въ другой картинѣ иное зрѣлище: тутъ являются уже скоморохи и человѣкоугодники; а храбрые синклиты выходятъ только на смерть позорную. Страшное слово: убіенъ, паки убіенъ, паки погубленъ такой то бояринъ, такой-то стратигъ, безпрестанно повторяемое, наводитъ ужасъ на читателя.—Прекрасное въ цѣломъ и въ планѣ, сочиненіе Курбскаго не менѣе замѣчательно и въ подробностяхъ: историкъ описывалъ не по слуху, а по собственнымъ наблюденіямъ, по крайней мѣрѣ большую часть важнѣйшихъ событій... Не только въ описаніи похода Казанскаго, но при всякомъ случаѣ, Курбскій обнаруживаетъ умъ наблюдательный, глубокое познаніе сердца человѣческаго; когда онъ говоритъ о битвахъ, мы живо представляемъ ратное поле, движеніе войскъ, сѣчу; когда разсказываетъ о бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ *) мы слышимъ шипѣніе змѣя. Какъ послушенъ ему языкъ русскій, какъ величественно его изображеніе доблестей и какъ язвительны его горькія укоризны! Смѣло можемъ сказать, рѣдкій изъ нашихъ писателей умѣлъ владѣть такъ удачно сильнымъ, величественнымъ словомъ нашимъ».

---

*) Топорковымъ, ученикомъ Іосифа Волоколамскаго.

Другія сочиненія Курбскаго переносятъ насъ въ юго-западную Русь, гдѣ начиналась тогда письменная борьба съ іезуитами и уніею. Тамъ на Волыни, въ своихъ помѣстьяхъ, пожалованныхъ королемъ, Курбскій провелъ остальную жизнь. Ревностный въ православіи, онъ старался укрѣпить своихъ единовѣрцевъ въ законѣ предковъ. Для этой цѣли онъ усердно заботился о переводѣ на русскій языкъ твореній великихъ учителей церкви и велъ переписку съ вельможами литовскими, предостерегая ихъ отъ козней іезуитовъ; онъ даже выучился латинскому языку, чтобы быть наравнѣ съ католиками. Онъ написалъ исторію Флорентійскаго собора и перевелъ нѣсколько бесѣдъ Іоанна Златоуста.

Года черезъ два послѣ прибытія на Волынь Курбскаго появился тамъ другой бѣглецъ изъ Москвы, не князь и не бояринъ, а бѣдный діаконъ Гастунской церкви въ кремлѣ, Иванъ Ѳедоровъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ съ отроческихъ лѣтъ прилежалъ книжному дѣлу. Онъ красно говорилъ рѣчи и писалъ посланія, какъ настоящій книжникъ, украшая свои мысли изреченіями священнаго писанія. И вотъ умному, начитанному царю захотѣлось завести книгопечатаніе на Москвѣ, и онъ совѣтовался о томъ съ тогдашнимъ митрополитомъ Макаріемъ.

Великій труженикъ книжнаго дѣла, митрополитъ Макарій благословилъ намѣреніе царя и при этомъ пояснилъ, что книгопечатаніе—«даръ свыше сходящій» и что мысль эта внушена царю самимъ Богомъ. Послѣ того озаботились пріисканіемъ мастеровъ. Царь поручилъ нѣмцу Шлитту набрать въ Нѣмецкой землѣ разныхъ мастеровъ и художниковъ, а въ томъ числѣ и типографщиковъ, но нѣмецкіе мастера не достигли Россіи. Потомъ, по просьбѣ царя, Датскій король прислалъ мастера завести у насъ книжное дѣло. Но прибывшій въ Москву типографщикъ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ царю принять вѣру лютеранскую, которая тогда только-что распространилась въ Даніи, и привезъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ излагалось Лютерово ученіе. Могъ ли православный царь принять такое предложеніе? Пригласить католика къ печатанію священныхъ книгъ было не менѣе того опасно. И вотъ оказались тогда у насъ свои, русскіе люди, постигшіе новое искусство и сверхъ того возлюбившіе его всѣмъ серцемъ. То были—діаконъ отъ церкви Николы Гостунскаго въ кремлѣ Иванъ Өедоровъ, да еще нѣкто Петръ Тимофѣевъ, по прозванію Мстиславецъ. Неизвѣстно, кто именно научилъ нашихъ первопечатниковъ, но надо полагать, что учители были итальянскаго, а не нѣ-

мецкаго происхожденія: это видно изъ того, что всѣ названія типографскихъ снарядовъ и названія мастеровъ не нѣмецкія, а итальянскія.—И такъ, нашлось два мастера печатника, которые взялись устроить дѣло. Товарищъ ихъ, Нефедьевъ, бывавшій въ Новѣгородѣ, говорилъ, что тамъ Васюкъ Никифоровъ—умѣетъ рѣчь (т. е. слова) всякую вырѣзывать; выписали Никифорова въ Москву. Стали потомъ пріискивать мѣсто для типографіи и нашли на Никольской улицѣ, гдѣ и возвели зданіе Печатнаго двора. Устроеніе типографіи продолжалось десять лѣтъ. Въ 1563 году, 19 апрѣля, начали печатать первую книгу, а 1 марта 1564 года она выпущена была въ свѣтъ. То были — Дѣянія Апостольскія, Посланія Соборныя и Святаго апостола Павла посланія.

Чистота, отчетливость буквъ и красота въ книгахъ первой печати нашей поразительна; вся азбука одной мѣры и одного рисунка. Азбука взята была изъ крупнаго полууставнаго письма нашего; строчныя буквы толсты, слегка изогнуты и наклонены вправо. Краска прекрасная и не только черная, но и красная (киноварь) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и въ рукописяхъ буквы окрашивались краснымъ цвѣтомъ.

Казалось, что успѣхъ дѣла въ самомъ его началѣ обѣщалъ дальнѣйшее его процвѣтаніе. Царь

не жалѣлъ своей царской казны на печатное дѣло и на успокоеніе мастеровъ. Но противъ нихъ и противъ дѣла печатанія возстала крамола съ низу. Переписчики, которыхъ было такъ много, поняли что, печатныя книги отобьютъ отъ нихъ выгоды. И стали они распространять въ народѣ клевету на печатниковъ и на самое ихъ дѣло. Это де еретики-волшебники и дѣло печатанія—дѣло худое. Невѣжды, подговоренные врагами печатанія, бросились на Печатный Дворъ и сожгли его. Печатникамъ пришлось бѣжать изъ Москвы. Они ночью тайкомъ выѣхали въ дальній путь, захвативъ съ собою самонужнѣйшія для своего дѣла орудія.

Куда же имъ было направить свой путь, какъ не въ Литву, гдѣ среди знатныхъ людей было нѣсколько защитниковъ православія, устроителей училищъ и братствъ? Близь Бѣлостока, въ своемъ владѣніи Заблудовѣ, жилъ тогда вельможа Ходкевичъ, получившій отъ Литовскаго короля санъ гетмана. Къ нему отправился діаконъ Ѳедоровъ съ цѣлью продолжать излюбленное имъ дѣло печатанія. Въ то время какъ Ѳедоровъ занялся у Ходкевича печатаніемъ «Евангелія Учительнаго», его сотрудникъ, Мстиславецъ Петръ нашелъ себѣ пріютъ у братьевъ Мамоничей въ Вильнѣ и на иждивеніе

этихъ вельможъ напечаталъ Евангеліе напрестольное и Псалтирь.

Панъ Ходкевичъ почему-то не могъ, или не хотѣлъ продолжать типографское дѣло и закрылъ типографію, печатника же думалъ оставить при себѣ для письменныхъ трудовъ. Ходкевичъ полюбилъ Ивана Ѳедорова за терпѣніе и кротость и передалъ ему во владѣніе небольшое помѣстье. Неудобно мнѣ—отвѣтилъ ему Ѳедоровъ — плугомъ или сохою и сѣяніемъ сѣмянъ жизнь мою сокращать; я имѣю вмѣсто плуга мое художество,—мои сосуды (т. е. орудія печати); вмѣсто сѣмянъ пшеницы, или ржи, могу сѣять духовныя сѣмена по вселенной. Я убоялся Христа моего—разсказываетъ такъ Иванъ Ѳедоровъ въ предисловіи къ позднѣе имъ напечатанной Библіи, — Который спроситъ у меня: лукавый рабе, зачѣмъ не отдалъ серебра Моего художникамъ, а закопалъ талантъ свой въ землю?

Отказался Иванъ Ѳедоровъ отъ всѣхъ удобствъ привольной жизни въ Заблудовѣ, у гостепріимнаго Ходкевича, и отправился во Львовъ, гдѣ имѣлъ друзей, призывавшихъ его потрудиться надъ печатаніемъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ.

Нищимъ пришелъ онъ въ незнакомый городъ, и сталъ онъ обходить богатыхъ и знатныхъ съ по-

клонами и слезными мольбами о помощи, но ничего не испросилъ. Но чего не испросилъ онъ у богатыхъ, то наконецъ дали ему бѣдные, «какъ вдовица евангельская помогли двумя лептами». И вотъ при помощи небогатыхъ гражданъ и немногихъ духовныхъ лицъ началъ онъ все-таки свое дѣло и приступилъ къ печатанію «Апостола», который былъ имъ оконченъ, по причинѣ скудости средствъ, только черезъ годъ (въ 1574 году). Бѣдность заставила Ивана Ѳедорова покинуть Львовъ. Передъ отъѣздомъ онъ заложилъ одному еврею всѣ типографскіе инструменты свои и формы и сверхъ того 140 книгъ рукописныхъ на русскомъ языкѣ.

Черезъ нѣкоторое время счастье озарило жизнь труженика.

На Волыни, въ своемъ городѣ Острогѣ, проживалъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ былъ кіевскимъ воеводою и обладалъ огромными богатствами. Въ королевствѣ многіе русскіе вельможи твердо держались вѣры своихъ предковъ; въ ряду ихъ князь Константинъ Константиновичъ до самаго конца своей жизни былъ столпомъ православной вѣры и въ борьбѣ съ іезуитами не мало руководился совѣтами своего друга, московскаго бѣглеца, князя Курбскаго. Когда іезуиты выступили съ своими училищами и стали воспиты-

вать въ нихъ не только дѣтей католиковъ, но и православныхъ, то князь Острожскій первый изъ русскихъ вельможъ выступилъ противъ нихъ со своею знаменитою школою, основанною еще отцомъ его, но имъ преобразованною въ академію. Во главѣ этого училища стоялъ грекъ (Лукарисъ), изучавшій науки въ Падуанскомъ и другихъ университетахъ Италіи.

Ревнителю просвѣщенія былъ на руку такой человѣкъ, какъ Иванъ Өедоровъ. Прослышавъ о немъ, князь Острожскій пригласилъ его къ себѣ вести у него дѣло печатанія. Князь Острожскій задумалъ напечатать цѣликомъ всю Библію, всѣ книги ветхаго и новаго завѣта. Дѣло это было мудреное и вмѣстѣ съ тѣмъ великое. Мудреное и многотрудное потому, что списковъ всѣхъ книгъ священнаго Писанія подъ руками не было. Нужно было достать ихъ всѣ заразъ, да притомъ хорошіе списки, правильные, безъ ошибокъ, свѣренные съ греческими.

Долго искали хорошихъ списковъ; много монастырей греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ обошли посланные княземъ Острожскимъ справщики. Доходили они и до вселенскаго патріарха въ Царѣградѣ, требуя со тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ книгъ добрыхъ, исправленныхъ. Только въ одной Москвѣ нашлись совершенные

списки. Ихъ испросилъ у царя Іоанна Васильевича посланникъ Польско-Литовскаго короля, по вѣрѣ православный, Михаилъ Гарабурда и доставилъ князю Острожскому.

Сильное орудіе появилось въ рукахъ православныхъ, которыхъ католики укоряли въ томъ, что они священнаго Писанія не знаютъ и въ рукахъ его не имѣютъ *).

Окончивъ великое свое дѣло—напечатанія всѣхъ книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта, нашъ первопечатникъ опять устремился во Львовъ, къ друзьямъ своимъ. Въ нуждѣ и горѣ окончилъ тамъ Иванъ Ѳедоровъ свою подвижническую жизнь, не успѣвъ даже выкупить, давно заложенные у еврея, типографскіе свои снаряды.

На могилѣ его положена простая плита съ надписями, достойными вниманія. Вверху: «Успокоенія и воскресенія изъ мертвыхъ чаю», а внизу: «Друкарь книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ», т. е. печатникъ книгъ, какихъ до него не бывало.

«Вотъ жизнь нашего перваго книгопечатника:

---

*) Послѣ словъ отъ имени князя, издателя Библіи, читаемъ въ Острожской Библіи и такую краткую замѣтку: *Сущія же благопріятныя и душеспасительныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта напечаташася мною, многогрѣшнымъ Іоанномъ Ѳедоровымъ сыномъ, з Москвы. въ богохранимомъ градѣ Острозѣ. въ лѣто отъ созданія міра 7089* (т. е. 1591 отъ Р. Хр.).

учился, трудился, достигъ неимовѣрнаго успѣха, напечаталъ подъ покровительствомъ самого царя первую на Руси книгу и принужденъ былъ бѣжать въ страну далекую, какъ бы преступникъ. Кланялся, молился, плакалъ, становился на колѣна, падалъ на землю, унижался, чтобы только продолжать свое дѣло—дѣло сѣянія Божіихъ словесъ. Житейскія выгоды отвергалъ, добровольно подвергался лишеніямъ, отдохнулъ душою, издалъ Библію, совершилъ великое дѣло и умеръ все таки въ нищетѣ, подъ тяжестью взятаго на себя подвига печатать, печатать—и печатать, и тѣмъ какъ можно болѣе распространять слово Божіе» *).

Черезъ три года послѣ бѣгства московскаго первопечатника, въ Москвѣ возобновилось понемногу книгопечатаніе. Оставленный Иваномъ Ѳедоровымъ шрифтъ оказался пригоднымъ къ дѣлу въ рукахъ учениковъ его. Царь учредилъ типографію при дворѣ своемъ и изъ Москвы даже перевозилъ ее съ собою въ слободу Александровскую—любимое свое мѣстопребываніе. Главнымъ хозяиномъ и заправителемъ печатнаго дѣла былъ тогда нѣкто Андроникъ—по прозванью Невѣжа. Тридцать пять лѣтъ трудился этотъ Андроникъ надъ книгопечатаніемъ и

*) Слова М. П. Погодина.

издалъ Евангеліе, Апостолы, Псалтири, Часовники и другія церковныя книги.

Свои типографскія орудія нашъ первопечатникъ оставилъ въ наслѣдіе Успенскому братству.

Братства были союзы православныхъ на религіозныхъ началахъ, съ цѣлію благотворительною. Они издавна существовали на Югѣ Россіи, но особое значеніе получили съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Литвѣ іезуиты, и православію стала угрожать опасность. Тогда задачею братствъ явилось перевоспитаніе братчиковъ въ духѣ православія; отсюда учрежденіе школъ и печатаніе книгъ.—Основаніе братствъ было великимъ дѣломъ для пользы православной церкви въ Литовскомъ государствѣ. Къ братствамъ примкнули всѣ лучшія силы русскаго народа, которымъ дороги были православіе, русская народность и русскій языкъ. Противъ іезуитскихъ школъ братства основали свои школы, противъ іезуитскихъ ученыхъ выставили своихъ ученыхъ. Сила просвѣщенія, среди православно-русскаго населенія, начала возрастать по мѣрѣ того, какъ опасность со стороны все больше и больше стала угрожать православію и русской народности.—Къ концу XVI-го столѣтія въ Литовскомъ государствѣ православные имѣли у себя три высшія школы: Острожскую, Виленскую и Львов-

скую. Изъ этихъ школъ вышли замѣчательные проповѣдники, ученые авторы первыхъ грамматикъ, первыхъ катихизисовъ. Въ началѣ XVII-го вѣка появился рядъ новыхъ школъ, и изъ нихъ самая замѣчательная по своей плодотворной дѣятельности была школа кіевская — Богоявленскаго братства; она прославится потомъ, какъ коллегія, или академія митрополита Петра Могилы.

Южная Русь въ XVI столѣтіи пошла по новому литературному пути, а Москва еще долго оставалась на старомъ. Завѣтныя надежды сбылись: установилось великое государство съ православнымъ рускимъ царемъ на престолѣ. Тогда явилось стремленіе придать духовный блескъ новому православному царству, подвести итоги лучезарному прошлому русской жизни, — доказать міру, что «солнце евангельское нашу землю освѣтило, что громъ апостольскій насъ огласилъ, что сонмъ новыхъ святыхъ и чудотворцевъ возсіялъ» вмѣстѣ съ восходомъ царственнаго величія Россіи. И если печатаніе едва начиналось, то усилилась необыкновенно переписка книгъ. Стали собирать всѣ произведенія духовной литературы прежнихъ временъ, стали прославлять новыхъ святыхъ ближайшихъ вѣковъ составленіемъ имъ службъ, описаніемъ ихъ жизни и чудесъ и наконецъ

торжественнымъ прославленіемъ на всю Русь тѣхъ изъ нихъ, которые чтились мѣстно, въ своей области или въ обители.

Главнымъ дѣятелемъ литературнаго движенія былъ митрополитъ всея Руси Макарій, бывшій до поставленія въ митрополиты архіепископомъ Новогородскимъ. Въ Новѣгородѣ онъ совершилъ обширный трудъ — составленія Миней мѣсячныхъ. Это былъ сводъ житій святыхъ по образцу прежнихъ — на цѣлый годъ, по числамъ и мѣсяцамъ. Но не однѣ житія помѣщались издревле въ Минеяхъ и Прологахъ: тутъ находили себѣ мѣсто Службы святымъ, Похвалы имъ и Поученія на дни праздниковъ. Макарію и это казалось недостаточнымъ, и онъ задумалъ присоединять ко дню празднованія святого и самыя его сочиненія. Такъ напримѣръ, на день пророка Іереміи онъ помѣстилъ книгу его Пророчествъ, на день праведнаго Іова — книгу Іова, на день Іоанна Дамаскина его книгу «Небеса» и т. д. Въ видѣ приложеній Макарій помѣстилъ въ Минеяхъ много такихъ сочиненій, которыя пользовались уваженіемъ, но не были писаны святыми людьми, почему ихъ нельзя было пріурочить къ извѣстному дню памяти. Среди такихъ статей находимъ и любимую древней Русью книгу: «Хожденіе Даніила Паломника».

Такимъ образомъ появился громаднѣйшій сборникъ—цѣлая библіотека. Для этого дѣла Макарій образовалъ большой кругъ сотрудниковъ, которые разыскивали матеріалъ по рукописямъ и списывали, располагая по мѣсяцамъ и числамъ. Такая работа длилась въ одномъ Новѣгородѣ 12 лѣтъ. Въ послѣдствіи въ Москвѣ святитель продолжалъ это дѣло и составилъ тамъ еще два новые списка Чети-миней [1].

При митрополитѣ Макаріи царемъ Іоанномъ Васильевичемъ былъ созванъ соборъ для устройства церковнаго благочинія. Обширное описаніе предложенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ было раздѣлено на сто главъ, откуда и соборъ получилъ названіе «Стоглавова». Историки церкви указываютъ на заслуги этого собора и на крупныя ошибки, сдѣланныя московскими книжниками въ простотѣ и невѣжествѣ. Ошибки эти въ слѣдующемъ столѣтіи ввели въ заблужденіе начетчиковъ, воспротивившихся исправленію книгъ при патріархѣ Никонѣ. Самому митрополиту Макарію и царю Грозному, какъ писателю, справедливо усвоивается названіе начетниковъ. Они чужды были наукѣ и, какъ самоучки, не справлялись съ матеріаломъ своихъ книжныхъ, усвоенныхъ лишь памятью, познаній.

---

[1]) Исторія русской церкви Макарія, въ послѣдствіи Митрополита Московскаго т. VII. Глава V, отд. 14.

Въ пору подведенія итоговъ церковнымъ идеаламъ коснулись и политическаго прошлаго: московскіе книжники составили Степенную книгу, гдѣ событія русской исторіи изложены съ точки зрѣнія формальной религіозности и притомъ въ порядкѣ генеологической лѣстницы княжескихъ поколѣній. Книжники умудрились риторическими выраженіями и общими мѣстами отнять «душу живу» отъ лѣтописей.

Стремленіе все подвести подъ общее, всему дать чинъ и устой проявляется въ монастырскихъ уставахъ. Въ нихъ находимъ самыя подробныя узаконенія бытоваго характера. Монастырское хозяйство хлѣбопашенное, рыболовное, распредѣленіе рукодѣлья и ремеслъ, управа и судъ, и правежъ надъ монастырскими слугами—все было узаконено и росписано; кушанья и питья въ будни и праздники, въ поминальные дни и въ посты, были указаны на цѣлый годъ по числамъ и по пасхаліи.

Такіе уставы перешли и на міряпъ: составились записки о строѣ и порядкѣ въ домѣ богатаго хозяина. Изъ хозяйственныхъ постановленій о томъ, какъ вести домашній порядокъ и поддерживать благочиніе въ домѣ, составленъ былъ особый сводъ подъ названіемъ Домостроя.

Извѣстный по вліянію на Грознаго царя, іерей Сильвестръ собралъ во едино хозяйственныя записки

и совѣты домовладыкѣ и снабдилъ ихъ наставленіемъ сыну своему, гдѣ онъ, подобно древнему Мономаху, повѣствуетъ о собственномъ образѣ жизни.

Домострой излагаетъ тѣ правила, которыя представляли собою идеалъ для лучшихъ людей того времени. Всѣ ученые наши, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, согласны въ томъ, что этотъ идеалъ выработанъ подъ гнетомъ строгаго преслѣдованія распущенности и безнравственности и вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ вліянія востока и монгольскихъ понятій. Христіанство понято не въ духѣ, а во плоти: добродѣтель оправдывается практическими выгодами; въ религіи на первомъ мѣстѣ выступаетъ обрядность. Ни слова о познаніи закона Божія, о наученіи дѣтей грамотѣ, а между тѣмъ предписывается не щадить жезла, и тѣлесное наказаніе введено въ условіе воспитанія, какъ добродѣтель со стороны отца.

Домовладыка является неограниченнымъ повелителемъ какъ бы малаго государства, источникомъ и блюстителемъ всякаго порядка, начиная отъ домашней молитвы и соблюденія правилъ благочестія каждымъ членомъ домашней общины и до контроля надъ всякимъ хозяйственнымъ опущеніемъ. Ему самому предписывается только обязанность не быть самодуромъ, не наносить побоевъ зря, «кулакомъ, или подъ сердце». Онъ долженъ карать не въ пылу

гнѣва, а производить наказаніе плеткою, съ разсужденіемъ, приговаривая о винѣ: но притомъ тайно и безъ огласки.

Жена—хозяйка дома и распорядительница. Она встаетъ раньше всѣхъ, указываетъ слугамъ всякому свое рукодѣліе, кому печь и варить, кому шить, прясть и ткать и бѣлье мыть: всѣ рукодѣлья и поваренное дѣло и запасы въ прокъ она должна разумѣть. Сама никогда не должна быть праздной, и даже тогда, когда къ ней придетъ гостья, она обязана сидѣть за рукодѣльемъ. Она оберегается Домостроемъ отъ сношенія съ улицей, съ пришлыми людьми, оберегается отъ праздности и пьянства.

Идеальный домъ представляется какъ бы монастыремъ: изъ него изгнано всякое удовольствіе, всякая забава, которая не отличается Домостроемъ отъ безнравственныхъ поступковъ.

Само собой разумѣется, что Домострой, рисуя идеалъ, многое почерпнулъ изъ реальнаго быта. Мы видимъ весь строй очень сложнаго хозяйства, читаемъ цѣлыя главы о томъ какъ дѣлать годовые запасы провизіи, какъ водить садъ и огородъ, сытить медъ, какъ приготовлять обѣды домашніе и пиры для гостей, какъ угощать нечаяннаго гостя (буде заѣдетъ честный игуменъ), какъ и что и въ какіе дни подавать на столъ. Распредѣленіе богослужеб-

ныхъ часовъ для посѣщенія церкви, различное для мужа и для жены; домашнія молитвы, дисциплина прислуги, порядокъ въ сбереженіи одеждъ, въ содержаніи посуды и всякой утвари, домашнія ремесла всякаго рода,—все это даетъ живое представленіе о бытѣ зажиточнаго гражданина XVI-го вѣка, окруженнаго множествомъ слугъ и работниковъ. Домъ замкнутъ, не доступенъ; даже прислуга оберегается отъ знакомства съ пришлымъ людомъ, съ улицей.

Но поученіе какъ вести домъ не касалось простаго человѣка и лица, не обособленнаго отъ другихъ большимъ имуществомъ. Монастырское начало не налагалось на большинство, а большинство жило своею свободною жизнью... Соприкосновеніе хозяина, какимъ онъ въ Домостроѣ, съ міромъ—народомъ, впрочемъ объясняется въ «Наставленіи іерея Сильвестра». Это—путь христіанской добродѣтели и исполненіе обязанностей по отношенію къ убогимъ, къ сиротамъ, къ рабамъ своимъ и чужимъ; и въ добавокъ предписывается честность и непридирчивость въ расчетахъ, пощада должникамъ.

Народная жизнь не соотвѣтствовала многимъ предписаніямъ Домостроя и была еще далека отъ той литературы начетчиковъ, которая стала на высоту выспреннаго изложенія и облеклась въ строгую форму. Литература эта дойдетъ до народа.

или до части его, позднѣе, въ слѣдующемъ столѣтіи, когда образуются старообрядцы-раскольники.

Струя безыскусственной народной рѣчи преобладала въ грамотахъ, въ частной перепискѣ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, и въ другихъ бытовыхъ памятникахъ письменности. Даже лѣтопись велась по прежнему и вносилась въ келейные сборники рядомъ съ молитвами съ новостями, приходившими съ запада и съ заманчивыми легендами о чудныхъ заморскихъ странахъ. Народъ прислушивался ко всякаго рода чудеснымъ повѣстямъ; онъ былъ падокъ на Рафли, Зодеи, Воронограи и другія книги, которыя, какъ соблазнъ, изгнаны были изъ употребленія Стоглавомъ и запрещались Домостроемъ на равнѣ съ игрою въ зернь и волшебствомъ.

Въ то-же время, владѣя запасомъ вѣковой поэтической рѣчи, народъ воспроизводилъ «по памяти, какъ по граматѣ» свои былевыя пѣсни и запечатлѣвалъ въ своемъ творчествѣ и взятіе Казани, и борьбу Грознаго съ измѣною.

Отъ періода коснѣнія и застоя перейдемъ опять къ живому источнику—къ устной народной поэзіи.

III.

НАРОДНАЯ

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Народная мудрость: пословицы, голубиная книга. Лирика: пѣсни обрядовыя и семейныя.

Обычный разговорный языкъ хранитъ изреченіе народной мудрости, въ которыхъ навсегда замкнулось выработанное народомъ сужденіе. Къ живой обыденной рѣчи прислушивались и древніе наши лѣтописцы, любя отмѣчать пословицу и поговорку, которую называли то «притчею», то «припѣвкой» [1]). Пословица сама себя опредѣляетъ правдивою, прочною на вѣки, не подсудною [2]). «Ни глупая, ни пьяная рѣчь не пословица», слѣдовательно только умная, трезвая. Вѣра въ непреложность пословицы совпадаетъ въ народѣ съ такими поговорками: «гласъ

[1]) Лѣтописцы, приводя пословицу, обыкновенно прибавляютъ, что эта *притча* со времени событія живетъ до *сего дня*. Припѣвкою въ словѣ о Полку Игоревѣ названо изреченіе, встрѣчающееся и у Даніила Заточника: *Ни хитру, ни горязду, ни птицю горязду суда Божія ни минути*. У послѣдняго перекладываются многія библейскія изреченія на русскую статы: *Тіунъ яко огонь, а рядовичи его яко искры.*

[2]) Пословица не мимо молвится. Старая пословица не сломится. На пословицу суда нѣтъ.

народа—Гласъ Божій; отъ пословицы не уйдешь. Надъ кѣмъ пословица не сбывается».

Пословица обыкновенно кратка и образна. Цѣлый выводъ изъ сравненія человѣка, предающагося пьянству съ малоумнымъ выражается въ четырехъ словахъ: «Пьяница проспится, дуракъ никогда». Мысль о томъ, что угощеніе для гостя пріятнѣе, чѣмъ убранство хозяйскаго жилья, облекается въ пословицею «не красна изба углами, красна пирогами». Здѣсь передъ нами изба съ углами, составляющими условія простора и красоты и тутъ-же лучшее народное кушанье — яркія черты крестьянскаго быта. — Не только современный бытъ, но и бытъ стародавній съ его понятіями и названіями лицъ и предметовъ дошелъ до насъ въ живущихъ до сихъ поръ въ устахъ народа пословицахъ и поговоркахъ. Остатки былаго уцѣлѣли въ пословицѣ, благодаря ея полному, отчеканенному смыслу и складу. Мѣткое слово остается незамѣнимымъ, а съ нимъ остается и названіе, утратившее жизненное значеніе, но созвучное другимъ словамъ. Есть пословица: «изъ пѣсни слова не выкинешь»; тоже совершенно подходитъ и къ самой пословицѣ.

Въ нашихъ пословицахъ остался слѣдъ до-христіанскаго времени; не только миѳическія представ-

ленія, но и самые обряды язычества отражаются въ слѣдующихъ пословицахъ:

Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ. Который богъ замочитъ, тотъ и высушитъ. Горы да овраги—чертово жилье. Въ тихомъ омутѣ черти водятся [1]). Обреченная скотинка уже не животинка [2]).

Слѣды стараго правовова порядка остались, напримѣръ, въ такихъ пословицахъ: «Чья земля того и хлѣбъ. Воеводой быть не безъ меду жить. Быть на пыткѣ—не тужить объ убыткѣ. По дѣламъ вору му́ка».

Пословицы обрисовываютъ бытъ и воззрѣніе на свой промыселъ и звѣролова, и пахаря, а въ болѣе позднее время касаются положенія духовнаго, дворянина, торговца и даже солдата [3]).

Нѣкоторыя пословицы, преимущественно поговорки имѣютъ отношеніе къ извѣстной мѣстности [4]), дру-

[1]) Здѣсь темная миѳическая сила замѣнилась христіанскимъ представленіемъ о діаволѣ.

[2]) *Обреченная*, т.-е. назначенная въ жертву, скотинка уже не принадлежитъ хозяину.

[3]) Звонокъ бубенъ, да страшенъ игуменъ. Попъ перевѣнчаетъ—царь не развѣнчаетъ. Знаютъ попа и въ рогожѣ. Дворянская служба—красная нужда. Товаръ лицомъ продать. Что подъ дождичкомъ трава—то солдатска голова.

[4]) Ярославль городокъ—Москвы уголокъ. Наша Москва городамъ краса. Ѣхалъ въ Казань да попалъ въ Рязань. Въ Судогдѣ поститься, въ Суздалѣ молиться и пр. пр.

гія доносятъ до насъ, какъ сказано выше, историческія черты. «Бей челомъ на Рязани, а ищи на Москвѣ». Здѣсь встрѣчаемся мы съ годами возрастанія Москвы на счетъ сосѣднихъ удѣловъ. Поговорка «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день» напоминаетъ о крутомъ запрещеніи перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Древній паломникъ съ присущимъ ему характеромъ отразился въ пословицѣ: «Веселый каликѣ не товарищъ». Пословица «всякому старцу по ставцу» даетъ колоритъ стараго монашескаго быта.

Объ Ордѣ и вообще о татарахъ говорятъ многія пословицы: «Не въ пору гость хуже татарина. Гдѣ ханъ—тамъ и орда. Тетива порвется, о татаринъ не убьется». Но есть пословицы, отмѣтившія событія и собственными именами: «Тутъ словно Мамай воевалъ. Пропалъ какъ шведъ надъ Полтавою». Очень распространена въ народѣ, сравнительно недавно создавшаяся, поговорка, связанная съ нашествіемъ Наполеона: Голодный французъ и воронѣ радъ.

Навѣянныя непосредственными впечатлѣніями жизни пословицы высказываютъ духъ народа и его характеръ. Въ нашихъ русскихъ пословицахъ и поговоркахъ видимъ похвалу хлѣбосольству, уроки терпѣнію, выносливости, умѣренности, осторожности;

въ нихъ русскій человѣкъ признаетъ за собою простоту, особую склонность жить опытомъ «заднимъ умомъ» [1]). Мы встрѣчаемся въ нихъ съ основнымъ вѣрованіемъ народовъ въ судьбу [2]), а въ слѣдъ затѣмъ и со взглядами и убѣжденіями, воспитанными христіанскимъ ученіемъ [3]). Суевѣріе нашло здѣсь также свое мѣсто, но за то есть и пониманіе истиннаго благочестія отъ ложнаго [4]). Кодексъ нравственныхъ совѣтовъ, изрекаемыхъ въ пословицахъ вливается въ практическую жизнь и всесторонне ее охватываетъ; но попадаются и не нравственныя изреченія, какъ

---

[1]) Гость въ домѣ—Богъ въ домѣ. За голоднаго Богъ заплатитъ.—Стерпится — слюбится. Терпи, казакъ, атаманъ будешь. По одежкѣ протягивай ножки. Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ...

[2]) Чему быть—тому не миновать. Суженаго конемъ не объѣдешь. Видно такъ на роду написано.

[3]) Безъ Бога не до порога. Богъ не безъ милости. Божье крѣпко—вражье лѣпко.—Избу ставятъ, Бога славятъ. Безъ Троицы домъ не строится и пр. пр. Правда свѣтлѣе солнца. На правду какъ на солнце во всѣ глаза не заглянешь. Кривдою весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не придешь. Живи не ложью, все будетъ по Божью. Голенькій охъ! а за голенькимъ Богъ. Грѣхи ни пропѣть, ни пропить, ни проспать. Виноватъ да повиненъ Богу не противенъ.

[4]) Не было печали — черти накачали. Суетится какъ бѣсъ передъ заутреней. Въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать. На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Береженаго Богъ бережетъ. Вольному воля, а спасеному рай. Густо кадишь и святыхъ задишь...

напримѣръ живописущія воровство и удаль. [1]) Есть пословицы навѣянныя міросозерцаніемъ Домостроя и такія, въ которыхъ виденъ азіатскій не привлекательный строй жизни [2]). Направляя человѣка въ добрую сторону, на правый путь, пословица часто караетъ слабость насмѣшкой. Въ позднѣйшую эпоху (XVII и XVIII столѣтій) пословица, по словамъ профессора Буслаева, утратила свое эпическое значеніе и отъ строгаго и безпристрастнаго изреченія суда спустилась до насмѣшки. Не одна нравственная сторона человѣка, но привычки и ухватки обращаютъ на себя вниманіе шутки—пословицы [3]). Пословица играетъ привычными собственными именами, подбирая ихъ по созвучію. Изъ этого создались юмористическіе образы Ѳомы и Еремы, Фили—простоты

1) У кого воровство, а у насъ мастерство. Воруй да не попадайся. Кому лопата, а намъ ломъ, кому острогъ, а намъ домъ. Вспомнимъ и осужденіе воровству: воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели.

2) Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять. Бить шубу будетъ тепла, а учить жену—будетъ мила.—Сору изъ избы не выносить. Дѣло не медвѣдь—въ лѣсъ не уйдетъ.

3) Вотъ нѣсколько тому примѣровъ: *Хвастунъ*; лежитъ на рогожкѣ, кричитъ какъ съ ковра. *Пройдоха*: Панкратъ скорохватъ: Скоро къ Москвѣ пришелъ, скоро тетку нашелъ. *Расчетливый ханжа*: На небо посматриваетъ, на землѣ пошариваетъ. *Охотникъ втираться въ знать*: Генеральской курицы племянникъ. *Осторожный плутоватый*: Идетъ въ сапогахъ, а слѣдъ босикомъ. *Ближняя родня*: На одномъ солнышкѣ онучи сушили. Видомъ орелъ, а умомъ тетеревъ. Взятъ изъ грязи да посаженъ въ князи.

(простофили), бѣднаго Макара, Ѳедорушки и другіе [1]).

Практическая жизнь въ пословицахъ и поговоркахъ выражается такъ полно, что перешла въ литературу новаго времени и въ рѣчь людей образованныхъ.

Практическіе совѣты пословицъ касаются однакоже народнаго человѣка, наставляя его въ самой его дѣятельности; въ особенности много у насъ пословицъ и поговорокъ, относящихся до сельскаго обихода. Поговорка напоминаетъ пахарю время жатвы и уборки хлѣба, она предсказываетъ ему, по вѣковому опыту, погоду. Изъ наблюденій надъ природой поговорками составляется какъ бы календарь вокругъ цѣлаго года. Къ именамъ праздниковъ и святыхъ народное творчество, часто пользуясь созвучіемъ—привязываетъ свои отмѣтки не забываемымъ народомъ мѣткимъ выраженіемъ [2]).

[1]) Всякій Еремѣй про себя разумѣй. Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома. Ѳома плачетъ, а жена скачетъ. Велика Ѳедора да дура, малъ золотникъ да уменъ. Били Ѳому за Еремину вину. Варламъ, ломи пополамъ, а Денисъ, со всякимъ дѣлись. На безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ. Голодному Ѳедоту и рѣпа въ охоту. Голодному Кузенькѣ горькая пѣсенка. Хороша дочь Аннушка: хвалитъ мать да бабушка.

[2]) Снѣгу подуетъ, хлѣба прибудетъ. Вода разольется, сѣна наберется. Не покрылъ покровъ, и Рождество не покроетъ. Егорій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ (т. е. 26 Ноября ледъ твердѣетъ, а 6 Декабря окончательно крѣпнетъ). Аксиньи—полузимницы (24 Янв.) Акулины гречишницы (13 Іюня) Ѳедосьи колос-

Народная мудрость спокойно и сознательно высказывается въ пословицахъ, этихъ краткихъ, между дѣломъ рожденныхъ, изреченіяхъ. Но тамъ, гдѣ неясное и невѣдомое, тамъ нарушается спокойствіе, тамъ не возможна краткость. Опытный мужъ въ жизни практической, народъ является ребёнкомъ передъ тѣмъ, что выше простаго, осязательнаго пониманія. Послушаемъ какъ, далекой отъ истинъ религіи, онъ раздумывается надъ міроздaніемъ:

Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
Отчего у насъ солнце красное?
Отчего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего у насъ звѣзды частыя?
Отчего у насъ міръ народъ?
Отчего у насъ кости крѣпкія? и т. д.

Множество вопросовъ этихъ можно раздѣлить на два разряда: одни относятся къ главнымъ явленіямъ природы — свѣту, солнцу, мѣсяцу, другіе къ элементамъ человѣческаго тѣла — костямъ, крови. Судя по отвѣтамъ, слѣдующимъ за вопросами, народъ всѣ стихійныя явленія признаетъ происходящими отъ

ницы (29 Мая) Борисъ и Глѣбъ засѣваютъ хлѣбъ (2 мая) На воздвиженье птица двинулась (на отлетъ) Пророкъ Наумъ наведетъ на умъ (1 Декабря, дѣтей начинали учить грамотѣ)... и т. п. на св. Пуда (15 Апр.) доставай пчелъ изъ подъ спуда.

бога, но не отъ Бога, какъ мы его разумѣемъ, изъ ничего сотворившаго все словомъ своимъ, а отъ особаго какого то бога, разлитаго по всей вселенной. Изъ лица его сдѣлалось солнце, отъ груди его произошелъ мѣсяцъ, звѣзды отъ его одеждъ, ночи темныя отъ его думъ, зори утреннія отъ его очей, вѣтры отъ его дыханія, а въ человѣкѣ разумъ — только одинъ разумъ взятъ отъ этого бога, разлитаго по вселенной. Подобное представленіе о богѣ Брамѣ, перешедшемъ въ природу, было у обитателей береговъ Гангеса — народа, переселившагося туда съ береговъ Инда, изъ общей колыбели индо-европейцевъ. Языки всѣхъ индо-европейцевъ имѣютъ общее начало; ихъ первоначальныя вѣрованія также не далеки между собою.

Теперь посмотримъ, какъ въ устной народной словесности излагаются самые отвѣты о мірозданіи.

У насъ бѣлый свѣтъ зачался отъ суда Божія.
Самого Христа царя небеснаго,
Солнце красное отъ лица Божія,
Самого Христа царя небеснаго,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
Самого Христа царя небеснаго.

Что же это значитъ? Развѣ съ понятіемъ объ Іисусѣ Христѣ мирится это языческое воззрѣніе?

Нѣтъ. Но народъ, узнавъ имя Христа, позолотилъ имъ свое древнее языческое воззрѣніе...

Вопросы—откуда взялись элементы нашего тѣла. разрѣшаются отвѣтами о прямомъ отношеніи нашего состава къ землѣ, водѣ, камню. Наши тѣла произошли изъ земли, кровь изъ черна моря, кости изъ камня. Такимъ образомъ составъ нашъ въ сродствѣ съ доступною намъ природою, а духовная сторона, разумъ—въ сродствѣ черезъ бога, разливающагося по вселенной, съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами. Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вѣтеръ и нашъ разумъ—явленія высшаго происхожденія: земля, вода, камни и нашъ составъ другого происхожденія, нисшаго, земнаго.

Понятія о двухъ началахъ видимой природы и о двойственности человѣка въ связи съ этими двумя началами, легли въ основаніе средне-вѣковой астрологической науки. Въ астрологіи какъ и въ народной пѣснѣ находятся явные слѣды многобожія — признанія солнца и другихъ свѣтилъ небесныхъ за божества.

Не останавливаясь на дальнѣйшемъ объясненіи народнаго міросозерцанія, перейдемъ къ самому произведенію, въ которомъ излагаются вопросы и отвѣты о мірозданіи. Произведеніе это носитъ въ народѣ

названіе стиха о книгѣ голубиной *). Когда книги, однимъ своимъ видомъ при церковномъ Богослуженіи произвели впечатлѣніе на народъ и онъ узналъ, что въ нихъ заключается премудрость Божія, то онъ свои вопросы о мірозданіи связалъ съ представленіемъ о чудесной книгѣ, упавшей изъ тучи на землю:

На матушкѣ на святой Руси
Ахъ не чудо ли сочудилося,
Не проявушка ли проявилася.
Восходила туча сильная, грозная,
Выпадала изъ тучи книга голубиная.
Вдоль книга сорока локтей;
На рукахъ держать—не сдержать ее,
На престолѣ класть—не ляжетъ она,
По листамъ читать—не прочесть ее.

При такомъ вступленіи уже можно ожидать появленія лицъ, которыя были бы въ состояніи овладѣть книгою. Въ древнѣйшемъ стихѣ книга не упоминалась; появлялись существа полу-божественныя, миѳическія

*) Слово голубиное вѣроятно получилось отъ древняго сборника, носившаго названіе: Глубина. Были сборники, носившіе названія драгоцѣнныхъ камней: Измарагдъ, Глубина (русское названіе бирюзы). Сродное со словомъ голубь названіе книги голубиное пришлось народу по сердцу, какъ слово близкое и притомъ соотвѣтствующее символу Св. Духа.

и они то разрѣшали въ бесѣдѣ между собой вопросы о мірозданіи и вели состязаніе загадками. Премудрымъ отгадчикомъ являлся великанъ Волотъ Волотовичь. Съ появленіемъ «книги» связаны имена книжныя и историческія—царь Давидъ, Соломонъ, нашъ Владиміръ—Красное солнышко, которые и приступаютъ къ чтенію дивной книги.

Появленіе этихъ лицъ въ народномъ стихотвореніи торжественно. Открывается цѣлое симметричное шествіе, напоминающее церковныя торжества, насколько народъ имѣлъ о нихъ представленіе:

Ко той книгѣ собиралися,
Собиралися, соѣзжалися,
Соѣзжалися, сомнѣвалися
Сорокъ поповъ со поповичами,
Сорокъ дьяковъ со дьяковичами,
Сорокъ князей со князевичами,
Сорокъ царей со царевичами,
А за ними три царя премудрые.
Никто къ книгѣ не приступится,
Никто къ книгѣ не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь.
Премудрый царь Давидъ Есеевичь,
До Божьей книги онъ доступается,
Передъ нимъ книга разгибается.

Еще приходилъ ко книгѣ Володимѣръ князь,
Володимѣръ князь Володимѣровичь.
Какъ возговоритъ Володимѣръ князь:
Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Есеевичь!
Прочти, сударь, книгу Божію,
Про наше житье свято-русское,
Про наше житье свѣту вольнаго.
Отчего зачался бѣлый, вольный свѣтъ? и т. д.

Къ вопросамъ о мірозданіи въ Голубиной книгѣ, присоединяются и другіе вопросы: «который царь надъ царями царь? который градъ всѣмъ городамъ отецъ? которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать» и такъ далѣе: о горѣ, островѣ, травѣ, птицѣ, звѣрѣ, рыбѣ.

Въ отвѣтахъ на эти вопросы собрано все, что народъ зналъ изъ св. писанія, что почерпнулъ изъ апокрифовъ, прослышалъ отъ странниковъ.

Вотъ отвѣтъ легендарнаго происхожденія, исполненный прелести и теплоты:

Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати;
Потому она всѣмъ травамъ мати:
Когда шелъ Христосъ на распятіе,
Мать пресвятая Богородица,
На сырой землѣ стоючи,

Плакала, рыдала,
Ронила слезы на сырую землю.
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.

А вотъ отвѣтъ уже древняго языческаго характера:

Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мать,
На трехъ китахъ земля основана,
Какъ китъ рыба тронется,
Вся земля восколеблется...

Въ Скандинавской народной поэзіи есть подобное глубоко древнее представленіе объ устройствѣ земли.

Вотъ отвѣтъ о царѣ—позднѣйшее, выработанное на Руси понятіе:

У насъ бѣлый царь надъ царями царь;
Принялъ онъ вѣру крещеную,
Стоитъ за вѣру христіанскую.
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языци ему покорилися;
Потому бѣлый царь надъ царями царь.

Цари, читающіе книгу Голубиную, начинаютъ предлагать другъ другу загадки и поочередно ихъ отгадываютъ. Подобное состязаніе въ мудрости, на-

ходится въ пѣсняхъ Скандинавской Эдды. Богъ Одинъ въ видѣ путника пришелъ къ великану Вафтрудниру побесѣдовать о старинѣ. Они предлагаютъ другъ другу вопросы, любопытные для характеристики древне-германской миѳологіи.

Въ послѣдствіи, древній Одинъ перешелъ въ западной литературѣ въ библейскаго Соломона, а великанъ въ карлика Морольфа. Пренія этихъ двухъ лицъ перешли путемъ письменности и въ нашу древнюю литературу. У славянъ безобразный карликъ смѣшался съ греческимъ центавромъ и получилъ, въ сказаніяхъ о Саломонѣ, имя «Китовраса».

Смѣшеніе языческихъ и христіанскихъ понятій отразилось въ народныхъ заговорахъ. Въ заговорахъ видна искусственность, стремленіе дать особую таинственность рѣчи. Они также представляютъ не мало интереса для характеристики народныхъ вѣрованій.

Заговоры касаются всѣхъ сторонъ жизни—семейнаго горя, любви или ненависти дѣвицы къ молодцу и наоборотъ, здоровья, болѣзней, всякаго рода промысловъ, удачи въ дѣлахъ; есть заговоры на ловлю птицъ и рыбъ, на то, чтобы ружье не ржавѣло, чтобы сѣть не рвалась. Въ нихъ видно отношеніе народа къ темнымъ духамъ—лѣшимъ, до-

мовымъ, къ свѣтлымъ силамъ природы: къ огню, водѣ, къ лѣсу праведному, и въ нихъ же мы вновь встрѣчаемся съ понятіями книги Голубиной... Языкъ заговоровъ поэтиченъ и часто среди искусственныхъ оборотовъ поражаетъ простотою и художественнымъ изображеніемъ природы.

Прочтемъ заговоръ отъ порѣзу желѣзнымъ орудіемъ, для унятія кровотеченія:

«На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣлъ—горючь камень Алатырь *). На томъ камнѣ сидитъ красная дѣвица, швея мастерица (въ другихъ варіантахъ пресвятая Богородица), держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую—рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба такого то отъ порѣзу. Булатъ, прочь отстань; а ты, кровь, течь перестань».

Вотъ заговоръ на удачную ловлю звѣрей:

«Бѣжитъ бѣленькій зайка ровно бѣлый ледъ; возлѣ бокъ стоитъ Илья пророкъ съ двѣнадцатью слугами: слуги вы, слуги вѣрные, положу на васъ службу не тяжелую; что возьмите вы по пруту по желѣзному и сгоняйте вы съ Камы и съ Волги, съ чистаго поля съ широкаго раздолья, изъ за со-

*) Онъ же и въ стихѣ о Голубиной книгѣ названъ царемъ камней, потому что на немъ отдыхалъ Небесный Царь и на немъ утвердилъ вѣру.

нокъ, изъ за горокъ, мнѣ въ ловушку, въ поставушку».

Заговоръ на ловлю рыбъ:

«По благословенію Господню идите, святые ангелы, ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихремъ, и сильною погодою, и возбудите красную рыбу, семгу и бѣлую рыбу, раки и щуку и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ подо мху и изъ подъ куста, и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ; и чтобъ она шла бы къ намъ рыболовамъ, рабамъ и рабицамъ, въ матушку рѣку быструю и въ разныя рѣки и озера и во всякіе водяные протоки; и не застоялась бы на красномъ солнцѣ, не заигралась бы на травѣ, и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводь, и не боялась бы и не пятилась нашихъ льняныхъ и посконныхъ и конопляныхъ сѣтей. Не дайте, святые ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слуху до вѣка. Аминь».

Часто попадается въ заговорахъ вступленіе, широко охватывающее красоту поднебесную.

«Пойду я, благословясь, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды. Ясной зарею одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами разукрашусь, утреннею росою умоюсь».

А вотъ воззваніе къ огню:

«Батюшко ты, царь огонь, всѣмъ ты царямъ царь, всѣмъ ты огнямъ огонь! будь ты кротокъ, будь ты милостивъ; какъ ты жарокъ и пылокъ, какъ ты жжешь и палишь въ чистомъ полѣ травы и муравы, также я молюся тебѣ, батюшко, царь огонь, жги и спали такую то скорбь и болѣзнь съ такого то раба».

Такія воззванія, въ заговорахъ, переносятъ насъ въ тѣ времена, когда народнымъ языкомъ и пониманіемъ владѣли избранные старцы, вѣщавшіе людямъ волю боговъ, объяснявшіе сны, гадавшіе о будущемъ по примѣтамъ. Эти древніе вѣщуны, чародѣи и пѣвцы загадывали загадки, таинственный смыслъ которыхъ былъ въ связи съ ихъ языческими вѣрованіями. Наши з а г а д к и еще хранятъ въ себѣ цѣлую миѳологію.

Вотъ какимъ образомъ загадывается молнія:

«На полѣ Царынскомъ стоитъ дубъ Саратынскій; въ дубу гробница, въ гробницѣ дѣвица огонь высѣкаетъ, сырую землю сожигаетъ».

Наша древняя письменность не чуждалась народной мудрости. Пословицы съ возрожденіемъ свѣтской литературы вошли въ нее обильною струей. Въ XVIII-мъ столѣтіи пословицы уже издаются отдѣльными сборниками. Лечебники, куда включены

таинственные пріемы леченья словами и волшебными зельями и самые заговоры усердно составлялись не просвѣщенными, но серьезно настроенными грамотниками. Тему Голубиной книги находимъ также въ письменной обработкѣ вопросовъ о мірозданіи—въ апокрифической «Бесѣдѣ трехъ святителей»:

Но не такова была судьба нашихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ въ письменности. Серьезная, сухая письменность ихъ не усыновила, но между тѣмъ онѣ имѣютъ и до сихъ поръ, въ деревняхъ самое жизненное значеніе. Только со времени Екатерины Великой онѣ стали записываться и издаваться; стали появляться такъ называемые «Пѣсенники». Императрица воспользовалась народною лирикою для своихъ оперъ; таковы всѣ хоры въ ея «Олегѣ и Февеѣ». Позднѣе Дмитріевъ и Мерзляковъ передѣлывали народныя пѣсни и подражали имъ. Такимъ образомъ наша новая эстетика признала поэтическія достоинства лирическихъ народныхъ пѣсенъ гораздо прежде, чѣмъ оцѣнила былины.

Пѣсни игорныя, праздничныя, подблюдныя. Прибаутки, присказки къ играмъ—это первая ступень въ творчествѣ пѣсней. Въ связи съ игрою зарождается пѣсенка—подборъ мѣткихъ выраженій, безъ основной темы, съ постояннымъ отклоненіемъ въ сторону. Самыя обыкновенныя игры: го-

рѣлки, жмурки, уголки, посидѣлки, коршунъ и голуби, сопровождались древле припѣвками въ разговорной формѣ. На крайнемъ сѣверѣ, какъ и въ Малороссіи, до нынѣ можно встрѣтить каденсированныя причитанія къ горѣлкамъ. Остатки фразъ отъ игоръ достались въ удѣлъ дѣтямъ, къ которымъ обращены особыя припѣвки, приспособленныя къ битью въ ладоши и къ пѣстунью ребенка. Любопытно, что въ пѣсенкахъ, поемыхъ самими дѣтьми, сохранись до нынѣ обломки сѣдой старины:

Приди ко мнѣ въ гости...
Я-бъ радешенька была,
Да боюся тивуна...
Тивунъ тебѣ не судья,
Судья тебѣ владыка *)...

Прибаутки и собственныя имена дѣтскихъ пѣсенъ, какъ произведенія общаго народнаго эпоса, роднятся съ загадками и заговорами. Дѣти заклинаютъ дождь такою пѣсенкой:

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Мы поѣдемъ во Рязань
Богу помолиться,
Царю поклониться,

---

*) Тивунъ древній тіунъ — судья, надсмотрщикъ, ближайшая къ народу гражданская власть.

У царя то сирота
Отворяетъ ворота
Ключикомъ замочкомъ.

Другая пѣсенка о дождѣ рисуетъ передъ нами облачное небо:

Солнышко въ долинкѣ
Разодрались оринки [1])
Солнышко въ овражкѣ,
Разодрались барашки [2]);
Солнышко въ полянкѣ
Разодрались Иванки [3]).

Дѣтская пѣсенка призываетъ къ ребенку заянку сѣренькаго, Петю-пѣтушка, а за нимъ и воздушныхъ птицъ (сова-то мнѣ тетка, воробушекъ братецъ, синичка сестричка; сорока — воровка...) Шуточныя олицетворенія животныхъ связываетъ дѣтскія пѣсни съ веселыми, удалыми, скоморошьими пѣснями. Въ кругу дѣтскихъ пѣсенокъ встрѣчаются побасенки. Въ одной изъ нихъ «о грибахъ» — рядъ смѣлыхъ олицетвореній: бѣлянки, волнушки, мухоморы отказываются идти на войну по зову ихъ повелителя, гриба-бо-

---

1) «Оринки» это — длинныя полотно-образныя облака.
2) «Барашки» густыя, кругловатыя облака.
3) «Иванки» просвѣты яснаго неба, среди облаковъ.

ровика. Какъ-бы подсмѣиваясь надъ различными сословіями, пѣсенка вызываетъ изъ земли, изъ почвы, народную рать ребятушекъ груздей *).

Наши хороводныя пѣсни слагаются обыкновенно въ разговорной формѣ; по замыслу онѣ имѣютъ сходство съ нѣмецкими Ringen и французскими rondes. Самою красивою хороводною игрою и такимъ же припѣвомъ можемъ назвать «заплетеніе плетня».

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, трава шолковая.

---

*) Царь грибной боровикъ
Всѣмъ грибамъ полковикъ,
Подъ дубочкомъ сидючи
На всѣ грибы глядючи
Повелѣлъ—приказалъ
На войну идти....
Отказалися бѣлянки:
Мы столбовыя дворянки.
Отказалися волнушки:
Монастырскіе мы слушки.
Отказались рыжики:
Мы богаты мужики.
Отказалися опенки:
У насъ ноги очень тонки.
Отказались мухоморы:
Мы разбойники и воры.
Отвѣчали грузди:
Ну, ребятушки, мы дружны
Мы заступники сему,
И пойдемъ мы на войну.

На крайнемъ сѣверѣ такимъ же образомъ «завивается завивай» (завивай мой, завивай) очень скорымъ, бѣглымъ темпомъ и скоморошьими словами.

Во второй части этой игры—расплетеніи плетня, въ иныхъ мѣстностяхъ, принимаютъ участіе лица, не кружающіяся въ хороводѣ: чужія ребята, съ которыми завязывается борьба съ особыми припѣвами. Хороводъ (древнее коло, въ Малороссіи танокъ), связанъ былъ съ язычествомъ, какъ богослужебный обрядъ. Воззванія къ божествамъ: Диду и Ладѣ въ круговой пѣснѣ: «Ой мы просо сѣяли, сѣяли; ой, дидъ—лада, сѣяли» сохраняются и по нынѣ. Игрища народныя и въ наше время пріурочены къ нашимъ годовымъ праздникамъ, но въ обрядѣ ихъ и въ припѣвѣ живетъ празднованіе нарожденія солнца [1]), наступленія весны [2]) и ея разгара [3]). Обряды «колядованія» подъ Рождество, празднованія масляницы, красной горки, зеленой или русальной недѣли и Ивана Купала сопровождаются соотвѣтствующими пѣснями. Въ колядахъ воспѣвается жертвенный козелъ и сохранилась цѣлая картина жертвоприношенія:

За рѣкою, за быстрою
Огни горятъ великіе...
Вокругъ огней скамьи стоятъ

1) Коляда. 2) Красная горка.
3) Купальская ночь.

Скамьи стоятъ дубовыя....
Добры молодцы, красны дѣвушки
Поютъ пѣсни коледушки
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати.

Вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями на святкахъ, поются еще особыя пѣсни подблюдныя. Во время пѣнья происходитъ гаданье: въ глубокое, наполненное водою блюдо, каждый бросаетъ кольцо или серьгу; затѣмъ блюдо закрывается; чья вещь вынется съ тѣмъ сбудется то, о чемъ гласитъ пѣсня «скоро сбудется—не минуется». При опусканіи вещей и обходѣ присутствующихъ съ блюдомъ одинъ голосъ поетъ:

И я золото хороню,
У батюшки въ терему.

. . . .

Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай красная.

Послѣ жалобы дѣвушки о невозможности найти золото и отгадать, хоръ подхватываетъ:

Наше золото пропало,
Призапндѣвѣло, призаплеснѣвѣло.

Припѣвы, при вынимании вещей изъ блюда, пророчатъ преимущественно свадьбу то съ ровнею, то съ богачемъ, а то такъ поѣздку, богатство въ будущемъ и даже преждевременную смерть. Этихъ припѣвовъ довольно много. Онѣ имѣютъ полный музыкальный размѣръ и красивое образное выраженіе.

Катилося зерно по бархату,
Еще толи зерно бурмитское;
Прикатилося зерно къ яхонту,
Крупенъ жемчугъ еще съ яхонтомъ—
Хороши женихъ съ невѣстою.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
Не груздочекъ скачетъ, а дворянской сынъ,
Не бѣляночки ищетъ, а дворяночки.

Вился, вился ярой хмель
Около тычинки серебряныя.
Такъ бы вилися князья да боярчики
Около царя православнаго.

Щука шла изъ Нова-города,
Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера,

Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
А головка на щукѣ унизанная.

Пѣсня славы, гдѣ въ основѣ лежитъ поклоненіе солнышку и возращенному его тепломъ хлѣбу, сохранилось въ такомъ видѣ:

Ужь какъ слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ слава!
Чтобы нашему государю не старѣться. Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться. Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться. Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ. Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ. Слава!

Но всѣ эти общественныя пѣсни уступаютъ пѣснямъ свадебнымъ, которыя составляютъ уже вторую, высшую ступень народной лирики. Въ нихъ глубокое чувство, сосредоточенность мысли и живость представленій.

Въ семьѣ начинается дѣло: родители продали свой товаръ—дочь родимую, свѣта Аннушку; они совершаютъ древніе обычаи, бьютъ со сватами пола объ полу, рука объ руку. Вести будничныя рѣчи никто не можетъ; и лишнее, не кстати сказанное слово, по народному повѣрью, можетъ повредить дѣлу. Разумѣется—въ семьѣ смущеніе, впереди

хозяйкѣ сколько заботъ, сколько стряпни, хозяину сколько расходовъ! Устная, завѣщанная вѣками поэзія все выноситъ; она влагаетъ въ уста главнымъ дѣйствующимъ лицамъ уже готовыя изреченія.

На языкѣ поэзіи начинаются переговоры о сватовствѣ. Обычай указываетъ на все: какъ принимать предложеніе, какъ сговариваться, какъ отказать жениху, если онъ не нравится.

Пѣсня все выноситъ, все формулируетъ — всѣ обычаи, всѣ ощущенія радостныя и тревожныя.

Дѣвушкѣ предстоитъ разлука со всѣмъ близкимъ и дорогимъ сердцу; пѣсня изображаетъ всѣ ея чувства въ ожиданіи брака: страхъ, и тоску и любовь къ родному гнѣздышку. На дѣвичникѣ пѣсня переходитъ въ споръ дружекъ со свахами, и роль самой невѣсты еще болѣе усложняется.—Нашъ свадебный чинъ, или обрядъ, имѣетъ въ себѣ много величаваго; въ немъ отразился боярской и княжеской бытъ древней Руси, и сверхъ того онъ же носитъ въ себѣ нѣкоторыя черты современнаго крестьянскаго быта, опоэтизированнаго на столько, на сколько измѣняется будничный трудовой бытъ въ торжественные свадебные дни.

Возьмемъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ свадебныхъ пѣсенъ.

Послѣ рукобитья, помолвленная дѣвушка начинаетъ свою пѣсню:

Не утушка въ берегахъ закрякала,
Красная дѣвушка въ теремѣ заплакала.
Вы не сдѣлайте, родители,
Крѣпкаго рукобитьица.
Не невольте моей волюшки.
Я въ какой винѣ провинилася,
Я въ какомъ проступкѣ проступилася?
Вѣрно я да молодешенька
Надоѣла вамъ, наскучила!

Жалобы невѣсты переходятъ въ горькую иронію:

Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
Ужь въ полѣ не родилося,
На столѣ да не спорилося.
Погоди, родная матушка!
Схватишься да догадаешься,
Какъ не будетъ меня бѣдноей.
Рада будешь, красно—солнышко,
Черезъ поле въ глаза видѣти,
Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣчку рѣчи молвити.
Мнѣ захочется тошнешенько
Не родимую сторонушку,

Да отхочется скорёшенько.
Осенью да бездорожица,
А весною водопольице;
Лѣтомъ—лѣтнія работушки,
Зимой—зимушка студеная!
Ужь мы свидимся—наплачемся,
Разойдемся—натоскуемся.

Женихъ и родня его олицетворяются то птицами, то звѣрьми, то тучею черною, которая нанеслась—поетъ невѣста—на батюшкинъ высокъ теремъ.

Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Ахъ ты мать, моя матушка,
Охъ ты мать, государыня,
Что сегоднешню ноченьку
Не хорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
Что пустая хоромина—
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печищѣ котище лежитъ,
По полу ходитъ гу́сыня,
А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясенъ соколъ.
Ты дитя-ль, мое дитятко!

Ужь какъ я тебѣ сонъ разскажу:
Что пустая хоромина—
Чужа дальна сторонушка;
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися—
Родъ-племя отступилися.
На печищѣ котище лежитъ—
То лютой свекоръ-батюшко.
По полу ходитъ гу́сыня—
То люта свекровь-матушка;
А по лавочкамъ голуби—
Деверья ясны соколы.
По окошечкамъ ласточки—
То заловки голубушки,
Впереди младъ ясенъ соколъ—
То Иванъ сударь Алексѣевичъ.

Родня жениха представляется невѣстѣ немилою; самъ онъ носитъ названье чужаго чужанина.

Тяжелешенько привыкать будетъ

(поетъ въ отвѣтъ невѣстѣ—каково на чужой сторонѣ жить—ея замужняя родственница)

Ко чужому отцу, матери,
Ко чужому роду, племени.
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива.

Носи платье—не снашивай,
Терпи горе—не сказывай.
Пріобидятъ какъ тебя чужіе-то родители,
Не скажи, моя подруженька,
Своему да роду-племени.
Ты въ темную да въ поченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку улочку;
Разнесутъ твою обидушку
Часты буйные вѣтерочки.

Въ свадебныхъ величаньяхъ и въ пѣсняхъ подруженекъ много свѣтлыхъ образовъ, много роскошныхъ представленій о златоверхихъ теремахъ, о роскошныхъ мужскихъ и женскихъ одеждахъ. Женихъ въ нихъ является княземъ или бояриномъ, или иногда и богатыремъ, окруженнымъ молодцами—дружиною, или предбодителемъ соколиной охоты и рыбной ловли.

Въ пѣсняхъ поется о торжественной поѣздкѣ князя-жениха къ высокому терему будущаго тестя, о его молодецкомъ отдыхѣ въ бѣлополотняномъ шатрѣ. Дружина будитъ молодца извѣстіемъ о небывалой добычѣ, которая подъ конецъ сводится на красную дѣвушку, невѣсту его, подобно тому, какъ

и на соколиной охотѣ и на рыбной ловлѣ — лебедью и бѣлой рыбицею оказывается та-же Анна, свѣтъ — Ефимовна. Женихъ и невѣста обыкновенно встрѣчаются, въ этихъ пѣсняхъ, въ зеленомъ саду, гдѣ она рветъ алые цвѣточки себѣ на вѣночекъ.

Въ пѣсняхъ подруженекъ невѣсты поется не только о ея горькой долѣ, о ея страхѣ и смущеньѣ, но и о любви ея къ избранному жениху. До ея терема, до свѣтелочки доходитъ голосъ добра молодца, и она идетъ къ нему и слушаетъ его:

Я иду, сударь, и слушаю;
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть.

Иногда невѣста сама выбираетъ своего суженаго изъ молодцовъ пріѣзжихъ:

Ужь я, выбравши, любовалася,
Любовалася, красовалася:
Ужь какъ онъ-то мнѣ понравился,
Ужь какъ онъ-то мнѣ да по-сердцу.

Мѣсто перваго свиданія жениха и невѣсты переходитъ иногда вдаль отъ терема — въ синій боръ или на рѣчку быструю. Заблудившуюся дѣвушку выводитъ изъ лѣсу молодецъ, и онъ же переводитъ ее

черезъ быструю рѣчку по жердочкѣ или по тонкой дощечкѣ.

Отъ свадебныхъ пѣсенъ перейдемъ къ похороннымъ заплачкамъ, или причитаньямъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи эти завыванья бабъ производятъ непріятное впечатлѣніе и состоятъ изъ набора словъ, изъ которыхъ только рѣдкія выраженія указываютъ на обломки цѣлой похоронной пѣсни. Въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, сохранились похоронныя пѣсни, или заплачки, въ цѣлости и художественной полнотѣ. Въ нихъ—народныя вѣрованья, въ нихъ подробности деревенскаго быта и не поддѣльное глубокое чувство.

Надорвутся мои рученьки,
Истомятся мои плеченьки!

поетъ вдова, оплакивая потерю мужа,—ея «законной семеюшки», и далѣе:

Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
Не по розмысламъ проклятая заботушка.
Какъ буду ростить я сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ.
Безъ своей законной семеюшки?
Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися,
Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко,

Али утонуть въ малой быстрой рѣченькѣ?
Куда дѣть мнѣ великую кручинушку?

Кручину дѣвать вдовѣ некуда. Пѣсня перебираетъ весь вредъ, который принесетъ кручина рѣкамъ и озерамъ и чистому полю: отъ нея не будетъ ловиться рыба, на полянѣ не выростетъ хлѣбъ. Затѣмъ вдова проситъ матушку сыру землю разступиться, но та не отверзаетъ ей своихъ объятій. Безотрадная пѣсня оканчивается торжественнымъ буженьемъ покойника.

Полетите съ неба, ангелы, архангелы!
И вложите—ка душу во бѣлы груди
И рѣчи языку—въ разумную головушку,
И бѣлый свѣтъ въ ясны очи.
Ужь ты встань, моя законная семеюшка,
Сдѣй со мной доброе здоровьице.

Но и тутъ не исполняются вѣщія слова:

Видно гнѣвъ держитъ законная семеюшка
На меня, многокручинную головушку.

Сознаніе дѣйствительности и покорность передъ судьбою разрушаетъ поэтическія представленія и заключаетъ пѣсню слѣдующимъ образомъ:

Видно мое дѣло не сбывается,
Что мертвый съ могилы ворочается,

Сиротой мнѣ быть безъ законной, безъ семеюшки.

Особою пѣснью оплакиваетъ мать дитя свое, сестра—брата, прихожане духовнаго отца, общество—старосту.

Теперь намъ осталось сказать слово о пѣснѣ, чисто лирической, не обрядовой. Ее поютъ лодочники, бурлаки, когда тянутъ суда, сторожа деревенскіе, словомъ всѣ, кому работа позволяетъ предаться лирическому и музыкальному настроенію. При такихъ пѣсняхъ развивается голосъ — музыкальная сторона, и кому неизвѣстны грустные мотивы русскихъ пѣсенъ. Жалобныя пѣсни по содержанію иногда близки къ свадебнымъ пѣснямъ: такъ, напримѣръ, цѣлый рядъ пѣсенъ оплакиваетъ судьбу молодой женщины въ чужой, не любимой семьѣ. Художественная пѣсня о бѣлой лебедѣ, плывущей по морю и о встрѣчѣ ея съ яснымъ соколомъ, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ свадебной пѣсни:

Какъ по морю, морю синему,
Плыла лебедь, лебедь бѣлая;
Плывши лебедь пріокунется....

Цѣлый рядъ пѣсенъ оплакиваетъ безвременную смерть молодца или красной дѣвицы и близокъ къ заплачкамъ. Молодецъ обыкновенно представ-

ляется убитымъ, лежащимъ въ чистомъ полѣ, подъ эпическимъ ракитовымъ кустомъ или подъ тѣмъ чуднымъ бѣлымъ камнемъ, около котораго принимаютъ смерть и богатыри въ былинахъ.

Вступленіе въ «жалобную» пѣсню состоитъ изъ обращенія къ природѣ, при чемъ дубрава, поле, туманъ, солнце одушевляются. Вдохновляясь природою, народъ-пѣвецъ начинаетъ съ того, что обрисовываетъ ея явленія и художественно сопоставляетъ ихъ съ своими мыслями и чувствованіями.

Пѣсня о покинутой дѣвушкѣ начинается такъ:

Ты доброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубровушки,
Вылетали мелки пташечки;
Одна пташечка оставалася
Горе-горькая кукушечка.

Въ другой пѣснѣ того же содержанія одинокая береза замѣняетъ мѣсто одинокой птицы:

Про между двумя высокими горами
Выростала тонка бѣлая береза.
Что тонка береза кудревата,

Что не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И ни частыя звѣзды усыпаютъ.

Счастливой красавицѣ, о которой поетъ пѣсня, соотвѣтствуетъ не тонкая береза, а пышная, цвѣтущая рябина:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.

Воззваніемъ къ заходящему солнцу начинается пѣсня о разлукѣ:

А ты солнце, солнце красное,
Что такъ рано за лѣсъ прячешься,
За лѣсъ прячешься, скоро катишься?

Искатели счастія, удальцы, скользившіе въ утлыхъ ладьяхъ по Волгѣ, начинали свою пѣснь надежды воззваніемъ къ восходящему солнцу:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ.

Къ пѣснѣ объ убитомъ молодцѣ болѣе всего подходитъ печальное явленіе природы: часты мелкіе дождички и туманы непроглядные. Иногда берется

картина роскошнаго весенняго поля, какъ противуположность изображенію ужасной смерти падшаго въ битвѣ. Такъ иногда художественный тактъ народнаго творчества умѣетъ соединить въ одно два условія прекраснаго:

Ахъ ты поле, поле чистое,
Ты раздольице широкое!
Ахъ ты всѣмъ поле изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками.
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Подъ кусточкомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.

Лирическія пѣсни иногда переходятъ въ разсказъ: въ нихъ ощутительно начало былины, отъ которой онѣ рѣзко отличаются краткостью и отсутствіемъ яркаго дѣйствующаго лица. Общечеловѣческое въ нихъ беретъ верхъ надъ историческимъ, настоящее, близкое къ сердцу—надъ былымъ и возбуждающимъ мысль и воображеніе.

БЫЛИНЫ, ИЛИ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ.

Край сохранившій намъ былины, и ихъ открытіе. Старшіе богатыри: Вольга, Микула Селяниновичъ и Святогоръ. Кіевской кругъ былинъ: Красно-солнышко; богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня, Алеша Поповичъ и другіе. Женщина-богатырь; Чурила, Дюкъ. Новогородскіе богатыри. Историческія пѣсни и духовные стихи. Народный юморъ.

Былина—это лучшее, совершеннѣйшее произведеніе народной словесности. Въ былинахъ появляются народные идеалы—опредѣленныя личности съ собственными именами, образы, сложившіеся вѣками и всецѣло принадлежащіе народу, который вѣритъ въ то, что они на самомъ дѣлѣ существовали. Онъ знаетъ ихъ и вѣруетъ въ нихъ, пока еще среди его поется былевая пѣснь. Съ утратой ея, и народные идеалы переходятъ и для народа въ область вымысла — въ сказку, и духовная связь съ ними порывается.

Приступая къ разбору Слова о полку Игоревѣ, мы говорили объ исключительномъ положеніи нашей древней письменности, которая не сохрани-

ла намъ въ древнихъ спискахъ нашей народной поэзіи. Къ нашему, на этотъ случай, счастію неграмотный народъ нашъ, въ глубинѣ Россіи, въ разныхъ отдаленныхъ отъ центра углахъ, еще поетъ пѣсни о славномъ городѣ Кіевѣ, о богатыряхъ Владиміра, о татарщинѣ и каменной Москвѣ, о Садкѣ богатомъ новгородскомъ гостѣ, объ удальцѣ Васькѣ Буслаевѣ, о Грозномъ царѣ, о Гришкѣ-растрижкѣ, о Скопинѣ Шуйскомъ, о Ермакѣ и Стенькѣ Разинѣ. Былевая пѣсня доходитъ до перваго императора, поетъ о его походѣ на шведовъ, знаетъ Шереметева, Чернышева, и даже Румянцова.

Записанныя въ вѣкъ Екатерины казакомъ Киршею Даниловымъ, былины были изданы въ 1818 году Калайдовичемъ, подъ названіемъ: «Древнія Россійскія стихотворенія».

Многолѣтнія труды покойнаго П. В. Кирѣевскаго, собиравшаго былины съ разныхъ мѣстъ Россіи, начали издаваться въ Москвѣ Обществомъ любителей Русской словесности въ 1860 году. Черезъ годъ, по выходѣ перваго выпуска Кирѣевскаго, появился первый томъ сборника П. Н. Рыбникова былинъ при-Онежскаго края. Это было своего рода открытіе: о нихъ заговорили ученые и литераторы, возбудились споры и начались изслѣдованія *).

*) Въ 1873 г. былъ изданъ новый, богатый варіантами сбор-

Мнѣ довелось пожить не долгое время въ Петрозаводскѣ, гдѣ тогда жилъ П. Н. Рыбниковъ и готовилъ къ изданію третій томъ своего сборника. Я позволю себѣ остановиться на краѣ, гдѣ сохранился нашъ народный эпосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приведу и свидѣтельства самого собирателя о пѣвцахъ былинъ.

При-Онежскій край съ своимъ моремъ-озеромъ, съ своими нетронутыми дебрями, представляетъ множество глухихъ, мало-вѣдомыхъ и даже совсѣмъ невѣдомыхъ угловъ, разобщенныхъ съ остальнымъ Русскимъ міромъ. Русскіе обитатели этого края (тамъ живутъ и корелы и чудь) говорятъ прекраснымъ языкомъ, чистымъ, не подчинявшимся книжности и вліянію другихъ, какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ нарѣчій. Народъ этотъ не былъ подъ игомъ татаръ; онъ также не зналъ и крѣпостнаго права. Купеческаго сословія тамъ не образовалось. Народное творчество тамъ еще сохранилось въ своей первобытной силѣ. Слушая обыденный разсказъ заонежскаго крестьянина, вы увлечены поэзіей словъ, оборотовъ, присловій; вамъ слышится вашъ родной, но древній языкъ. Порою, изъ живой рѣчи вы ула-

---

никъ (съ интереснѣйшими свѣдѣніями о пѣвцахъ, объ усвоеніи ими былинъ, о размѣрѣ стиха и проч.) Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ.

вливаете слово, знакомое вамъ по лѣтописи и уже давно забытое въ серединной Руси. Удареніе, дѣлаемое въ словѣ, вамъ показываетъ какъ тамъ народъ чутокъ къ происхожденію словъ, какъ первоначальный смыслъ ихъ близокъ ему. Нѣкоторыхъ московскихъ переносныхъ выраженій, какъ напр. *надуть* въ смыслѣ *обмануть* тамъ не поймутъ. Тамъ скамейку зовутъ «бесѣдой», кнутъ—«погонялкой», татарскаго слова «лошадь» такъ не знаютъ, а помнятъ «комонь и конь». Мы такъ привыкли къ уменьшительному окончанію *окъ* въ словѣ платокъ, что намъ настоящее слово «платъ» чуждо, а тамъ оно въ обыденной рѣчи. Оплакивая мужа, ушедшаго въ солдаты, жена, въ причитаньѣ, называетъ его «ладой» и обращается съ мольбою, подобно Ярославнѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ, къ вѣтрамъ и къ красному солнышку:

Освѣти—тко ладу милую
На чужой на дальней сторонѣ,
Въ грозной службѣ государевой.

Народная пѣсня тамъ составляется у васъ на глазахъ изъ матеріала словъ и поэтическихъ выраженій живущихъ и въ обыкновенномъ разговорѣ.

Въ бытность мою въ Петрозаводскѣ, я просилъ однажды хозяйку квартиры сказать мнѣ заплачку, или пѣсню о покойникѣ, но она ничего не могла

припомнить. Через нѣсколько времени умерла у ней сестра, и она отправилась въ сосѣднюю деревню на похороны. По возвращеніи оттуда, она мнѣ передала за̀-плачки, составленныя и пѣтыя ею же самой, у гроба сестры. — Вдохновеніе потребно для того, чтобы воспользоваться поэтическимъ матеріаломъ языка, а матеріалъ этотъ еще не утраченъ и оживаетъ при выдающихся событіяхъ. — Воодушевленная событіемъ, старушка обрѣла языкъ поэзіи, она звала къ себѣ сестру весною и такъ изображала свою сѣверную весну и многоводную мѣстность:

Когда придетъ весна красная, разливная,
Пойдутъ рьяны льды угрюмые,
Разольется шуйская, шумучая быстрая рѣченька [1]),
Приплыви-тко, сестрица богоданная,
Водоплавной сѣрой утушкой.

Въ 1870 году, уже послѣ открытія Рыбниковымъ былинъ были изданы «Причитанья сѣвернаго края», собранныя въ томъ же при-Онежскомъ краѣ, Е. В. Барсовымъ и записанныя со словъ женщинъ» вопленицъ [2]). Въ нихъ стародавній, но еще жи-

[1]) Рѣка Шуя течетъ по каменьямъ и производитъ шумъ, какъ водопадъ.

[2]) Вопленица есть избранное лицо, особо одаренное и изучившее слагать пѣсни отъ другихъ старѣйшихъ вопленицъ. Одна изъ наиболѣе знаменитыхъ вопленицъ, Өедосова (Арина Андре-

вущій въ народѣ складъ имѣетъ дѣло съ современностью. Священникъ нашего времени, мировой посредникъ, староста и писарь изображены мѣткими чертами въ заплачкахъ о покойникахъ [1]).—Въ «завоенныхъ», или рекрутскихъ причитаніяхъ передъ нами чрезвычайно полная картина сравнительно очень недавняго прошлаго: прощанье рекрута съ роднымъ домомъ, сельскимъ храмомъ, послѣдняя гульба его съ товарищами и цѣлая раздирающая драма въ вопляхъ матери, сестры и жены съ малыми ребятами. Въ плачѣ матери видимъ сцену снимания золотыхъ кудрей — въ рекрутскомъ присутствіи—со «свѣта

евна) недавно была привозима въ Петербургъ, пѣла въ собраніи Императорскаго Географическаго Общества и награждена двумя серебряными медалями.

[1]) Отецъ духовный восхваляется за исполненіе требъ въ непогоду и бездорожицу, за умильное служеніе, а также за заступничество отъ придирокъ «судьи неправосуднаго». Староста изображается, какъ защитникъ отъ мироваго посредника, при чемъ послѣдній очерченъ грубымъ притѣснителемъ: «онъ затопаетъ ногами о дубовый полъ... Будто звѣрь въ темномъ лѣсу покрикиваетъ». Въ плачѣ о «Писарёчкѣ хитромудромъ» цѣлая поэма современнаго крестьянскаго горя.

Въ старыя времена горе не находило себѣ мѣста нигдѣ, почему и бросилось въ окіанъ—море и тамъ замкнули его въ норѣ подземной. Ловцы, въ старину не ходившіе въ море, нынѣ туда проникли и изловили необычайную рыбу; распластавъ её, они нашли ключи, которыми и отомкнули нору, гдѣ сидѣло горе. Съ тѣхъ поръ «зло несчасное, горюшко великое по Россіюшкѣ летаетъ яснымъ соколомъ, а надъ крестьянами—чернымъ ворономъ».

яснаго, со скатной жемчужинки». Казарменная жизнь и тягота обмундировки, стояніе на карауле и ученье «на грозной службѣ государевой», со всѣми ужасами наказаній, походъ на сушѣ, бѣды на морѣ, кровавый бой съ врагами отечества все это—современное намъ—воспроизведено чуднымъ поэтическимъ слогомъ съ пріемами завѣтныхъ обращеній къ силамъ природы: солнцу, вѣтрамъ, къ птицамъ вѣщимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубоко прочувствованными воззваніями ко Пресвятой Богородицѣ и Николѣ угоднику.

Страстные, жесткіе укоры начальству, за худую пищу, за одежду не помѣркѣ и за грубое и несправедливое взысканіе, смягчаются представленіями о справедливости царя, о милосердіи государыни, о наслѣдникѣ—заступникѣ за солдатушекъ, и тутъже звучитъ голосъ величаваго народнаго русскаго богатыря:

И гдѣ нѣтъ дороги, тутъ мы проториваемъ,
И гдѣ мхи да болота, тутъ орломъ летимъ...
И гдѣ пулей неймемъ, тамъ грудью беремъ,
А гдѣ грудь не бере—Богу душу отдаемъ.

Объ обидахъ и досадахъ мірскихъ, въ особенности же о судьяхъ неправедныхъ, «что въ конецъ крестьянъ разоряютъ», усопшему писарю поручается пораскazать Владыкѣ-Свѣту истинному, когда онъ станетъ у престола Господняго.

Такое-то творчество дошло до нашего времени отъ источниковъ не тронутой грамотностью былевой поэзіи, въ уголкахъ сѣвера.

Былины не опираются въ своемъ содержаніи на дѣйствительность: ихъ хранить въ памяти труднѣе. Ихъ поетъ только тотъ, кто ихъ наслушался и себѣ усвоилъ; онъ варіируетъ въ мелочахъ свою пѣсню, но все-таки онъ не хозяинъ ея. Содержаніе не подчинено его волѣ, онъ самъ имъ влечется, какъ теченіемъ живой воды. Сказители *) шестидесятыхъ годовъ помнили своего учителя, знаменитаго на все Заонежье пѣвца—Илью Елустафьева, умершаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Сказителей нельзя назвать пѣвцами по ремеслу; они скорѣе пѣвцы по призванію. Есть между ними и слѣпцы, но и тѣ не промышляютъ былинами, не нищенствуютъ, не ходятъ съ пѣснью по церковнымъ праздникамъ, какъ слѣпцы, поющіе Лазаря и Егорія Храбраго. Они живутъ, каждый при своемъ дѣлѣ, на своемъ мѣстѣ, и въ свободное время утѣшаютъ сосѣдей былинами.

Вотъ какъ разсказываетъ П. Н. Рыбниковъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ сказителями:

«Въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ пріискивать

*) Такъ называютъ пѣвцевъ былины за Онежьемъ, т. е. по восточному берегу Онежскаго озера.

лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполнѣ потонулъ на озерѣ, однако у пристани виднѣлось уже много соймъ и лодокъ»...

Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество мелей и подводныхъ камней».

«Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь, простились мы съ «боженымъ» (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «страшный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12-ти верстахъ отъ Петрозаводска». На этомъ островкѣ стоитъ домикъ, въ которомъ проѣзжіе укрываются во время непогоды. Г. Рыбниковъ не вошелъ въ домикъ и заснулъ около костра; его разбудили странные звуки.

«До того я много слыхалъ и пѣсень и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порою онъ становился быстрѣе, порою обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдой старикъ съ окладистою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкой... Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню; тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ распрашивать: не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь? Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку

Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича, про Хотенушку Блудовича, про Сорокъ каликъ со каликою, про Святогора богатыря».

«На третій день пріѣзда своего въ Кижи, я съѣздилъ съ Леонтьемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскалъ Кузьму Иванова Романова. Жилъ онъ со старою работницею въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ перваго взгляда въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый, какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говорилъ дрожащимъ голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія»...

«Кузьмѣ Иванову будетъ девяноста лѣтъ, и трехлѣтняго возраста онъ сталъ теменъ глазами».

«Пѣть онъ научился отъ рыболова Ѳедора Яковлевича и Ильи Елустафьевича: отъ послѣдняго онъ переняль Вольгу Буслаевича, Горе сѣрое, Хотёна, Дуная, Упава добра молодца и Добрыню. Встарину, по разсказамъ его, соберутся бывало старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустафьевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи; тутъ и Романовъ повыучился былинамъ».

Этому Кузьмѣ довелось въ 1863 году пѣть былины Цесаревичу Николаю Александровичу, который былъ основательно знакомъ съ народнымъ русскимъ эпосомъ *).

Сборникъ Рыбникова начинается былиною о Вольгѣ Буслаевичѣ, записанною со словъ Кузьмы Романова. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились о немъ былины, богатырь этотъ носитъ названіе Волха Всеславича. Имя Вольга напоминаетъ

*) Пишущій эти строки въ статьѣ «Памяти Цесаревича Николая Александровича» передалъ свои личныя воспоминанія

Ольга, или Олега, отчество Всеславичь—князя оборотня Всеслава Полоцкаго. Слитый въ одно представленіе, въ одинъ образъ съ двумя хитрыми, вѣщими князьями, Вольга идетъ походомъ на Царьградъ. Въ былинѣ турецкой царь Санталъ замѣнилъ собою византійскаго императора. Въ недошедшихъ до насъ княжескихъ пѣсняхъ Вольга по всей вѣроятности являлся во всей княжеской обстановкѣ, въ кругу своихъ дружинниковъ: въ былинѣ сельской, сохранившейся въ устахъ народа, онъ является лишь богатыремъ съ характеромъ оборотня.

Рожденіе дивнаго Вольги связано съ закатомъ солнца и появленіемъ звѣздъ:

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу;
Порождался Вольга сударь Буслаевичь
На матушкѣ, на святой Руси.

Вольга подросъ. Обученный, гдѣ-то въ дальней сторонѣ, «всякимъ хитростямъ-мудростямъ, всякимъ языкамъ человѣческимъ», Вольга наконецъ вышелъ на подвиги. Отъ его шествія

Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,

о встрѣчѣ и разговорѣ покойнаго Цесаревича съ за-Онежскимъ пѣвцомъ былинъ. (Русскій Архивъ 1895 г., кн. № 9).

И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.

Вотъ собралъ онъ дружину: «тридцать богатырей безъ единаго» и велѣлъ ей «вить веревочки шелковыя, становить ихъ во темномъ лѣсу и ловить куницъ и лисицъ, дикихъ звѣрей, черныхъ соболей, ловить ихъ по три дни, по три ночи». Дружина исполнила повелѣніе, но не могла добыть ни одного звѣрка. Тогда-то проявилась сила дивнаго богатыря, при первомъ шествіи котораго звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися: Вольга обертывается львомъ «лёвымъ звѣремъ».

Поскочилъ онъ по сырой землѣ, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.

Подобнымъ образомъ одерживается побѣда и надъ птицами и рыбами, причемъ Вольга принимаетъ образъ то птицы, то рыбы. Мѣсто о ловлѣ рыбъ замѣчательно въ былинѣ, возсозданной на берегахъ обильнаго рыбою озера:

Скажетъ Вольга́ сударь Буслаевичь:
Дружина моя добрая, хоробрая!

Дѣлайте дѣло повелѣнное,
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте суденышко дубовое,
Вяжите путевья [1]) шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку
И дорогую рыбку осетринку [2]).

И вотъ послѣ побѣды надъ звѣрями, надъ птицами и рыбами, дивный Вольга—во градѣ Кіевѣ, гдѣ замышляетъ походъ на царя турецкаго. Хитрый богатырь можетъ и долженъ побѣдить прежде всего хитростью: ему надо послать провѣдать про думу, про царскую. Но кого послать?

Стараго послать—будетъ долго ждать,
Средняго послать—виномъ запоятъ,
Малого послать—распотѣшится, разыграется.

Побѣдитель птицъ не долго думаетъ, онъ самъ повертывается птицею и летитъ по подоблачью, въ землю Турецкую. И вотъ онъ уже вьется передъ окнами царскаго терема, подслушиваетъ разговоръ

[1]) Путевья—сѣти.

[2]) Уменьшительныя окончанія придаютъ особенную мягкость языку народной поэзіи: у Кузьмы Романова ихъ встрѣчается болѣе, чѣмъ у другихъ сказителей.

царя съ царицею. Былина передаетъ самую бесѣду супруговъ: они спорятъ про Русь. Царь говоритъ, что ему пора идти на святую Русь, что тамъ уже теперь не по старому, и Вольги въ живыхъ нѣтъ:

Возьму я девять городовъ
И подарю своихъ девять сыновей,
Привезу тебѣ шубоньку дорогую.
Говоритъ царица Панталовна:
А не взять тебѣ девяти городовъ,
И не подарить тебѣ девяти сыновей,
И не привезти тебѣ шубоньку дорогую.

Споръ кончается дракою. Услыхавшій это, Вольга въ другой разъ обертывается горностаемъ и и забѣгаетъ въ горницу ружейную: тутъ онъ повернулся добрымъ молодцемъ —

«И тугіе луки переломалъ, шелковыя тетивочки всѣ перервалъ и каленыя стрѣлы повыломалъ».

Послѣ того онъ обернулся сѣрымъ волкомъ, перегрызъ глотки у добрыхъ коней, порхнулъ птицей-пташицею ко граду ко Кіеву и собралъ свою дружину хоробрую и полонилъ всю землю Турецкую.

Въ другой былинѣ, сохранившейся также въ при-Онежскомъ краѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, Вольга, какъ представитель военной силы, вступаетъ въ споръ съ Микулушкою Селяниновичемъ,

представителемъ земской, пахарской силы.

Молодой Вольга Всеславиевичъ
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле;
Онъ услышалъ въ полѣ ратая.
Оретъ *) въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.

Вольга пожелалъ настичь ратая:

Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра до вечера
Со своею дружинушкой хороброю,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Передъ нами безпредѣльное поле, по немъ ходитъ ровнымъ шагомъ пахарь съ сохою; богатырь носится за нимъ со своею дружиною и только на третій день къ вечеру доѣзжаетъ до дивнаго пахаря. Въ этомъ неутомимомъ пахарѣ усматриваютъ божественнаго оратая, бога покровителя земледѣлія. Вольга завязываетъ бесѣду съ пахаремъ и приглашаетъ его къ себѣ въ товарищи. Микулушка Селяниновичъ соглашается и хочетъ спрятать свою соху за кустъ, чтобы она не пропала. Вольга, желая помочь ему, посылаетъ пять молодцевъ изъ своей дружины, чтобы

*) Оретъ—пашетъ, отъ орати—пахать землю, взрывать ее сохою или плугомъ.

они сошку изъ земли повыдернули, но они не могутъ повернуть соху. Тогда цѣлая дружина и самъ Вольга берутся за нее и все таки не могутъ повернуть ее; тогда самъ оратай-оратаюшко—

Бралъ онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Такимъ образомъ хитрость-мудрость звѣролова Вольги уступаетъ передъ хитростью пахаря, и Вольгѣ далеко не подъ силу тяжесть сохи Микулиной. Поѣхали Вольга съ Микулой рядомъ; богатырскій конь не въ силахъ поспѣть за пахарскою кобылкой. Въ Микулѣ, пересиливающемъ Вольгу, ученые изслѣдователи отмѣтили то предпочтеніе, которое народъ даетъ нравственной, земледѣльческой силѣ передъ силою звѣролова и воина.

Третій богатырь Святогоръ принадлежитъ жизни кочевой; онъ разъѣзжаетъ по чистому полю безъ опредѣленной цѣли и погрязаетъ въ землю или каменѣетъ въ горахъ, когда наступаетъ жизнь новая, осѣдлая и земледѣльческая.

Богатыри Вольга, Микула и Святогоръ, котораго земля не держитъ, названы въ наукѣ нашей старшими богатырями. Происхожденіе ихъ темно; образы ихъ отличаются не свойственною лю-

дямъ силою. Былины знаютъ, что они сошли съ жизненного пути, уступивъ мѣсто младшимъ богатырямъ, отчетливымъ человѣческимъ образамъ, сосредоточеннымъ въ Кіевѣ, около Владиміра князя.

Владиміровы богатыри борятся съ темными силами, олицетворенными въ Соловьѣ-разбойникѣ, Змѣѣ Горынычѣ, Пелькѣ паленицѣ удалой.

Борьба стихій — свѣта и тьмы, тепла и холода. гроза со своими страшными и вмѣстѣ благодатными послѣдствіями, все это воплощается въ народной поэзіи въ боговъ и героевъ. Всякое неблагопріятное явленіе природы наводитъ на человѣка страхъ и кажется враждебною и чуждою ему силою. Народное творчество выражаетъ такія явленія природы въ не естественныхъ образахъ полу-животныхъ и полу-людей или же въ лицѣ титановъ, одаренныхъ свыше свойствами, не подходящими къ природѣ человѣческой и разрушающими условія обыкновенной жизни и порядка Эти образы — горгоны, медузы, гидры, драконы, наши соловьи-разбойники, змѣи горынчаты и Святогоръ, котораго земля не держитъ. Благотворныя явленія природы облекаются творчествомъ народа въ образы свѣтлыхъ боговъ или въ образы героевъ-богатырей, отмѣченныхъ историческими, реальными признаками. Историческія, дѣйствительно существовавшія

личности и народные идеалы сливаются въ одинъ образъ.

Основа богатырской пѣсни древнее миѳическое сказаніе. Если станемъ всматриваться ближе и сличать наши былины съ эпическими пѣснями другихъ родственныхъ народовъ, то убѣдимся что завязка и развязка и самое чудесное вездѣ тѣ-же въ своей основѣ и что историческая жизнь каждаго народа дала былевой пѣснѣ своеобразную окраску, не измѣнивъ древняго основнаго содержанія.

Богатыри младшіе носятъ на себѣ отпечатокъ исторической жизни и быта кіевской и новгородской Руси до—монгольскаго періода.

Средоточіемъ нашего эпоса—Владиміръ князь стольно-кіевскій, Красное солнышко, ласковый, славный князь.

Красное солнышко по горенкѣ похаживалъ,
Русыми кудрями потряхивалъ,
На богатырей службы наметывалъ.

Пированьемъ-столованьемъ у славнаго князя Владиміра начитается большая часть былинъ. Поводомъ къ богатырскимъ подвигамъ служитъ часто слово, сказанное на этомъ пиру. Здѣсь встрѣчается, послѣ долгой разлуки, Добрыня Никитичь съ вѣрною женою своею, Настасьей Микуличной. Илья Муро-

мецъ сюда привозитъ побѣжденнаго имъ Соловья-разбойника, тутъ же заводитъ онъ споръ съ Идолищемъ поганымъ, незванымъ гостемъ Владиміра. За столомъ Владиміра богатыри похвалятся силою—удачествомъ:

Умный хвалится роднымъ батюшкой,
Глупый хвалится молодой женой.

Дюкъ Степановичъ заводитъ здѣсь споръ съ Чурилою Пленковичемъ о томъ, кто кого перещеголяетъ ловкостью въ стрѣльбѣ и красотою наряда. Дунай Ивановичъ здѣсь же предлагаетъ Владиміру добыть ему жену, Апраксу королевичну, запертую въ терему въ землѣ Политовской. Въ другихъ былинахъ эта Апракса является уже хозяйкою пира, княгинею Апраксѣею. Заѣзжій богатырь, или калика перехожій, или удалый скоморошина идетъ прямо на пиръ къ Красному солнушку. Входя, онъ

Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому.
На всѣ четыре стороны поклоняется,
Владиміру князю въ особину.

Князь спрашиваетъ его объ имени-отчествѣ:

Ты откулешній, дородній добрый молодецъ?

Какъ тебя по имени зовутъ,
Величаютъ по изотчеству?

Потомъ даетъ ему мѣсто за столомъ; молодцу подносятъ чару зелена вина «не малую стопу въ полтора ведра». Онъ выпиваетъ ее за единый духъ. За столомъ упоминаются питья медвяныя, яствицы сахарныя, калачики крупивчатые. Очень часто встрѣчается выраженіе:

«Хлѣба кушати, бѣлаго лебедя рушати».

Скоморошина получаетъ обыкновенно мѣсто на печкѣ муравленой; тамъ онъ свои наигрыши наигрываетъ—

Синю морю на утишенье
Добрымъ людямъ на послушанье.

Теремъ Владиміра называется златоверхимъ; окошечки въ немъ хрустальныя, сѣни бѣлодубовыя, частоберчатыя, стекольчатыя: скамьи изъ дорогаго рыбьяго зуба, покрыты камками хрущатыми, стѣны увѣшаны лисицами пушистыми и ушистыми. Общая красота терема изображается слѣдующимъ образомъ:

На небѣ солнце—въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ,

На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
Все въ терему по небесному.

Черпая красоту изъ лона природы, народъ ничего не знаетъ лучше небеснаго свода. Солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами украшаетъ онъ теремъ княжескій; также на дивномъ по красотѣ платьѣ Дюковой матушки изображено: «печетъ красное солнышко, подведена луна небесная». У Гомера сходственно съ этимъ описывается палата царя Алкиноя [1]):

Во французскихъ сказкахъ (Peau d'âne, Cendrillon) платье подаренное феею превосходитъ всякую красоту тѣмъ, что оно цвѣта солнечнаго.

Какъ Зевесъ среди олимпійцевъ, какъ Карлъ Великій среди паладиновъ и Артуръ среди рыцарей круглаго стола, пируетъ между богатырями нашъ спокойный, величавый Владиміръ-Красное солнышко, замѣнившій собою древняго златоволосаго ласковаго бога солнца, господствующаго надъ землею животворнаго свѣтила. Характеръ Владиміра въ былинахъ мягкій: князь стольно-кіевскій не богатырь, не предводитель дружины, а только ласковый хо-

1) «Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ, было въ палаткахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя». Одиссея пѣснь VII.

зяинъ земли Русской. Онъ ходитъ къ обѣденькѣ христосьской, принимаетъ пословъ. гостей торговыхъ, угощаетъ богатырей, выдаетъ замужъ своихъ дочерей и племянницъ и занимается сватовствомъ постороннихъ лицъ. Согласно своему миролюбивому характеру, Владиміръ въ былинахъ не ѣздитъ на войну и на подвиги. Только одинъ разъ онъ «облатился, обкольчужился» и вмѣстѣ съ Ильею Муромцемъ отправился проучить Чурилу Пленковича, который у него «всѣхъ куницъ-лисицъ повыловилъ». Но и тутъ былина не довела ласковаго князя до битвы: самъ Чурила идетъ къ нему на встрѣчу съ почестью и поступаетъ къ нему на службу.

Не смотря на свою вѣрную службу Владиміру, богатыри держатъ его въ страхѣ передъ собой. Князь не позвалъ Илью на почестный пиръ —

Тутъ Ильюшенкѣ стало зорко —
Скоро онъ натянулъ тугой лукъ,

«Стрѣлилъ онъ тутъ по маковкамъ по золоченымъ», потомъ собралъ толпу бродягъ — голь кабацкую и послалъ ее обирать золоту казну. Видитъ «Владиміръ стольно-кіевскій, что пришла бѣда не минучая, сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ для того Ильи Муромца», и послалъ Добрыню Никитича пригласить Илью. Послѣдній, скрѣпя сердце, пришелъ въ сто-

ловую гридницу. Обиженнаго страшнаго гостя посадили на почетное мѣсто, поднесли обычную чару, а онъ говоритъ таковы слова:

Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
Зналъ кого послать меня позвать.
Кабы не братецъ крестовый названный (Добрыня)
Никого я не послухалъ бы.
А было намѣренье наряжено
Натянуть тугой лукъ разрывчатый
Стрѣлить во гридню во столовую.
. . . .
А нонѣ тебя Богъ проститъ
За этую вину за великую.

Когда Добрыня сталъ упрекать Владиміра за то, что онъ въ его отсутствіи сосваталъ жену его за Алешу Поповича, князь сталъ Добрыню уговаривать —

Сталъ Добрынюшка униматися.

Только въ былинахъ о Ставрѣ Годиновичѣ — Владиміръ засадилъ богатыря въ погреба холодные. Но и тутъ народу больно было представить погибель богатыря, и вотъ развилась цѣлая былина о томъ, какъ храбрая и хитрая Василиса Микулична избавила своего мужа отъ плѣна.

Обширнѣе всѣхъ кругъ былинъ объ Ильѣ

Муромцѣ, самомъ любимомъ народномъ богатырѣ. Илья самый нравственный, святой идеалъ народный. Онъ отличается безкорыстіемъ, самъ по себѣ уничтожаетъ зловредную для Руси силу и въ Кіевѣ является вѣрнымъ слугою Владиміра, лучшимъ его защитникомъ. Въ гридницѣ Владиміра ему принадлежитъ первое мѣсто; всѣ остальные богатыри величаютъ его старшимъ братомъ и дядюшкою. Выражая собою народныя миѳическія представленія, Илья есть какъ бы богъ грома и молніи, страшный во время борьбы съ тучами, и въ тоже время очищающій воздухъ и дарующій блага землѣ. Къ нему подошло какъ нельзя лучше имя Ильи, которое носилъ пророкъ, повелѣвающій стихіями. Христіанство дало ему это имя, оно же сообщило ему и другія свойства благочестія и чистыя и добрыя намѣренія. Отправляясь въ путь, онъ говоритъ:

Ѣхать-то мнѣ, добру молодцу,
Во пути мнѣ—ка, во дороженькѣ,
Рукъ чтобы мнѣ не кровавити.

Онъ торопится въ Кіевъ къ свѣтлу празднику: ему надо спѣшить къ заутренѣ христосьской.

Илья представляется сыномъ крестьянина села Карачарова, единственнымъ чадомъ честныхъ роди-

телей. До 30 лѣтъ онъ былъ немощенъ, сиднемъ сидѣлъ — не могъ двигаться. Силу свою онъ получилъ отъ каликъ перехожихъ, божьихъ людей, а по инымъ сказаніямъ, въ образѣ этихъ каликъ исцѣлили Илью апостолы и самъ Христосъ. Калики дали испить Ильѣ чару питья медвянаго. Послѣ первой чары Илья всталъ на ноги, послѣ второй, вынесъ на плечахъ вороты тесовыя съ подворотнею. Послѣ третьей, грузно ему стало отъ силушки — «течетъ по жилочкамъ переливается». Вооружившись булатною палицею, Илья сѣлъ на добра коня.

Пошолъ, поскакалъ его добрый конь,
Рѣки и озера перескакивалъ,
Съ горы на гору перепрыгивалъ,
Лѣса да болота промежь ногъ спущалъ.

Илья направляется къ Кіеву, но на пути его задерживаетъ одинъ подвигъ за другимъ. Прежде всего ему на встрѣчу въ слезахъ пришли мужики Бековцы, или Черниговцы — просятъ избавить ихъ отъ поганыхъ татаръ. Илья истребилъ нечистую силу и не принялъ награды отъ мужиковъ и не захотѣлъ быть у нихъ воеводою. Потомъ замедлила ему путь борьба съ великаншей Пелькой паленицей. Этотъ подвигъ — предметъ отдѣльныхъ былинъ — отличается преимущественно передъ другими, своимъ

миѳическимъ характеромъ. Встрѣчаетъ Илья розстань — три перекрестныя дороги. У розстани, на крестѣ, надпись о трехъ дорогахъ: по первой ѣхать— богату быть, но это Ильѣ не надобно; по второй ѣхать—женату быть, но это Ильѣ на роду не написано; по третьей дорогѣ ѣхать—убиту быть, это Ильѣ на руку; онъ выбираетъ третью дорогу. Но дорожка эта заколодила:

Заколодила дорожка, замуравѣла,
Сѣрый волкъ тутъ не прорыскивалъ,
Черный воронъ не пролетывалъ.
Тамъ сидитъ Соловей разбойничекъ.
Засвиститъ злодѣй по соловьиному,
Закричитъ злодѣй по звѣриному —
Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людишекъ всѣ мертвы лежатъ.

Послѣ побѣды надъ Соловьемъ-разбойникомъ, Илья пріѣзжаетъ въ Кіевъ къ Владиміру князю. Такимъ образомъ онъ поступаетъ на службу къ князю уже съ цѣлымъ запасомъ прежде совершенныхъ подвиговъ. Какъ бы для того, чтобы силой побѣжденнаго опредѣлить значеніе подвига и силу самого побѣдителя, народная поэзія заставляетъ Илью привезти связаннаго Соловья ко князю Владиміру.

Слово князя не имѣетъ силы надъ Соловьемъ;

онъ слушаетъ одного Илью и по его слову свиститъ въ полсвиста.

Отъ этого посвиста соловьяго
Очень великъ шумъ пошелъ.
Темные лѣса къ землѣ преклонилися
На теремѣ маковки покривилися,
Окошечки хрустальныя поразсыпались,
Что есть людишекъ—всѣ мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь стольно-кіевскій
Стоитъ—куньей шубонькой укрывается.

Илья покончилъ съ Соловьемъ, отрубилъ ему буйную голову, приговаривая: «полно тебѣ сиротить малыхъ дѣтушекъ».

Второй типъ богатыря, наиболѣе близкій къ Ильѣ Муромцу по значенію, типъ Добрыни Никитича, который носитъ имя двухъ храбрецовъ, жившихъ на разстояніи трехъ вѣковъ и упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ (Добрыня братъ Малуши, матери Владиміра, и богатырь Добрыня Рязаничь). Онъ представитель боярскаго сословія, близкихъ ко князю людей. Отецъ его умеръ честною смертью, и онъ живетъ съ матерью, честной (почетной) вдовою, Амелфою Тимофеевною. Добрыня славится своимъ «вѣжествомъ» и наукою: онъ во послахъ бывалъ, говорить гораздъ.

А и былъ Добрыня семи годковъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться
А грамота то Добрынѣ въ прокъ пошла.

Добрыня отличается склонностью къ музыкѣ, у него находятся завѣтные гусли яворчаты, на которыхъ онъ ведетъ дивные съигрыши. Подобно тому какъ Илья, переодѣтый каликою, явился однажды на пиръ Владиміра и не былъ узнанъ княземъ, Добрыня приходитъ на тотъ же пиръ скоморошиной — пѣвцемъ и когда началъ онъ по «стрункамъ похаживать, и началъ голосомъ поваживать», — то всѣ на пиру призамолкнули, а князь Владиміръ далъ ему за столомъ три мѣста высшихъ на выборъ. — Былины, въ которыхъ разсказывается о поѣздкѣ Добрыни на подвиги, обыкновенно начинаются тѣмъ, что этотъ богатырь плачетъ передъ матерью и упрашиваетъ ее отпустить его изъ дому — дать прощеньице — благословеньице. Жажда подвиговъ и славы, зависть къ другимъ богатырямъ, вотъ что выражено въ этомъ геройскомъ плачѣ:

Порасплачется Добрыня, порастужится
Передъ своей государыней матушкой.
Честной вдовой Амелфой Тимофеевной.
Государыня моя матушка,
Честна вдова Амелфа Тимофеевна!

Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
Несчастнаго и безталаннаго.
Спородила бы ты меня, матушка,
Таланомъ участью въ Илью Муромца,
Силою въ Святогора богатыря,
Смѣлостью въ смѣлаго Алешу Поповича.

Былина долго останавливается на проводахъ Добрыни, описываетъ, какъ онъ идетъ въ конюшню стоялую выбирать себѣ коня и сѣдлаетъ его, какъ мать прощается съ Добрынею и даетъ ему предостереженіе не купаться въ страшной Пучай рѣкѣ.

Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла сама заплакала,
Учала по по палатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать,
Жалобнехонько она, съ причетью.

Главный подвигъ Добрыни—борьба съ змѣемъ Горынычымъ, живущимъ въ Пучай рѣкѣ, гдѣ въ подводныхъ теремахъ, въ плѣну, находится племянница Краснаго солнышка. Въ иныхъ варіантахъ она дочь Владиміра, или даже невѣста его.— Добрыни въ связи и въ родствѣ съ Владиміромъ: это его богатырь, кіевскій. Отношенія Добрыни къ женѣ составляютъ предметъ особой былины. Отправляясь на подвиги,

этотъ богатырь сдѣлалъ такой наказъ своей молодой женѣ:

А какъ исполнится времени шесть годковъ,
Да не буду я домой изъ чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитаго.
А тебѣ ка—ва, Настасья, воля вольная!
Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
Хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за гостя, за торговаго,
Хоть за русскаго могучаго богатыря.
Не ходи ты замужъ за Алешу, за Поповича,
За бабьяго пересмѣшника,
За судейскаго перелестника.

Прошло шесть лѣтъ, оплакала Добрыню его матушка, а Владиміръ князь сталъ къ ней въ гости похаживать уговаривать Настасью выдти за смѣлаго Алешу Поповича, Настасья еще цѣлые шесть лѣтъ ждала Добрыню и наконецъ покорилась волѣ князя.

Въ день свадьбы ея съ Алешой прибылъ Добрыня въ домъ свой. Мать не узнавала его до тѣхъ поръ, пока онъ не показалъ ей примѣточку на ногѣ. Потомъ онъ одѣлся въ скоморошеское платье, взялъ свои гуселки яворчаты и пошелъ въ гридницу ко князю Владиміру. Увлеченный его пѣньемъ и игрою на гусляхъ, Владиміръ далъ ему любое

мѣсто за столомъ. Добрыня сѣлъ противу молодой жены Алешиной, а своей вѣрной Настасьи Микуличны, и поднесъ ей чару зелена вина, предварительно опустивъ въ нее обручальный перстень. Увидавъ перстень, Настасья тотчасъ узнала въ гуслярѣ своего мужа. Это узнаніе мужа женою посредствомъ перстня есть обыкновенный эпическій пріемъ,— встрѣчающійся во многихъ сказкахъ и былинахъ и у разныхъ народовъ.

Богатый событіями и замѣчательный по художественнымъ пріемамъ кругъ былинъ о Добрынѣ Никитичѣ есть наиболѣе обширный—послѣ круга былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. Отношенія Добрыни къ Маринкѣ, злому женскому существу, превратившему его въ тура золоторогаго, составляютъ предметъ особыхъ былинъ, которыя почти всегда начинаются тѣмъ же прощаньемъ Добрыни съ матушкою: честная вдова на этотъ разъ даетъ совѣтъ сыну не ходить на улицу, гдѣ живетъ злая Маринка истратница.—

Смѣлый Алеша Поповичъ—глаза завидущіе, руки загребущія, вышедшій въ люди смѣлостью и ловкостью, есть третій по старшинству богатырь, послѣ Ильи и Добрыни. Подобно Ильѣ онъ борется на пиру у Владиміра съ Идолищемъ, подобно Добрынѣ онъ побѣждаетъ крылатаго змѣя Тугарина.

Отъ Ильи и Добрыни онъ отличается и своимъ происхожденіемъ. и характеромъ не чистымъ и ненравственнымъ. Самая жена его въ противуположность жены Добрыниной представляется невѣрною. Женитьба его на Настасьѣ Микуличнѣ, женѣ отсутствующаго Добрыни, также кладетъ пятно на характеръ Алеши. Богатырей Михаилу Потыка, Хотена Блудовича, Соловья Будиміровича можно назвать по преимуществу «сватующимися». Ихъ подвигъ—добыванье невѣсты отъ короля дальней земли, изъ терема златоверхаго, гдѣ красавицу не печетъ красно солнышко и не обвѣваютъ вѣтры буйные. Одинъ только Соловей Будиміровичъ пріѣзжаетъ самъ изъ дальней страны въ Кіевъ свататься за племянницу Владиміра — Запаву Путятишну. Этотъ богатырь не ѣздитъ на богатырскомъ конѣ по чисту полю, а плаваетъ по синю морю на кораблѣ-соколѣ, имѣющимъ чудный видъ:

Носъ—корма по туриному,
А бока возведены по звѣриному,
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню, по яхонту,
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому.

Съ многочисленною дружиною (за соколомъ-ко-

раблемъ плывутъ еще тридцать кораблей) пріѣзжаетъ Соловей въ Кіевъ и въ одну ночь дружина его воздвигаетъ въ саду, противъ оконъ Запавы Путятишны, чудный теремъ. Подобно Добрынѣ, Соловей играетъ на гусляхъ яворчатыхъ. При немъ въ его теремѣ, тотъ же какъ и при Добрынѣ, величавый образъ старухи матери, честной вдовы, къ которой нельзя войдти «не обсылочно, бездокладочно».

Иные изъ сватающихся богатырей добываютъ не для себя, а для Владиміра князя невѣсту — Апраксу королевичну, которая въ другихъ былинахъ, уже является Апраксѣею княгинею, супругою стольно-кіевскаго князя. Сватающійся богатырь обыкновенно борется или съ родомъ-племенемъ своей невѣсты, или съ ея немилымъ женихомъ, чаще же всего съ самой невѣстою, которая тогда только выходитъ за него замужъ, когда онъ побѣждаетъ ее. Борьба, эта какъ и всякая борьба, естъ любимый мотивъ былины. Воинственная дѣва—богатырь является въ былинахъ нашихъ или вѣрнымъ, преданнымъ мужу существомъ, или измѣняющею ему и враждебною силою. Настасья Микулична есть типъ перваго рода; Авдотья Лиходѣевна, Авдотья Лебедь бѣлая—типъ втораго рода.

Настасья Микулична въ нашихъ былинахъ есть имя женщины—богатыря вообще, не одной жены

Добрыниной. Она сперва борется съ своимъ женихомъ, а потомъ становится его вѣрною супругою. Свою Настасью Микуличну Добрыня добылъ съ бою: выше мы видѣли ея преданность мужу. Своей Настасьей Микуличной похвалился богатырь Ставръ-Годиновичь, князь Владиміръ засадилъ его за это въ погреба глубокіе, а вѣрная супруга, переодѣтая посломъ, искусною стрѣльбою изъ лука побѣдила ловкость богатырей Владиміровыхъ и тѣмъ заставила князя освободить Ставра.—Искусная стрѣльба изъ лука есть достоинство женщины—богатыря. Въ былинахъ о Дунаѣ Ивановичѣ самъ Дунай входитъ въ состязаніе съ женою своею, Днѣпрою Королевичною (она же и Настасья) и застрѣливаетъ ее изъ лука, потомъ съ горя убиваетъ и самого себя: Гдѣ пала Настасья—тамъ протекла Настасья рѣка, гдѣ палъ Дунай, тамъ протекла Дунай рѣка.

Въ былинѣ «Даніилъ Ловчанинъ» князь Владиміръ, еще не женатый, задумываетъ пріискать себѣ невѣсту. И вотъ среди пира онъ говоритъ:

Ой вы гой еси, князи бояре,
Сильные могучіе богатыри
И вся поленица удалая!
Всѣ вы у меня переженены;
Одинъ то я не женатъ хожу.
Гдѣ было-бы мнѣ за себя невѣсту взять?

И было бы съ кѣмъ думу подумати,
И было бы съ кѣмъ слово молвити,
При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися,
И было бы кому вамъ поклонитися.

Въ отвѣтъ на это ему указали на жену Данилы Ловчанина, грозную Настасью Микуличну, причемъ дали совѣтъ послать богатыря Данилу Ловчанина (охотника) въ службу дальнюю невозвратную, на Буянъ-островъ, убить звѣря лютаго, лихошерстнаго. Въ другой былинѣ Владиміръ посылаетъ Ловчанина на луга Леванидовы, ко гремячему ключу — поймать птицу бѣлогорлицу. Богатырь исполнилъ службу какъ подобало богатырю, но самъ онъ, добрый молодецъ, позадумался:

Знать я князю не угоденъ сталъ!
Упиралъ копье тупымъ концемъ въ сыру землю,
Острымъ концемъ въ ретиво сердце.

Настасья, за которую уже посватался Владиміръ князь, отпросилась проститься съ тѣломъ мужа и тѣмъ же копьемъ закололась. Таковъ трагическій конецъ Настасьи Микуличны.

Скажемъ еще о двухъ другихъ богатыряхъ Владиміровыхъ: Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ. Оба они богатыри щеголи, представители роскоши и красоты, какъ понималъ ее

русскій народъ. Чурила Пленковичъ не явился на службу къ Владиміру подобно всѣмъ прочимъ богатырямъ, онъ не клалъ креста по писаному, не велъ поклона по ученому, его не спрашивалъ князь: ты откулешній дородній добрый молодецъ?

Какъ тебя по имени зовутъ
Величаютъ по изотчеству?

Самъ Владиміръ Красно-солнышко походомъ пошелъ на того, кто у него перестрѣлялъ всѣхъ сѣрыхъ утушекъ и бѣлыхъ лебедей на тихихъ на заводяхъ. Вмѣсто вражды князь нашелъ гостепреимство у стараго Плена Суражанина, отца Чурилы, живущаго въ чудномъ терему. Чурила добровольно пошелъ на службу къ стольно-кіевскому князю. Ему пристала болѣе всего должность придворнаго, онъ сдѣлался сперва княжьимъ постельникомъ, а потомъ позовникомъ, созывалъ міръ народъ ко князю на почестенъ пиръ. За Чурилой водятся романическія похожденія, но главное дѣло его состязанье въ стрѣльбѣ изъ лука и щегольствѣ съ другимъ богатыремъ, Дюкомъ Степановичемъ. Красавецъ Чурила изображается въ былинахъ слѣдующимъ образомъ:

Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,

Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна соболя,
Волосаньки—золота дуга-серебряна.

Чурила ходитъ такъ легко, что подъ нимъ

Травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточекъ не ломится

Одеждица на немъ драгоцѣнная:

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчечка—краснымъ золотомъ,
Во пуговки вплетено по доброму молодцу,
Во петелки по красной по дѣвицѣ.

По петелкамъ какъ поведетъ — такъ красны дѣвицы наливаютъ зелена вина и подносятъ добрымъ молодцамъ, а тѣ играютъ въ гусли яворчаты. Наносившій вредъ охотѣ княжеской, Чурила и въ Кіевѣ является обидчикомъ, вреднымъ человѣкомъ. Онъ дѣлаетъ вредъ малымъ людямъ, портитъ огороды въ Кіевѣ. Его любятъ однѣ кіевскія женщины за красоту и щегольство. Чрезмѣрное богатство Чурилы и роскошные его наряды описываются въ былинахъ съ отчетливостью, но между тѣмъ народъ не сочувствуетъ этимъ качествамъ русскаго щеголя-богатыря, и творчество народное создаетъ ему супротивника — боярина чужеземнаго, долженствую-

щаго проучит Чурилу и затмить его доморощенное роскошество своимъ иностраннымъ боярскимъ блескомъ.

Супротивникъ этотъ носитъ имя Дюка (duc, dux). Изъ какой то дальней земли съ запада изъ Галича, изъ Волыни, изъ Индіи богатой пріѣзжаетъ Дюкъ Степановичъ на пиръ ко Владиміру и разсказами о житьѣ-бытьѣ своей государыни матушки затмѣваетъ блескъ почестнаго кіевскаго столованья. Замѣчательно, что былины старательно проводятъ паралель между Кіевомъ и родиною Дюка, между Чурилою и богатствами пріѣзжаго богатыря и стремятся къ тому, чтобы убить кіевскую роскошь этимъ самымъ сравненіемъ: такъ роскошь на Руси кажется народу лишнею.—Дюкъ прощается съ своей матушкой и ѣдетъ въ Кіевъ. Въ чистомъ полѣ онъ наѣзжаетъ на шатеръ Ильи Муромца и тутъ же вступаетъ съ нимъ въ дружбу. Илья покровительствуетъ Дюку и даетъ ему совѣты какъ держать себя въ Кіевѣ. Когда Дюкъ одолѣлъ Чурилу и кіевскій щеголь былъ въ его рукахъ, Илья Муромецъ вдругъ появился изъ чистаполя и не велѣлъ Дюку губить Чурилу: «съ нимъ расправляться не честь—хвала молодецкая; не знаютъ его сильные могучіе богатыри». На это Дюкъ отвѣтилъ Ильѣ: «Ну кабы не ты, Илья Муромецъ, ссѣкъ бы я Чурилѣ буйну голову».—Народная фантазія при-

даетъ прихотливую, диковинную прелесть всей обстановкѣ Дюка Степановича: его конь, сѣдло, лукъ, стрѣлы, все выходитъ изъ ряду обыкновеннаго. Хвостъ его бурушки косматаго—трехъ сажень, «шерсточка на всѣ стороны разсыпается, какъ скатенъ жемчугъ раскатается». Стрѣлы перены перьемъ какого то рѣдкаго орла; дивная птица роняетъ ихъ въ морѣ, и оттуда достаются онѣ гостями корабельщиками, которые за дорогую цѣну продаютъ ихъ царямъ да королямъ; въ конецъ стрѣлы вставлено по дорогому камню самоцвѣтному. «Гдѣ стрѣла летитъ—отъ нея лучъ горитъ».

На пиру у Владиміра Дюкъ нашелъ не вкусными калачики крупичатые: «онъ верхнюю корочку отламываетъ, а нижнюю корочку прочь откидываетъ». Не нравятся ему и питья медвяныя. Чурила оговариваетъ чваннаго гостя Владиміру, и тогда то Дюкъ начинаетъ хвастаться своимъ имѣньемъ—богачествомъ: у него печки муравленыя (не глиняныя, какъ у князя Владиміра), помелы шелковыя—въ сыту медвяную обмакиваютъ; «колачикъ съѣшь—по другомъ душа горитъ, третій въ душу просится». Въ глубокихъ погребахъ его государыни матушки зелено вино виситъ въ бочкахъ, на цѣпяхъ серебряныхъ; «какъ повѣетъ вѣтеръ со чиста поля и пойдетъ по погребу—цѣпи загудятъ, словно лебеди, словно ле-

беди на тихихъ на заводяхъ». Прельщенный такимъ разсказомъ князь Владиміръ ѣдетъ самъ оцѣнивать Дюково имѣніе. Въ другихъ былинахъ онъ посылаетъ Добрыню Никитича съ оцѣнщиками описывать Дюково богачество. Посланецъ князя Владиміра долженъ былъ дожидаться, пока Дюкова матушка отъ обѣдни пройдетъ домой. И вотъ, видитъ онъ: ведутъ старуху — мало на ней шелку, вся въ золотѣ; ведутъ ее подъ руку пять дѣвицъ и подъ другую пять дѣвицъ; онъ зашелъ спереди поздравствовалъ: здраствуешь, Дюкова матушка! — Я не Дюкова матушка, а я Дюкова колашница. Тоже привѣтствіе повторилъ кіевскій богатырь тремъ другимъ старухамъ, которыхъ вело по десяти, по пятнадцати и по двадцати дѣвицъ подъ каждую руку, и которыя оказались — портомойницею, постельницею и стольницею.

Наконецъ постилаютъ сукна багрецовыя.
На передъ идутъ лопатники;
За лопатниками идутъ метельщики —
Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
По крыльцамъ, по ступенькамъ ковры все шелковые
А по обѣ стороны разсажены сады виноградные.
. . Ведутъ Дюкову матушку.
Подъ руку ведутъ тридцать дѣвицъ,

Подъ другую тридцать дѣвицъ;
Надъ нею несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ отъ краснаго солнца не запеклось лицо ея
бѣлое.
А у матушки нижняя одежда дорогой камки,
Верхняя одежда золотой парчи,
На платьѣ подведена луна поднебесная,—
Пекетъ красное солнышко,
Разсыпаются частыя мелкія звѣздочки;
На головушкѣ шляпа крупнаго жемчуга,
Спереди положенъ камень самоцвѣтный.
Лапотки на ножкахъ плетеныя,
Плетеныя изъ синихъ шелковъ да шемахинскіихъ
А въ носики вставлено по славному камню, по
яхонту.

Картинностью въ изображеніи предметовъ рыками отличаются въ особенности былины о Дюкѣ Степановичѣ.

Въ Новѣгородѣ развился свой рядъ былинъ о Садкѣ богатомъ, торговомъ гостѣ и о Васькѣ Буслаевѣ. Первый есть типъ богатыря—купца, собравшаго дружину гостей корабельщиковъ. Бѣдный гусляръ, Садко своею игрою на гусляхъ увлекаетъ божество Ильмень-озера, «царя подоннаго», который является ему въ видѣ добраго молодца и велитъ

Садку биться объ закладъ съ богатыми новогородцами о томъ, что онъ достанетъ рыбу златоперую. При помощи царя Водяника Садко выигралъ три лавки съ красными товарами. Потомъ онъ расторговался и сталъ несмѣтно богатъ. Онъ даетъ пиры въ Новѣгородѣ, и у него за столомъ какъ въ гридницѣ Владиміра, всѣ пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются:

Одинъ хвастаетъ безсчетной казной
Другой хвастаетъ силою—удачей молодецкою;
Умный хвастаетъ роднымъ батюшкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

Былины, гдѣ представляется пиръ Садка, имѣютъ своимъ содержаніемъ споръ богатаго гостя съ цѣлымъ Великимъ Новымъ-городомъ. Садко споритъ, что въ три дня выкупитъ всѣ товары изъ Новагорода. Однѣ былины оканчиваются побѣдой Садка надъ славнымъ торговымъ городомъ, другія побѣдой города надъ разбогатѣвшимъ гусляромъ. По замѣчанію Костомарова, въ этихъ двухъ противурѣчащихъ варіантахъ видно колебаніе между личною свободою, доходившею до владычества произвола, и между строгимъ могуществомъ общины Новогородской.—Въ другихъ былевыхъ пѣсняхъ Садко попадаетъ по жеребью, для утишенія бури, на мор-

ское дно—и тамъ онъ принужденъ потѣшать царя Водяника игрою на гусляхъ. Отъ его игры на гусляхъ расплясался царь морской: «сталъ царь Водяникъ приплясывать, а царица Водяница прискакивать». Отъ этого подводнаго веселья, въ украшенной солнцемъ и мѣсяцемъ палатѣ русскаго Нептуна, поднялась ужасная буря—и Никола Можайскій явился научить Садко, для спасенія пловцовъ, порвать у гуслей струны золотыя и шпенечки всѣ повыломать.

Второй новогородскій богатырь, удалецъ Васька Буслаевъ, есть представитель самоуправства новогородскаго. Это разгульный, пьяный богатырь, сражающійся въ самомъ сердцѣ Великаго Новгорода на Волховскомъ мосту, соединяющемъ Торговую и Софійскую стороны. Его союзники—сборная разгульная дружина, враги его—мирные граждане. Расходившагося Ваську въ силахъ унять одна только матушка его, да крестный батюшка, старчище—пилигримчище.

Богатыри святорусскіе являются около своего Владиміра Краснаго солнышка и въ томъ кругѣ былинъ, гдѣ поется о страшномъ татарскомъ нашествіи. «Какъ не силенъ былъ толчекъ,—говоритъ проф. Буслаевъ,—данный татарщиною русской былинѣ, все же народный эпосъ не утратилъ своего

прежняго величаваго строя и внесъ погромы татарскіе въ спокойное теченіе своихъ разсказовъ». Всѣ богатыри дѣйствуютъ за одно, когда надъ Кіевомъ собралась туча чернымъ черная, когда отъ пару конинаго солнце—мѣсяцъ померкнули. Въ былинахъ о Калинѣ царѣ (такъ называется предводитель несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ), рядомъ съ извѣстными кіевскими богатырями, появляются и другіе молодые храбрецы, племянники Ильи Муромца, или сыновья его сверстниковъ. Это третье поколѣніе богатырей въ немногихъ былинахъ дѣйствуетъ само по себѣ, но силу свою оно заимствуетъ отъ своихъ предшественниковъ, которые появляются изъ таинственной неизвѣстности только тогда, когда мощь ихъ преемниковъ ослабѣваетъ. Свободная народная сила, наполнявшая дружины и полки княжескіе, имѣла нѣкоторое сходство съ тою силою, которая шла въ пещеры и безлюдныя мѣста съ цѣлію спасенія души. Народъ нашъ уразумѣлъ это сходство и нашелъ возможнымъ соединить эти двѣ силы въ одну, въ лицѣ созданнаго имъ идеала, въ лицѣ святорусскаго богатыря. Богатырь инокъ, богатырь старчище пилигримчище—величавые образы народной поэзіи. Онъ, этотъ безъимянный инокъ, останавливаетъ расходившуюся руку гуляки богатыря и благословляетъ на подвигъ своего молодаго

преемника, а самъ отдается между тѣмъ высшимъ интересамъ, не земнымъ.

А узнали цари невѣрные,
Что въ Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри,
Обступила сила черная стольный Кіевъ градъ.

И вотъ снова передъ нами пиръ Владиміра, и этотъ не старѣющійся въ эпосѣ, князь вызываетъ охотника на силу невѣрную. Но большій хоронится за средняго, средній прячется за младшаго, а отъ младшаго отвѣту нѣтъ. Въ концѣ концовъ, послѣ третьяго призыва, появился богатырь, но его сила никому неизвѣстна, онъ—

И разумомъ глупёшенекъ,
И ростомъ малёшенекъ.

Откуда же этотъ новичекъ почерпнетъ свою силу богатырскую?

Поворачивалъ коня ко монастырю пречестному
Да ко тѣмъ ли ко келіямъ низкимъ,
Да въ ту пору мать сыра земля сколыбалася,
Старчище черничище въ келіи засовалося.

Богатырь инокъ благословляетъ своего юнаго преемника и посылаетъ его отыскать въ чистомъ полѣ коня богатырскаго. Бурушка косматый прибѣ-

гаетъ на знакомый богатырскій свистъ. По указанію того же старца, выкапывается изъ земли глубоко зарытая въ нее богатырская сбруя и палица булатная, и новый богатырь во всеоружіи летитъ на встрѣчу невѣрной силы.

Былевое творчество русскаго народа воспользовалось своимъ выработаннымъ поэтическимъ складомъ для изображенія историческихъ лицъ и событій въ отдѣльныхъ пѣсняхъ.

Древнее творчество Кіевской эпохи сохранилось въ былинахъ Московскихъ и Новогородскихъ областей. Позднѣйшее московское творчество внесло въ эпосъ много нравственнаго, смягчающаго, христіанскаго. Языческія наивныя и грубыя представленія облагороживаются, получая историческій, а иногда и священный характеръ. Въ историческихъ былинахъ мы встрѣчаемъ подвигъ женщины, приведшій въ умиленіе самого царя невѣрнаго *).

Всѣ эти пѣсни уже не вводятъ насъ въ отдѣльный міръ эпическаго цѣлаго, подобно пѣснямъ о богатыряхъ. Въ нихъ уже нѣтъ того спокойствія, съ какимъ богатырь смахиваетъ головушку съ могучихъ плечъ или вынимаетъ сердце съ печенью.

---

*) См. выше стр. 121—127.

Въ историческихъ пѣсняхъ есть чувство справедливости и состраданія къ человѣку. Семейное трагическое событіе здѣсь часто на первомъ планѣ. Правда историческая смѣняетъ здѣсь миѳическія представленія стараго эпоса, и если перепутываются между собою историческія имена, то тверда историческая почва и вѣренъ смыслъ событія.

Въ былинахъ объ Иванѣ Грозномъ отчетливо выставляются жестокости и нечестивыя дѣла царя, и этимъ самымъ произносится надъ нимъ строгій судъ. Въ пѣснѣ о казни царевича народъ не допускаетъ Ивана Васильевича быть дѣтоубійцею. Спасителемъ юноши является дядя его по матери, Никита Романовичъ—образъ свѣтлый, умиротворяющій, противуположный «немилостивому палачу, вору—собакѣ Малютѣ Скурлатову». Смутное время и эпоха первыхъ Романовыхъ отразилась въ эпосѣ ясными, далеко не дѣтскими представленіями о коварномъ поступкѣ Годунова, о еретичествѣ Отрепьева и Марины, о подвигахъ Скопина, Ляпунова, Пожарскаго, объ избраніи Михаила, о соборѣ земскомъ при Алексѣѣ, о Соловецкомъ взятіи.

Илья Муромецъ и его товарищи вновь оживаютъ въ пѣсняхъ казацкихъ, гдѣ героемъ является Ермакъ и Стенька Разинъ. Около послѣдняго, какъ представителя той же силы, которая нѣкогда по

собственной волѣ и почину, шла подъ знамена княжескія, сосредоточиваются казацкія степныя и приволжскія пѣсни.

Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ дышатъ старымъ богатырскимъ эпосомъ, и этотъ казакъ-богатырь является въ былинахъ братомъ стараго Ильи Муромца. По Волгѣ, со Стенькою, гуляетъ прежняя богатырская вольная сила. Однако въ былинахъ Волжскихъ видно и новое, а именно: лирическій элементъ въ воззваніяхъ къ рѣкѣ—матушкѣ и грустная дума о кончинѣ молодца—атамана и прочее.

Идеалы, давшіе основу духовнымъ стихамъ заступили мѣсто старыхъ языческихъ образовъ.

Стихъ о книгѣ Голубиной и всѣ прочіе духовные стихи поются особыми пѣвцами по ремеслу, нищими, преимущественно слѣпцами. Въ физическомъ отношеніи это калѣки и при томъ перехожіе, потому что, вынужденные жить подаяніямъ, они бродятъ по монастырямъ и церквамъ въ храмовые праздники, поютъ на ярмаркахъ, сопровождаютъ дальніе крестные ходы. Духовные стихи съ одной стороны соприкасаются съ христіанскими идеями, съ другой съ народностью. Въ нихъ религіозныя убѣжденія мирятся со старинною народною стихіею; но христіанская стихія вошла въ духов-

ные стихи не изъ своего чистаго источника, а по большей части изъ книгъ отреченныхъ, апокрифическихъ, почему и произведенія эти и не могли встрѣтить повсемѣстнаго одобренія и, за рѣдкимъ исключеніемъ, не попадали въ письменность. Несмотря на эпическій складъ этихъ стиховъ, въ языкѣ ихъ преобладаетъ церковно-славянская стихія.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ стиховъ— стихъ о Егоріи Храбромъ. По содержанію онъ не очень близокъ къ житію Георгія Побѣдоносца, а по замыслу и самому образу героя. представляетъ сходство съ былиной. Миѳическій Егорій (Юрій) входитъ въ весеннія пѣсни малороссовъ и живетъ въ ихъ повѣрьяхъ и примѣтахъ, какъ обновитель природы и властитель въ царствѣ животныхъ. Таковъ онъ и въ духовномъ стихѣ. Устроитель порядка на землѣ, въ лѣсахъ и горахъ, повелитель звѣрей и хранитель домашнихъ животныхъ, Егорій походитъ на Вольгу, но только на Вольгу облагороженнаго, возвышеннаго до степени благодатнаго устроителя порядка. Вольга получилъ вѣщую силу хитростью и чарами (онъ рожденъ отъ змѣя), а Егорій достигъ господства надъ природою только потому, что перенесъ неимовѣрныя мученія за вѣру. Исцѣленный чудесно, онъ побѣждаетъ своего прежняго мучителя «царище Демьянище» почти такъ же, какъ Илья

Муромецъ Соловья разбойника. Подобно Добрынѣ, онъ выручаетъ дѣвицъ изъ плѣна и снимаетъ съ нихъ чары нечистой силы. На богатырей онъ не походитъ только тѣмъ, что ни съ кѣмъ не воюетъ, а, вооруженный копьемъ, разъѣзжаетъ на своемъ бѣломъ конѣ по русскому царству, устроивая порядокъ въ природѣ и въ складѣ жизни. Справедливо находятъ въ этомъ отраженіе тѣхъ первыхъ вѣковъ исторической жизни, когда проповѣдь христіанства впервые огласила глухія мѣстности, когда, съ появленіемъ князя и дружины, началась первая гражданственность. Другіе стихи имѣютъ источникомъ своимъ Библію (Плачъ Іакова о проданномъ Іосифѣ), Евангеліе (стихъ о Лазарѣ), Житія Святыхъ (объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, о Кирикѣ и Улитѣ и самый позднѣйшій стихъ объ Іосафѣ царевичѣ, возлюбившемъ пустыню).

Тамъ гдѣ является мученикъ, пострадавшій за Христа, стихъ передѣлываетъ его въ родственный образъ богатыря (Ѳедоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій). Лирическая стихія преобладаетъ въ «Плачѣ Адама о раѣ», въ «Плачѣ Богородицы». Бытовыя черты, преимущественно сельскія, выступаютъ въ «Стихѣ о душѣ».—Міръ представленій о мученіяхъ въ загробной жизни, о страшномъ судѣ нашелъ выраженіе въ соотвѣтствующихъ стихахъ, а народная мудрость

въ стихѣ о Голубиной книгѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ стихѣ объ Аникѣ воинѣ встрѣчаемся мы съ богатыремъ: онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю и ждетъ себѣ супротивника. Страшный супротивникъ является на вызовъ доселѣ неодолимаго богатыря: это сила нездѣшняя. Богатырь и ее хочетъ одолѣть и смѣло вступаетъ съ нею въ бой, но чѣмъ больше рубитъ онъ врага, тѣмъ тверже дѣлается его врагъ, такъ что богатырь принужденъ просить пощады, проситъ сроку жизни еще на тридцать лѣтъ. Съ подпиленными ногами, во прахѣ передъ грознымъ воителемъ, богатырь проситъ дать пожить на бѣломъ свѣтѣ хоть годъ, хоть часъ, но въ отвѣтъ узнаетъ только имя неумолимаго витязя. Имя это—смерть. Таковъ конецъ богатыря въ пѣсняхъ христіанскаго характера. Онъ не уходитъ въ нѣдра природы, не каменѣетъ въ горахъ, какъ Святогоръ богатырь, не сходитъ по собственному желанію въ глубь монашеской пещеры, какъ Илья Муромецъ, а прямо въ расплохъ встрѣчается съ судомъ Божіимъ, покаравшимъ его за гордость.

Захватившій въ себя всѣ историческія воспоминанія, всѣ древнія миѳическія представленія, равно какъ и христіанскіе идеалы, эпосъ великорусскій не лишенъ и юмора — свойства, указывающаго на

критическое отношеніе къ дѣйствительности. Много юмористическихъ чертъ можно найдти въ пословицахъ, свадебныхъ пѣсняхъ, побывальщинахъ, сказкахъ и даже въ серьезныхъ былинахъ, не говоря уже о такъ называемомъ животномъ эпосѣ, гдѣ хитрость и жадность лисы — Патрикѣевны, глупость сѣраго волка даютъ разнообразные мотивы для колкой насмѣшки надъ людскими свойствами. — За образецъ народнаго юмора возьмемъ побывальщину о Дурнѣ, безъ вины виноватомъ. Разгадка его бѣдъ и неудачъ въ немъ самомъ и въ его прозваніи:

Жилъ былъ Дурень,
Жилъ былъ Бабинъ;
Вздумалъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.

Практическому смыслу народа праздность, бездѣльная цѣль странствованія представляется достойною Дурня. Описаніе похожденій жалкаго героя былины состоитъ изъ разсказа о его встрѣчѣ съ людьми. Послѣ каждой изъ встрѣчъ Дурень возвращается въ кругъ своихъ домашнихъ, и, получивъ отъ нихъ наставленіе, вновь идетъ—на Русь гуляти,

себя казати. Прежде всего Дурень зашелъ въ домъ:
Двѣ избы пусты,
Въ третьей людей нѣтъ.

Заглянетъ въ подполье,
Въ подпольѣ черти
Востроголовы;
Усы—что вилы,
Руки—что грабли,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ.

Шутливому содержанію соотвѣтствуетъ уродливый видъ чертей, которымъ приписывается занятіе, состоявшее подъ церковнымъ запрещеніемъ: игра въ кости, или зернь. Добродушный молодецъ поздравствовалъ играющихъ:

Богъ вамъ помочь
Добрымъ людямъ!

Такое привѣтствіе нарушило удовольствіе чертей:

Едва его, Дурьня,
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ.

А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
Ты, глупый Дурень,
Не разумный Бабинъ!
То же бы ты слово
Да не такъ бы молвилъ.
Ты бы молвилъ:
Будь, врагъ, проклятъ
Именемъ Господнимъ
Бо вѣки вѣковъ аминь.
Черти бъ убѣжали,
Тебѣ бы, Дурьню,
Деньги достались
Вмѣсто кладу.

Комическое положеніе Дурьня въ семьѣ, при взглядѣ народа на женщину, какъ на низшее, подчиненное мужчинѣ существо, состоитъ въ томъ, что онъ самъ подчиненъ женщинѣ и не одной, а цѣлымъ тремъ, почему и прозывается: Бабинъ. Онъ принимаетъ совѣтъ домашнихъ съ благодарностью:

Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава;

Впередъ я, Дурень,
Таковъ не буду.

Но «горбатаго могила исправитъ», говоритъ пословица, и другая прилагаетъ туже безнадежность къ положенію дурака: «пьяница проспится, дуракъ никогда!» Подъ впечатлѣніемъ совѣта домашнихъ и собственнаго промаха, Дурень произноситъ годное для чертей заклятье, при встрѣчѣ съ четырьмя братьями крестьянами, которыхъ онъ засталъ за молотьбою ячменя. Оскорбленные его привѣтствіемъ (Будь, врагъ, проклятъ и т. д.) братья крестьяне стали колотить его цѣпами «едва его, Дурьня, жива отпустили». Дома опять слезы и вой Дурьня, и новый совѣтъ трехъ бабъ:

Ты бы молвилъ
Четыремъ братьямъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
Дай вамъ, Боже,
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю.

Дурень сознаетъ свою ошибку и хочетъ приложить къ дѣлу правило житейской мудрости, но непониманье дѣйствительности вводитъ его въ новое заблужденіе. Онъ встрѣчаетъ похороны, и желая быть практичнымъ, привѣтствуетъ родныхъ покойника:

Дай вамъ, Боже,
По сту на день.

Тотъ же печальный исходъ, то же возвращеніе домой, гдѣ онъ выучивается освященнымъ обычаемъ и временемъ словамъ, съ которыми слѣдуетъ встрѣтить похороны и за которыя бы его Дурьня—

Блинами накормили,
Кутьею напитали.

Но несчастный, крѣпкій заднимъ умомъ, говоритъ эти слова при встрѣчѣ со свадебнымъ поѣздомъ, потомъ свадебное привѣтствіе предлагаетъ старцу-игумену, подъ благословеніе подходитъ къ медвѣдю, а охотничьимъ крикомъ «уськаньемъ-улюканьемъ» встрѣчаетъ полковника съ солдатами. Каждая неудача дорого стоила Дурьню: его отстегали плетьми свадебные дружки, его отвалялъ костылемъ старецъ-игуменъ, поломалъ и поковеркалъ медвѣдь, а отъ солдатъ оскорбленнаго полковника ему и смерть пришла.—Такимъ образомъ народъ безжалостно отдаетъ Дурьня судьбѣ его. Умѣнье жить, практическая мудрость опредѣляется въ этомъ народномъ стихѣ знаніемъ обычныхъ привѣтствій. Слову народъ придаетъ большое значеніе; не кстати сказанное, оно навлекаетъ бѣду, особенно же во время такихъ необыденныхъ событій, какъ свадьба, или

похороны. Въ складѣ и замыслѣ стиха о Дурнѣ видна критика явленій, виденъ наблюдатель, подсмѣивающійся надъ людскою не практичностью, привычкою жить заднимъ умомъ.

Насмѣшкою, шуткою часто прикрываются серьезныя наблюденія и взгляды. При царяхъ московскихъ видимъ дураковъ потѣшниковъ, которые веселили царя солью своихъ шутокъ. Религіозная жизнь выработала типъ юродивыхъ, которые шуткою и дурачествомъ потрясали совѣсть въ загрубѣлыхъ душахъ.

Что же касается до прямаго, не иносказательнаго осужденія дурныхъ сторонъ жизни, то и въ такомъ родѣ быть можетъ только въ семнадцатомъ вѣкѣ стали появляться поэтическія произведенія въ нашемъ народномъ эпосѣ. Сатирическая, карательная стихія вѣрно отмѣчаетъ общественные недостатки и въ духовныхъ стихахъ, гдѣ народу приходится самостоятельно, нѣсколько поодаль отъ книжнаго вліянія, опредѣлить свои грѣхи (Стихъ о грѣшной душѣ; О страшномъ судѣ и др.).

IV.

ОТЪ СТАРАГО КЪ НОВОМУ.

Стихъ: Горе-злосчастье. Думы Крижанича. «О Россіи» Котошихина. Схоластика. Новые учители. Повѣсти переводныя и оригинальныя. Среди двухъ теченій. Заря новаго періода.

Мы остановимся на одномъ, полномъ значенія, стихѣ о Горе-злосчастьѣ *).

У батюшки, у матушки жилъ молодецъ
Одиночный сынъ, любименькой.
Захотѣлось дородню добру молодцу
Сходить на чужу дальнюю сторонушку.
Унимали молодца отецъ съ матушкой.
Онъ отца —матери не слушаетъ
Снаряжается въ путь-дороженьку.
Шубоньку сшилъ себѣ онъ кунью,
По подолу остросчилъ чистымъ серебромъ,

*) Онъ найденъ въ рукописи XVII-го вѣка профессоромъ А. Н. Пыпинымъ, но первоначальную народную редакцію котораго, подарилъ намъ сборникъ Рыбникова, гдѣ стихотвореніе это носитъ названіе «Побывальщины о горюшкѣ сѣромъ и о неудачливомъ молодцѣ».

По рукавчикамъ краснымъ золотомъ,
Воротъ шубоньки онъ сдѣлалъ выше головы
Спереди не видать лица румянаго.
Сзади не видать шеи бѣленькой.

Нарядный, обезпеченный отъ мороза, съ деньгами въ рукахъ, балованный сынокъ, вопреки воли родительской, отправляется, безъ всякой опредѣленной цѣли, людей посмотрѣть и себя показать. Родители, уступая желанію сына, даютъ ему на прощанье наставленія — какъ вести себя съ чужими людьми, какъ беречься лукаваго товарищества и, пуще всего, не ходить во царевъ кабакъ, не пить чарочки зелена вина.

И пошелъ дородный добрый молодецъ.
Путемъ широкою дорогою.

На первыхъ же порахъ онъ свелъ дружбу съ встрѣчнымъ молодцемъ, который завелъ его въ кабакъ. И онъ въ другой разъ не послушалъ наказа отца—матери, «захотѣлъ развеселить ретивое сердечушко, ходючи-бродючи на чужедальней сторонушкѣ». Чинно входитъ онъ въ кабакъ, на всѣ четыре стороны покланяется. Онъ еще неиспорченъ и не знаетъ въ какое мѣсто пришелъ, а новый другъ къ нему: «выпей, выпей винца немножечко, облей-обкати ретивое сердечушко, развесели свою моло-

дую головушку». Дѣло кончилось тѣмъ, что во время сна у молодца отняли всѣ его деньги и богатое платье.

Дали ему лапотки липовы
Подержаны, поношены, да брошены
И тулупецъ рогоженой,
Колпачекъ то берестовой.

И вотъ сидитъ онъ—закручинился, запечалился: «не послушалъ я отца—матери!» Въ минуту этого горькаго раскаянія изъ за-печки выскочило Горе сѣрое.

Стало Горюшко по горенькѣ поскакивати,
Поскакиваетъ да приговариваетъ,
Учитъ молодца припѣвочкамъ:
Какъ въ горѣ жить-некручинну быть.

Въ этомъ не привлекательномъ образѣ Горя, олицетворяется внутренній міръ сбившагося съ пути человѣка. Между юношей и его демономъ-Горемъ начинается борьба. Юноша хочетъ идти къ добрымъ людямъ, онъ стыдится нести повинную голову родителямъ—а горе указываетъ ему утѣшеніе въ разгульной жизни. Но доброе начало однако беретъ свое, и юноша входитъ въ домъ добрыхъ людей, которые, не смотря на рубище, признали въ немъ сына хорошей семьи:

По кресту дороднiй добрый молодецъ
Ученаго отца—матери,
По поклончикамъ дороднiй добрый молодецъ
Разумнаго рода-племени [1]).

Добрые люди входятъ въ его положенiе, заставляютъ его работать, а потомъ торговать. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ разбогатѣлъ, нажилъ себѣ такую же шубу, какъ и прежде, а денегъ и больше того. Ему находятъ невѣсту, и совѣтуютъ возвратиться къ родителямъ съ молодою женой. Сталъ онъ женихомъ, и счастьемъ похваляется. Похвальбу эту услышало Горе сѣрое и явилось ему во снѣ. Босому, лыкомъ подпоясанному, ему нельзя было явиться наяву, при радостной, праздничной обстановкѣ. Горе подкралось къ молодцу и представило ему невѣсту въ дурномъ свѣтѣ.

Молодецъ нарушилъ сватовство и вновь зажилъ разгульною жизнью. Горе торопитъ его поскорѣе пропить богатство, чтобы легче было вести жизнь разбойничью. Первый разъ онъ былъ привлеченъ ко злу товарищемъ; его, неопытнаго, почти ребенка, ограбили въ кабакѣ; теперь же онъ самъ въ себѣ носитъ стремленiе къ дурному и по собственному

[1]) Крестъ класть по писанному, поклонъ вести по ученому—есть признакъ вѣжества, цивилизацiи и по воззрѣнiю былинъ.

почину доводитъ себя до нищеты и униженія. Но вотъ наконецъ въ немъ совершается нравственный переломъ, и онъ, безъ стыда, какъ евангельскій блудный сынъ, рѣшается нести повинную голову родителямъ. Послѣ долгаго, труднаго пути, добрелъ онъ до рѣки, на противоположномъ берегу которой лежитъ его родимая сторонка. Онъ кличетъ перевозчика, но тотъ требуетъ денегъ за перевозъ, а ему платить нечѣмъ. Съ горя садится молодецъ на камешекъ и начинаетъ пѣть припѣвочки, которымъ еще прежде научило его Горе-злосчастье:

Ай въ горѣ жить — не кручинну быть;
Не утѣшить дитяти безъ матери;
Не скроить атласу безъ мастера;
Не отрастить дерева суховерхова;
Не бывать плѣшаку кудрявому.

Въ каждомъ выраженіи — крикъ отчаянія, сознаніе безвыходности положенія. Перевозчика разжалобила эта пѣсня, и онъ перевезъ горемычнаго молодца на другой берегъ. Съ возвращеніемъ на родину, по видимому, призракъ сѣраго Горя долженъ былъ исчезнуть. Въ простыхъ, мягкихъ чертахъ должно было изобразиться желанное свиданіе съ родителями. Это было бы въ духѣ мягкой русской природы и еще болѣе въ духѣ хри-

стіанскаго ученія.—Въ числѣ народныхъ побывальщинъ у насъ есть еще одна, сходная по содержанію со стихомъ о Горѣ, это побывальщина «О добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой». Въ ней, послѣ безпорядочной жизни, молодецъ возвращается къ семьѣ своей и въ концѣ—трогательная встрѣча его съ вѣрною женою и двумя, подросшими въ его отсутствіи, сыновьями.—Въ стихѣ о Горѣ-злосчастьѣ, слушателю или читателю также предвидится счастливый конецъ, онъ радуется за молодца, когда тотъ, почувствовавъ себя на родинѣ, взвился по подоблачью и полетѣлъ домой яснымъ соколомъ.

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ чернымъ ворономъ
И кричитъ громкимъ голосомъ:
Хочешь улетѣть, да не улетѣть,
Не на часъ я къ тебѣ, Горе, привязалося.
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю,
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
А Горюшко въ слѣдъ бѣжить собакою.
Молодецъ отъ горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою,
А за нимъ Горе во слѣдъ идетъ,
Во слѣдъ идетъ, невода несетъ:
Ужъ ты стой не ушелъ, добрый молодецъ!

Сталъ молодецъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще злосчастье надъ нимъ посмѣялося:
Быть тебѣ, травонька, посѣченой.

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣваться некуда, припадаетъ къ сырой землѣ, а Горе въ слѣдъ съ лопатою—

Загребло его во могилушку.

Разгадка неудачъ и трагическаго конца Дурьня въ немъ самомъ, въ неумѣньѣ (при всемъ добромъ желаніи) обходиться съ дѣйствительностью, словомъ, въ дурости. Но какъ объяснить подобный же конецъ горемычнаго молодца? Раскаяніе созрѣло въ душѣ его, онъ достигъ роднаго берега, и нѣтъ болѣе видимыхъ причинъ для бѣды и погибели.

Народное творчество здѣсь само разрываетъ съ дѣйствительностію и не объясняетъ—какія обстоятельства помѣшали горемыкѣ броситься въ объятія отца; оно ведетъ молодца къ смерти сверхъестественнымъ путемъ, оно говоритъ о гнетущей судьбѣ старыми словами, пускаетъ въ ходъ пріемы таинственной, миѳической поэзіи. Оттого и горе получаетъ характеръ фатума, демона, получившаго власть надъ человѣкомъ, отклонившимся отъ праваго пути.—Но не во всѣхъ пересказахъ стиха о Горѣ сѣромъ

одинъ и тотъ же конецъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ превращеній молодца въ сокола, волка, рыбу и ковыль-траву, онъ достигаетъ, въ своемъ отчаянномъ бѣгствѣ отъ демона-Горя, до вратъ обители иноческой, и Горе не можетъ туда за нимъ слѣдовать: «оно у святыхъ воротъ остается».

«Мрачная, безотрадная сторона древне-русской жизни сказалась въ Горѣ-злосчастьѣ. Разъ споткнувшись, разъ отступивши отъ предписаннаго Домостроемъ образа жизни, русскій человѣкъ ничего не встрѣчалъ въ своихъ похожденіяхъ, что-бы могло примирить его съ дѣйствительностью; ему оставалось, или разбойничество, или отчаяніе, или наконецъ, полное и цѣльное раскаяніе, съ которымъ нельзя ужиться въ мірѣ»*). Пьянство, разбой, отсутствіе идеальной цѣли, черныя мысли о женщинѣ, вотъ тѣ обстоятельства, въ силу которыхъ Горе привязалось къ молодцу. — Если вчитаться въ поученія, противъ различныхъ случаевъ пьянства, противъ лукавства женщинъ, въ поученія, которыми наполнялись сборники XVI и XVII-го столѣтій, да еще присоединить къ этому всѣ мрачныя представленія о мукахъ загробныхъ, о борьбѣ жизни со смертію, о дьяволахъ въ разныхъ видахъ и образахъ, то поневолѣ содрогнешься при мысли о міросозерцаніи русскихъ грамотниковъ и

*) Буслаева—Истор. Очерки рус. народной словесности т. II.

объ общественной жизни Руси въ послѣ-татарскую эпоху.

Въ религіи обрядъ сталъ преобладающимъ надъ самымъ ея содержаніемъ. Такъ, напримѣръ, въ церквахъ пѣли и читали въ одно время въ нѣсколько голосовъ. такъ что ничего нельзя было разобрать. Дѣлалось это для того, чтобы выполнить уставъ и ничего не пропустить. Правила монашескія налагали тяжелое бремя на мірянъ, которыя внѣшнимъ выполненіемъ ихъ думали быть оправданными передъ Богомъ. Немного находилось людей, даже въ средѣ духовенства, которые любили заниматься чтеніемъ книгъ, а еще менѣе такихъ, которые рѣшались писать сочиненія. И потому наша духовная литература въ первой половинѣ XVII-го вѣка была довольно скудна. Проповѣдь совершенно исчезла, такъ что попытки ревнителей просвѣщенія ввести ее въ богослуженіе сочтены были за вредное нововведеніе. Обыденная жизнь была лишена поэзіи: женщина стояла въ положеніи приниженномъ. Въ одномъ сборникѣ XVII-го вѣка есть «Слово о женахъ». гдѣ главный предметъ злая жена и вредъ приносимый ею въ жизни. Приводя это слово въ выдержкахъ, проф. Буслаевъ прибавляетъ: «Удивительно какъ мало во всемъ этомъ человѣколюбиваго, христіанскаго снисхожденія къ человѣческой

немощи. И что за постоянное подозрѣніе какой-то тайной, губительной, всеразрушающей злобы въ созданіи столь нѣжномъ и слабомъ, какъ женщина! Съ какою—то затаенною досадою смотритъ сочинитель на красоту женскую. И такъ, нравственное чувство стариннаго грамотника, односторонне направленное, не могло совмѣститься съ чувствомъ изящнаго». Женщина имѣла общественное значеніе только какъ мать взрослаго сына; какъ жена, она была рабою мужа, дѣвушкою она жила въ отдаленіи отъ общества. Любовь, какъ возвышенное чувство къ женщинѣ, не одушевляла юности. Застой общественной жизни сказался наконецъ равнодушіемъ русскаго человѣка къ славѣ и подвигамъ. Лишенные общенія съ образованными народами, мы глядѣли тогда на Востокъ, и выходъ нашей жизненной силы было—бѣгство народа за Уралъ и заселеніе дальнихъ украинъ. Экономическое состояніе было бѣдное, судъ былъ пристрастный, безурядица въ управленіи содѣйствовала укрѣпленію сильнаго и наконецъ привело къ закрѣпощенію крестьянъ.

Но послушаемъ, что говоритъ о Россіи XVII-го вѣка современникъ Крижаничъ, сербъ, пришедшій въ Москву съ цѣлью поднять славянскій языкъ, написать для него грамматику и лексиконъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружить хитрости и обольщенія, которыя чужіе

народы въ своихъ сочиненіяхъ распространяютъ о славянахъ. Сочувствуя Руси, въ своихъ думахъ, онъ обрисовываетъ ея плачевное состояніе:

«При всей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, Россія со всѣхъ сторонъ заперта для торговли, мало въ ней торговыхъ городовъ. Умы народа къ этому дѣлу тупы, нѣтъ умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ. Купцы русскіе не учатся даже ариѳметикѣ, оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ ничего не выдумаетъ, онъ не промышленъ, лѣнивъ и добра себѣ не хочетъ. Русское платье не красиво и не удобно, за него насъ зовутъ варварами. Нерасчесанные волосы, борода и остриженная на маковкѣ голова дѣлаютъ насъ какими то лѣсовиками.... У насъ нѣтъ природной гордости, одушевленія.... Великое наше народное несчастіе — это неумѣренность во власти: не умѣютъ наши люди мѣры держать, не могутъ идти среднимъ путемъ....—Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго государства, какъ Польское, и такого горькаго, какъ Русское. Расплодились въ народѣ премерзкіе нравы. Отчего все это происходитъ? Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, тайными доносчиками: люди отовсюду вездѣ связаны, все должны дѣлать тайкомъ и за

всякое дѣло приказнымъ людишкамъ и ворамъ посулы давать». Затѣмъ Крижаничь рисуетъ печальную картину упадка нравственности и всенароднаго пьянства.

Другое сочиненіе въ томъ же родѣ принадлежитъ коренному москвичу, подьячему Григорію Котошихину, написавшему свое повѣствованіе о бытѣ и нравахъ Россіи, въ Стокгольмѣ, куда онъ бѣжалъ изъ Москвы. Съ спокойствіемъ человѣка, сжившагося съ московскими порядками, онъ строго осуждаетъ худыя стороны этихъ порядковъ. Рѣчь идетъ о жизни и обычаяхъ царя, его семьи и бояръ, о думѣ боярской, о пріемѣ иностранныхъ пословъ, объ администраціи; только духовенства онъ не касается. Вглядываясь въ недостатки москвичей, Котошихинъ указываетъ на спесь бояръ, на лихоимство приказныхъ и воеводъ и на грубыя стороны семейныхъ нравовъ. Причину настроенія авторъ находитъ въ невѣжествѣ, въ томъ, что русскіе «никакого добраго поученія не пріемлютъ», что многіе грамоты не знаютъ, и нѣтъ обычая женщинъ учить. Онъ жаждетъ другого порядка и надѣется, что придетъ пора, когда наука и на Руси получитъ свое право.—Такъ со второй половины XVII-го вѣка, въ средѣ московскихъ людей, обнаружились проблески новаго наступавшаго времени.

Столкновеніе съ Польско-Литовскимъ государствомъ, въ смутное время и въ продолженіи долгихъ войнъ, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, расшевелило московскую Русь, возбудило новыя потребности и завязало общеніе съ западомъ. Но ближе поляковъ были намъ православные малороссы.

Ко второй половинѣ семнадцатаго столѣтія Кіевская, основанная митрополитомъ Петромъ Могилою, академія уже дала рядъ писателей, изъ которыхъ особенно извѣстны были: Кириллъ Транквиліонъ, Іоаникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Лазарь Барановичь, а позднѣе св. Димитрій Ростовскій (Туптало). Въ основѣ преподаванія въ Кіево-Могилянской академіи было положено знаніе латинскаго языка и литературнаго польскаго. Система преподаванія, литературные пріемы и предметы изученія были заимствованы всецѣло отъ средне-вѣковыхъ школъ западной Европы, почему и самое направленіе всей этой науки зовется «схоластикой».

Характеръ сочиненій схоластиковъ былъ преимущественно полемическій, развившійся вслѣдствіи необходимости борьбы православія съ латинствомъ; главнымъ литературнымъ родомъ была проповѣдь, которая, кстати сказать, въ московской церковной литературѣ совершенно исчезла. Южно-русская проповѣдь, по образцу польской, наполнялась

самыми разнообразными заимствованіями изъ писателей древнихъ и средне-вѣковыхъ, снабжалась анекдотами, притчами и порою, чтобы завлечь слушателей, переходила въ простой, фамильярный, иногда шутливый тонъ. По предписанію «Руководства для проповѣдниковъ» въ проповѣди должны были помѣщаться «мудрыя и дивныя, веселыя и смутныя вещи». Въ такомъ же родѣ писались и полемическія статьи, гдѣ дарованія писателей растрачивались на цвѣты утонченнаго краснорѣчія.—Кіевская наука дала руководства къ писанію проповѣдей, катихизисъ, грамматику, ариѳметику, лексиконы, выработала силлабическіе вирши, которыми и писались кантаты и школьныя драмы. Схоластика на далеко отстала отъ просвѣщенія западной Европы того вѣка. Сверхъ того она ломала языкъ нашъ южно-русскими выраженіями и полонизмами, искусственно создавая особый, нестройный слогъ и чуждые свойствомъ русскаго языка силлабическіе стихи. Однако же она пріучила насъ къ научному труду, помогла завести училища и расширила умственный кругозоръ богословски образованныхъ школяровъ.

«Схоластическое направленіе сдѣлалось господствующимъ въ самомъ авторитетномъ и самомъ образованномъ слоѣ русскаго духовенства и въ высшемъ сословіи. Въ началѣ XVIII вѣка представители этого

направленія приняли участіе въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, хотя далеко не сходились съ нимъ въ своихъ стремленіяхъ. Выдержавъ за тѣмъ борьбу съ наплывомъ протестанскихъ идей, схоластическое направленіе медленно уступало требованіямъ времени и уцѣлѣло въ нашихъ школахъ до XIX-го столѣтія *)».

Эта наука, эти схоластическія новизны перешли въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сперва въ лицѣ главнаго справщика (исправителя) церковныхъ книгъ іеромонаха Епифанія Славинецкаго, а потомъ въ лицѣ другого монаха Симеона Полоцкаго, учителя царскихъ дѣтей.

Учено-литературная дѣятельность Епифанія Славинецкаго въ Москвѣ состояла главнымъ образомъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ и переводѣ твореній св. отцевъ. Онъ глубоко зналъ греческій языкъ и вообще былъ обширныхъ познаній. Письменнымъ церковнославянскимъ языкомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, когда писалъ отъ себя; въ переводахъ же онъ теменъ и невразумителенъ, потому что заботился лишь о вѣрности буквы подлинника. Епифаній писалъ похвальныя слова, проповѣди, составлялъ словари. Важно отмѣтить и то, что онъ перевелъ съ греческаго изъ

*) Слова Л. Н. Майкова.

Ѳукидитовой исторіи, съ латинскаго изъ панегирика Трояну—Плинія младшаго и географію Европы и Азіи. Онъ наставничалъ во вновь устроенной школѣ, въ Чудовомъ монастырѣ.

Симеонъ Полоцкій открылъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и завелъ поученія для наставленія въ вѣрѣ у себя на дому. Литературная дѣятельность его развилась въ широкихъ размѣрахъ. Нѣсколько сочиненій его составляютъ какъ бы курсъ христіанскаго ученія. Затѣмъ онъ писалъ обширныя полемическія книги (Жезлъ правленія, Вѣнецъ вѣры).— Проповѣди его, соединенныя въ два обширные сборника, были полнымъ выраженіемъ теоріи риторовъ-схоластиковъ. Сверхъ того Симеонъ былъ большимъ любителемъ стихотворства. Онъ написалъ множество стихотвореній на разные случаи изъ жизни царскаго семейства—привѣтствій, хвалебныхъ одъ и жалостныхъ стиховъ на происшествія печальныя. Онъ также связанъ съ начальною судьбою русскаго театра, такъ какъ перенесъ въ Москву кіевскую школьную драму.— Имя Симеона Полоцкаго связано и съ исскуствомъ. Въ заведенной имъ «на Верху» типографіи отпечатанныя красивомъ шрифтомъ книги украсились гравюрами, исполненными Трухменскимъ по рисункамъ Ушакова, прославившагося тогда живописца. Симеонъ написалъ апологію иконописи, гдѣ, излагая

ученіе о благолѣпіи святыхъ изображеній, онъ строго порицаетъ неискусныхъ художниковъ и почитателей вещества иконы.

Здѣсь мы приведемъ слова изъ статьи проф. Буслаева:

«Въ гравюрахъ (которыя на западѣ въ XVI и XVII вѣкахъ отличались необыкновеннымъ изяществомъ) переходили къ намъ не только современныя произведенія, но и древнѣйшія... Глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ благородной постановкѣ фигуръ, съ артистической обстановкой... Въ древнемъ русскомъ художникѣ пробудилась потребность красоты, естественности и природы... Невинное дѣвственное пробужденіе красоты въ глубоко вѣрующей душѣ христіанина сказалось въ сочиненіи изографа Іосифа, написавшаго иконописцу Ушакову посланіе въ защиту художественной иконописи. Защищать было что, потому что были невѣжды, которые не только не чувствовали необходимости въ красотѣ освященныхъ изображеній, но даже почитали все свѣтлое, ясное, радостное, собственно живописное, непристойнымъ и вреднымъ для души».

Наплывъ переводовъ съ польскаго и латинскаго образовалъ у насъ наконецъ свѣтскую литературу.

Въ XVII вѣкѣ появились во множествѣ хронографы *). Издавна они у насъ были, но только въ иныхъ переводахъ и не въ такомъ распространенномъ объемѣ.

*) Этимъ именемъ называлась обыкновенно переводная Византійская лѣтопись, а позднѣе подъ нимъ разумѣлись кампиляціи по всемірной исторіи, составленныя въ разное время и изъ разныхъ источниковъ. (Андрей Поповъ).

Великое число этихъ фоліантовъ находится и теперь въ нашихъ книгохранилищахъ *).

Многія сказанія, бывшія у насъ и прежде въ переводахъ сербскихъ и болгарскихъ, появились вновь въ XVII вѣкѣ. Такъ появилось вновь уже давно любимое и влiявшее на древніе памятники нашей письменности «Сказаніе о подвигахъ Александра Македонскаго», а въ слѣдъ за тѣмъ и знаменитая въ средне-вѣковой литературѣ «Троянская война».—Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ средне-вѣковой Европы—громаднѣйшій сборникъ разсказовъ историческихъ, бытовыхъ и поучительныхъ, книги—откуда черпали проповѣдники и моралисты и такіе писатели, какъ Боккачьо и Шекспиръ **), стала также нашимъ достояніемъ. Книга эта называлась «Gesta Romonorum», а у насъ «Римскія дѣи» (дѣянія).

Повелѣніемъ царя Алексѣя Михаиловича восемьдесятъ «писцовъ богобоязливыхъ, ученіемъ преизрядпыхъ» перевели на славено-россійскій языкъ съ польскаго «Великое Зерцало». Число повѣстей помѣщенныхъ въ этомъ огромномъ фоліантѣ доходитъ до девятисотъ. Изданія Зерцала дѣлались іезуитами; имъ принадлежитъ и польскій переводъ, а въ

*) Списковъ хронографовъ XVII в. въ одной Имп. Публичной Библіотекѣ больше 60.

**) Исторія рус. литературы А. Н. Пыпина. ч. II, стр. 520.

нашемъ переводѣ специально католическія черты были сглажены. У насъ Зерцало имѣло большое распространеніе: многія изъ помѣщенныхъ въ немъ повѣстей списывались отдѣльно, пользовались авторитетомъ и даже помѣщались въ синодикахъ, какъ напримѣръ разсказы о загробной жизни. Большой успѣхъ Великаго Зерцала объясняется тѣмъ, что легендарное чудесное, равно какъ и проповѣдь благочестія и осужденіе мірскихъ удовольствій, совпадало съ господствующимъ литературнымъ направленіемъ нашимъ.

Къ запасу извѣстныхъ намъ съ конца XV-го вѣка повѣстей *) въ XVII-мъ прибавились теперь многія другія повѣсти происхожденія западно-европейскаго, азіатскаго и восточнаго. Герой одной изъ такихъ повѣстей (Bueves d'Hanstone), по отвагѣ родной братъ нашимъ богатырямъ, получилъ на Руси всенародную извѣстность, какъ Бова королевичъ. Исторія его похожденій распространилась во множествѣ рукописей, а въ послѣдствіи въ печати и на лубочныхъ картинахъ. Бова вошелъ и въ заколдованный кругъ устныхъ народныхъ сказокъ.

Повѣсти сдружились также съ устною поэзіею, дойдя до народа въ рукописяхъ и въ изданіяхъ подъ

*) Повѣсти: о Дракулѣ Мутьянскомъ воеводѣ, объ Акирѣ Премудромъ, о Динарѣ царевнѣ, о прекрасномъ Девгеніи и другія.

названіемъ «потѣшныхъ книгъ».—Польскія фацеціи, (смѣхотворныя повѣсти и шутки), положили тогда же начало той низкопробной литературѣ, которая выразилась въ текстахъ къ лубочнымъ картинамъ, гдѣ среди пошлаго и грязнаго попадаются мѣткія черты народнаго юмора.

Литературное новое стало оказывать все большое и большое вліяніе на старую школу; дрогнули монастырскіе затворы, и жизнь мірянъ внеслась наконецъ и въ рамки легенды, прежде исключительно монашеской. Явилась повѣсть, гдѣ дѣйствующимъ главнымъ лицомъ уже была женщина, или обыкновенный мірской человѣкъ—купецъ или подъячій *). Совершенно новое, своеобразное внесла въ литературу одна исторія «О Фролѣ Скобѣевѣ и о стольничей Нардина Нащокина дочери, Аннушкѣ. Это—родъ новеллы, забавный случай похищеніе боярышни ловкимъ плутомъ—и притомъ увѣнчавшійся успѣхомъ. Эта повѣсть, въ своемъ родѣ почти единственная, долго жила въ литературѣ и въ концѣ слѣдующаго столѣтія была передѣлана съ значительными пополненіями.

Вообще проблески новаго въ литературѣ XVII-го столѣтія довольно рѣдки, особенно по сравненію съ

*) Купецъ—въ сказаніи о Саввѣ Грудцынѣ, подъячій—Фролъ Скобѣевъ.

громаднымъ количествомъ того, что въ этотъ вѣкъ писали въ духѣ и направленіи стараго времени, что переписывали во вновь составляемые сборники изъ матеріала древняго, не исключая и лѣтописей. Замѣчателно, что схоластики, составляя первые учебники по русской исторіи не знакомились съ лѣтописями, почему и самые учебники ихъ были скудны содержаніемъ и исполнены самыхъ крупныхъ ошибокъ.—А старые учители излагали свои повѣствованія о ближайшемъ прошломъ (о смутномъ времени) по рутинѣ XVI-го вѣка—въ духѣ исключительно религіозномъ, завзято и пристрастно.

Въ области народнаго творчества совершился то же переворотъ. Книжные идеалы потрясли богатырскій эпосъ. Положительный взглядъ на дѣйствительность открылъ фантазіи новый историческій путь. Развился кругъ духовныхъ стиховъ и историческихъ былевыхъ пѣсенъ. Но никакія преслѣдованія народныхъ суевѣрій и обычаевъ, никакія гоненія на народныя пѣсни со стороны ригористовъ не могли разсѣять эпическое чудесное: явилась народная сказка—сплетенія были съ небылицами. Сказка, допуская недовѣріе къ своему содержанію тѣмъ не менѣе питаетъ любознательность и увлекаетъ фантазію таинственнымъ и чудеснымъ.

За тѣмъ открывается передъ нами большой кругъ

народной прозы: апокрифическіе разсказы и правоучительныя притчи русскаго издѣлья — отъ Адама и Евы, отъ Ноева ковчега и до новеллъ, или анекдотовъ объ Іоаннѣ Грозномъ, о томъ какъ онъ, переодѣтый, любилъ ходить по Русскому царству. Такія произведенія народнаго пошиба появляются понемногу и въ письменности. На долю нѣкоторыхъ, наиболѣе стройныхъ и замысловатыхъ произведеній, выпадаетъ и литературная обработка. Такъ и «Горе-злосчастье», съ котораго мы начали эту бесѣду, явилось въ письменности съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ и подъ такимъ заглавіемъ: «Повѣсть о Горѣ и Злосчастіи какъ довело молодца въ иноческій чинъ».

Въ самое время разгара трудовъ по исправленіи богослужебныхъ книгъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ патріарха Никона, началась великая внутренняя смута. Вопль старыхъ учителей о томъ, что новые учители, кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учатъ ересямъ, произвелъ эту смуту. Но вотъ борьба съ расколомъ идетъ глубоко въ народъ и съ другой стороны доходитъ и до царскихъ палатъ. «Патріархъ—исправитель книгъ падаетъ, падаютъ и другіе сильные люди, близкіе къ царю—то за ихъ сочувствіе къ новому ученію, къ новымъ порядкамъ (бояринъ Матвѣевъ), то за приверженность къ ста-

ринѣ (Морозова, княгиня Урусова—страдалицы за приверженность къ расколу). «Потрясся старый порядокъ, помутилась русская земля» говорятъ старые учители; всѣ бѣды по ихъ понятіямъ происходятъ отъ нововведеній. Помутилась русская земля! И дѣйствительно старый бытъ пошатнулся. «Ничего не управить, не сдержать, а тутъ еще преслѣдуютъ богослужебныя книги, что завѣщали намъ отцы и дѣды» *).

Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ стоитъ между двухъ теченій: старовѣрнаго и новаго. Онъ удаляетъ Никона и плачетъ о немъ: онъ ходитъ около темницы заключеннаго, по его повелѣнію, расколоначальника протопопа Аввакума и проситъ его благословенія. Онъ оберегаетъ раскольниковъ отъ гнѣва исправителей церковныхъ порядковъ и въ то-же время не противится осужденію своей родственницы за приверженность къ старой вѣрѣ. Государь носитъ бороду и древнее одѣяніе, но охотникъ до иностранныхъ вещей: ѣздитъ въ нѣмецкой каретѣ съ хрустальными окнами; на пиру у него играетъ на органѣ нѣмчинъ и бьютъ по накрамъ и литаврамъ. Строго хранитъ онъ всѣ обычаи старины, исполняетъ съ точностію монашескія правила, по

*) На этихъ трехъ страницахъ мы пользовались преимущественно исторіей Россіи Соловьева, т. XIII, глава I.

праздникамъ принимаетъ живое участіе въ церковныхъ торжествахъ, принимаетъ игуменовъ разныхъ монастырей съ просфорами; разсылаетъ указъ, вмѣстѣ съ запрещеніемъ цѣлаго ряда суевѣрныхъ обычаевъ, чтобы «домры, сурны, гудки, гусли и хари (маски) искать и жечь». А между тѣмъ нѣмцы и дворовые люди Матвѣева тѣшатъ его комидійномъ дѣломъ: «играли на органахъ въ заговѣнье и комедію ломали какъ царица царю Алаферну голову отсѣкла». Комедіи эти между прочимъ писалъ и Симеонъ Полоцкій, учитель царскихъ дѣтей.

«Комедія притчи о Блудномъ сынѣ» имѣла особый успѣхъ и вскорѣ по смерти сочинителя была издана въ Москвѣ съ многочисленными иллюстраціями. Она въ противоположность стиху о Горѣ-злосчастіи выводила на первый планъ родителя, очерчивала проявившійся тогда разладъ между отцами и стремившимся «обогатитися умомъ» младшимъ поколѣніемъ и кончалось умилительнымъ примиреніемъ *).

Старшіе дѣти царя были схоластики по образованію, ученики Симеона Полоцкаго. Царевичъ Алексѣй въ особенности отличался по латыни, царевичъ Ѳеодоръ перевелъ стихами два псалма 132 и 145-й. Царевна Софія сама писала вирши для драмъ, и недаромъ въ ея честь говорились проповѣди о пре-

*) Майковъ—въ статьѣ: «Симеонъ Полоцкій».

мудрости. Софія была новый человѣкъ по отношенію къ старымъ учителямъ и стрѣльцамъ; она указываетъ Хованскому, что онъ не знаетъ грамматики. Ближній бояринъ правительницы, князь Василій Васильевичъ Голицынъ говорилъ хорошо по латынѣ. Обстановка его дома и библіотека (описаніе ихъ сохранилось) служитъ характеристикою нового, переходнаго времени. «Въ палатѣ (кн. Голицына) потолокъ накатный, холщевой: солнце, небесные зодеи, и планеты писаны живописью и золотомъ. Съ середины потолка, на желѣзныхъ прутьяхъ, паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ, въ каждомъ 8 подсвѣчниковъ. Портреты царей; персоны королевскія. На стѣнахъ пять зеркалъ въ черепаховыхъ рамахъ. Окна большія, стекла съ личинами. Въ спальнѣ землемѣрные нѣмецкіе чертежи (географическія карты). Много у него часовъ боевыхъ и столовыхъ чудныхъ. Нѣмецъ на конѣ, а въ лошади часы. Три фигуры нѣмецкія орѣховыя, а въ срединѣ трубки стеклянныя, а подъ ними въ стеклянныхъ чашкахъ ртуть, а возлѣ дощечки мѣдныя съ вырѣзанными нѣмецкими словами и цифирью»... Ничего подобнаго не было въ низкихъ палатахъ Нарышкиныхъ—съ маленькими окошками, со старинною иконописью въ домѣ и въ домашней церкви, которая горѣла золотомъ.

У Голицына, у царевенъ на Верху—много книгъ, и печатныхъ и письменныхъ: персоны Ассирійскихъ, Персидскихъ и Римскихъ царей и кое какія нѣмецкія книги, дикціонеры, грамматики писанныя Польско-Русскимъ языкомъ—труды Кіевскихъ ученыхъ; лечебники научные и конскіе лечебники, алкоранъ Махметовъ въ переводѣ, книга всякимъ звѣрямъ и птицамъ въ лицахъ и всякія схоластическія мудрости и потѣшныя книги въ лицахъ: «Исторія о Брунцвикѣ королевичѣ, Чешскія земли», «Петръ—золотые ключи». Юный сынъ царицы Натальи Кирилловны не меньше братьевъ своихъ любилъ учиться. Грамотѣ училъ его Зотовъ, но съ уходомъ Зотова кончается ученье. Къ нему не приставляютъ учителя въ родѣ Симеона Полоцкаго, который бы научилъ его риторическимъ хитростямъ и латынскому языку. Но были еще и другіе учители, которые ничего не разсказывали. Отъ нихъ нельзя было пріобрѣсти свѣдѣнія по грамматикѣ и реторики. Но за то у нихъ въ Нѣмецкой слободѣ кипѣла жизнь общественная. У нихъ женщина стояла иначе, чѣмъ у насъ: у нихъ было умѣнье сладить со всякимъ мастерствомъ; у нихъ были хитрые снаряды и инструменты; они отлично выдѣлывали кожу и пили пиво изъ затѣйливо сдѣланной кружки.

С. М. Соловьевъ такими словами вводитъ насъ

въ исторію Петра: «Петръ съ 9 лѣтняго возраста уже царь и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтель страшныхъ кровавыхъ сценъ, мучительной смерти родныхъ, отчаянья матери. Онъ слышитъ ея жалобы на несчастную судьбу отечества, на то, что власть перешла въ руки гонителей. Что же было дѣлать ему, огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—по улицѣ широкой ходить, съ ребятами тѣшиться, какъ говорила древняя былевая пѣснь о богатырѣ. И Петръ выбѣжалъ изъ дворца на улицу, чтобы уже больше не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли въ немъ предки... Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца на улицу чистымъ и свѣжимъ и новымъ человѣкомъ, потому и способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ ищетъ товарищей и беретъ всякаго, кто кажется ему годнымъ. Является дружина со своимъ новымъ вождемъ, царемъ по происхожденію, но онъ хочетъ быть царемъ по доблести и дѣйствительно становится имъ».

«О нравственномъ образованіи и говорить нечего. Какой нравственности можно было ожидать въ грязныхъ улицахъ тогдашней Москвы, да еще въ кругу разгульной молодежи, которые набьются на обѣдъ, и если кушанье имъ понравится, такъ вмѣстѣ съ блюдами отсылаютъ къ себѣ домой».

«Но ребята-потѣшные натолкнулись на нѣмецкую слободу: имъ понравилась не замкнутая жизнь, и пиво, и куренье табаку, и солдатскій духъ ея обитателей. Кромѣ того и нѣкоторыя хорошія стороны могли обратить на себя вниманіе того 14-ти-лѣтняго отрока, который какъ то, разговорившись съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, передъ отъѣздомъ сего послѣдняго во Францію, въ посольство, услыхалъ, что у князя былъ важный инструментъ—да жаль, украли! Можно было этимъ инструментомъ брать дистанцію, не доходя до мѣста. Искра упала въ порохъ. «Купи мнѣ инструментъ во Франціи». Долгорукій купилъ, привезъ, астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ станетъ съ нею дѣлать? Не умѣетъ -- какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу—не знаетъ-ли? Докторъ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго, и дѣйствительно приводитъ голландца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи»...

«Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и, при видѣ всякаго новаго предмета, распросы: что это? за чѣмъ? Въ Измайловѣ забрался въ амбаръ, гдѣ лежали негодныя вещи двоюроднаго дяди его, Никиты Ивановича Романова—и вдругъ находитъ судно особаго рода: иностранное. Запросъ Тиммерману:—что это за лодка? Ботъ англійскій.—Чѣмъ

лучше нашихъ? Ходитъ и противъ вѣтра. Кто можетъ исправить его? Отыскали Голландца Бранта».

Начинается сказочная, почти неимовѣрная дѣятельность богатыря — царя, но до литературы пока она не касается. При Петрѣ литература должна была сдѣлаться дѣловою, не только богословскою и схоластическою; она ждала своего реформатора. Петръ поддерживалъ схоластику и кіевскихъ ученыхъ призвалъ къ высшимъ іерархическимъ должностямъ. Самъ онъ писалъ по русски дурно, хуже всякаго старшиннаго граматника. Въ послѣдствіи языкъ его запестрѣлъ многими не кстати введенными въ рѣчь латинскими и нѣмецкими словами.

Крутая реформа собрала во едино расшатавшіяся силы скуднаго просвѣщеніемъ, огромнаго и до Петра мало вѣдомаго Европѣ государства. Но крутой переворотъ не обошелся безъ многочисленныхъ жертвъ. Напуганные новизнами еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его старшихъ дѣтей, люди грамотные, но необразованные, страстные въ дѣлахъ вѣры, приверженцы буквы, дошли до изступленія. Съ религіознымъ воззрѣніемъ неразрывна была вражда ко всякой новизнѣ. Расколъ распространился по Русской землѣ. Страхъ: антихристъ пришелъ! погналъ людей въ пустыни и лѣса сѣвера — на Онежское озеро, въ Вологодскій лѣсъ

и до Бѣлаго моря. Два вѣка назадъ въ пустынный Сѣверъ шли лишь передовые люди своего времени, основатели монастырей и несли съ собою просвѣтительныя начала.

«Въ то время, когда въ Москвѣ, съ разныхъ сторонъ, раздавались все громче и громче крики о необходимости перемѣнъ, о необходимости заимствованія науки у другихъ, образованнѣйшихъ народовъ—говоритъ историкъ—не оставались въ молчаніи люди, которые уперлись противъ движенія народа по новому пути. Они пропѣли свою историческую пѣсню про осаду Соловецкаго монастыря, какъ посылаетъ царь Алексѣй Михайловичъ своего воеводу къ Соловецкому монастырю порушить вѣру старую правую».

Изъ памятниковъ раскольничьей литературы остался одинъ, лучше всѣхъ другихъ памятниковъ переносящій насъ въ Россію семнадцатаго вѣка, это—Похожденія протопопа Аввакума, описанныя имъ самимъ. Аввакумъ, въ искренно и безъискусственно написанномъ житіи своемъ, является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуія, и не могли найти себѣ удержу. Въ житіи Аввакума читатель становится свидѣтелемъ схватокъ съ раскольниками, страданій въ ссылкѣ самого протопопа и

его Марковны—даже до степей отдаленной Дауріи. Здѣсь передъ читателемъ и Аввакумъ, и воеводы въ Сибири, и боярыни раскольницы въ Москвѣ, и духовные, и всякого чина люди, и сама протопопица—являются живьемъ и часто съ дословно переданными рѣчами.

При Петрѣ, усилилось бѣгство отъ свѣта просвѣщенія, усилился фанатизмъ, порожденный страхомъ, что будто настаетъ конецъ міру. И дѣйствительно, старый Русскій міръ кончился. Навѣянная свѣжимъ воззрѣніемъ на природу, былевая пѣснь превратилась вотъ въ какую сухую, и вмѣстѣ потрясающую пѣсню:

Пришло времечко гонимо,
Народился нашъ Антихристъ.
Стали его волю творити,
Усы, бороды стали брити
Латынскую одежду носити.
Вы бѣгите въ горы, во вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей;
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте вы, мои свѣты,
За вѣру старую христову.

За годъ до кончины перваго Императора, въ одну общину раскольниковъ, не подалеку отъ Холмогоръ, приходитъ пятнадцати - лѣтній юноша. Мальчикъ былъ изъ крестьянъ того новогородскаго племени, которое населило въ древности Поморье, того неиспорченнаго племени, которое не знало ни ига татарскаго, ни крѣпостнаго права, и которое до нашего времени поетъ по памяти какъ по грамотѣ — былины о богатыряхъ. Мальчикъ, не смотря на свою молодость, испыталъ многое: онъ съ 10 годовъ каждое лѣто и каждую осень ходилъ съ отцемъ въ открытое море, и даже до далекой Колы. Онъ былъ закаленъ въ борьбѣ съ волнами и привыкъ смотрѣть въ глаза смерти. Что же влекло его къ раскольникамъ — этимъ недавнимъ выходцамъ изъ серединной Руси? Что за дѣло будущему хозяину соймы и рыболовныхъ снастей до того, какъ креститься, двумя или тремя перстами? Но онъ горячо споритъ съ раскольниками отъ разума священныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ кое что себѣ усвоилъ. Опытные книжники переспорили нетвердаго въ книгахъ юношу, и онъ сталъ держать старую вѣру въ тайнѣ, хотя и вернулся домой къ лѣтнимъ морскимъ промысламъ, къ зимнимъ вечеринкамъ (бесѣдамъ) и къ чтенію духовныхъ книгъ. Крестьянинъ Иванъ Шубный научилъ его читать-писать, и грамота ему въ прокъ пошла. Онъ охочъ

былъ читать въ церкви и пересказывалъ житія святыхъ сидящимъ въ трапезѣ старичкамъ. Отецъ и мачиха преслѣдовали его за то, что сидѣлъ за книгами; онъ принужденъ былъ учиться въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ. Казалось не далеко было то время, когда онъ покинетъ домъ родительскій для раскольничняго скита. Но судьба въ лицѣ его побѣдила старое Горе-злосчастье. Свѣжій, бодрый, возбужденный самъ собою умъ не могъ поддаться расколу. Споры съ раскольниками только развили этотъ умъ, и юноша сталъ еще пытливѣе, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ напалъ въ домѣ Шубнаго на новыя книги. То были — грамматика Мелетія Смотрицкаго, риѳмованная псалтирь Симеона Полоцкаго и ариѳметика Магницкаго *). Эти книги онъ называлъ въ послѣдствіи вратами своей учености. Но какъ эти книги не оттолкнули его своею сухостью и трудностью схоластическаго неяснаго языка? Точно также не оттолкнули его, какъ Петра не оттолкнулъ изломанный, негодный къ употребленію ботикъ. Ломоносовъ за ариѳметикой

---

*) «Ариѳметика сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на словенскій языкъ переведенная Леонтіемъ Магницкимъ» была снабжена предисловіемъ, увлекавшимъ читателя значеніемъ наукъ и пользою ими приносимую «ремесленникомъ и художнымъ, подданнымъ всякимъ и вельможнымъ».

Магницкаго и Петръ въ амбарѣ дядюшки Никиты Ивановича; Ломоносовъ въ бѣгствѣ за наукою, путешествующій въ Москву съ караваномъ мерзлой рыбы, и промѣнявшій дворецъ на нѣмецкую слободу Петръ — не та же ли это великая сила, пробившаяся изъ тьмы на свѣтъ?

Но Петру вскорѣ помогло его царское значеніе, Ломоносова еще долго преслѣдуетъ Горе-злосчастье, несмотря на счастливыя обстоятельства, которыя дали ему пріютъ въ Заиконоспаскомъ училищѣ, а потомъ перевели въ Петербургъ, въ гимназію при Академіи Наукъ, а оттуда переселили въ Германію. Горе-злосчастье являлось ему и на чужой почвѣ; онъ терпѣлъ нужду, питался милостыной, пилъ чашу зелена вина и даже былъ взятъ въ рекруты прусскими вербовщиками. Сила духа спасла его отъ послѣдней бѣды, онъ дезертировалъ, онъ слышалъ за собой погоню и выстрѣлъ, но благополучно достигъ Вестфальской границы.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ, начинается его многосторонняя просвѣтительная дѣятельность. Вскормленный въ атмосферѣ непочатаго народнаго быта на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ языкъ нашъ такъ строенъ и выразителенъ, Ломоносовъ съ юности свыкся съ церковнымъ ученіемъ, потомъ прошелъ черезъ трудную схоластику и до поѣздки за гра-

пицу имѣлъ возможность самостоятельно вчитаться въ лѣтописи. На чужой почвѣ онъ воспринялъ лишь одно высшее—науку, какъ она проявилась тогда въ новомъ блескѣ, уничтоживъ астрологическія и другія двоевѣрныя средне-вѣковыя ученія. Но онъ не заразился отъ иностранцевъ предубѣжденіемъ о неспособности русскихъ къ самостоятельной наукѣ и своимъ примѣромъ блистательно доказалъ противное. Онъ воплотилъ въ себѣ силу воли по истинѣ богатырскую—и съ необыкновенною силою понятій (какъ сказалъ о немъ Пушкинъ) обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія.

Россія съ ея нравственными началами и матеріальными богатствами была сердечнымъ предметомъ его сочиненій: не только въ статьяхъ и рѣчахъ, но и въ одахъ онъ обращается къ русскому прошлому и ловко отклоняется отъ Нептуна и Марса, чтобы вспомнить древнихъ князей и царей нашихъ, но преимущественно Петра, котораго заслуги онъ поучительнои ярко очертилъ передъ поколѣніемъ, его забывшемъ и тогда еще не доросшимъ до идеала великаго преобразователя Россіи.

Русское литературное прошлое «книги прошлыхъ вѣковъ» было опорой Ломоносову въ дѣлѣ устроенія русской рѣчи такою, какою мы пишемъ донынѣ и будемъ писать.

«Красота, великолѣпіе, сила и богатство россійскаго языка явствуетъ довольно изъ книгъ въ прошлыя вѣки писанныхъ».

Этими словами Ломоносова вполнѣ объясняется связь новой литературы съ основами нашей древней письменности.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Должно быть.*
12	8	»	вереги	вериги
31	4	»	исполни вся	исполнився
47	11	»	потщитесь,	потщитесь
76	20		случилось,	случилось
105	34		*серебо*	*серебро*
106	15	»	надисью	надписью
106	27	»	*надписа*	*надпись*
194	8	»	съ молитвами	съ молитвами.
198	9	»	пословицею	пословицу
199	11	»	по дѣламъ	по дѣломъ
207	21	»	голубиное—	«Голубиною»
207	25	»	голубиное	Голубиная
217	12	»	заянку	заиньку

